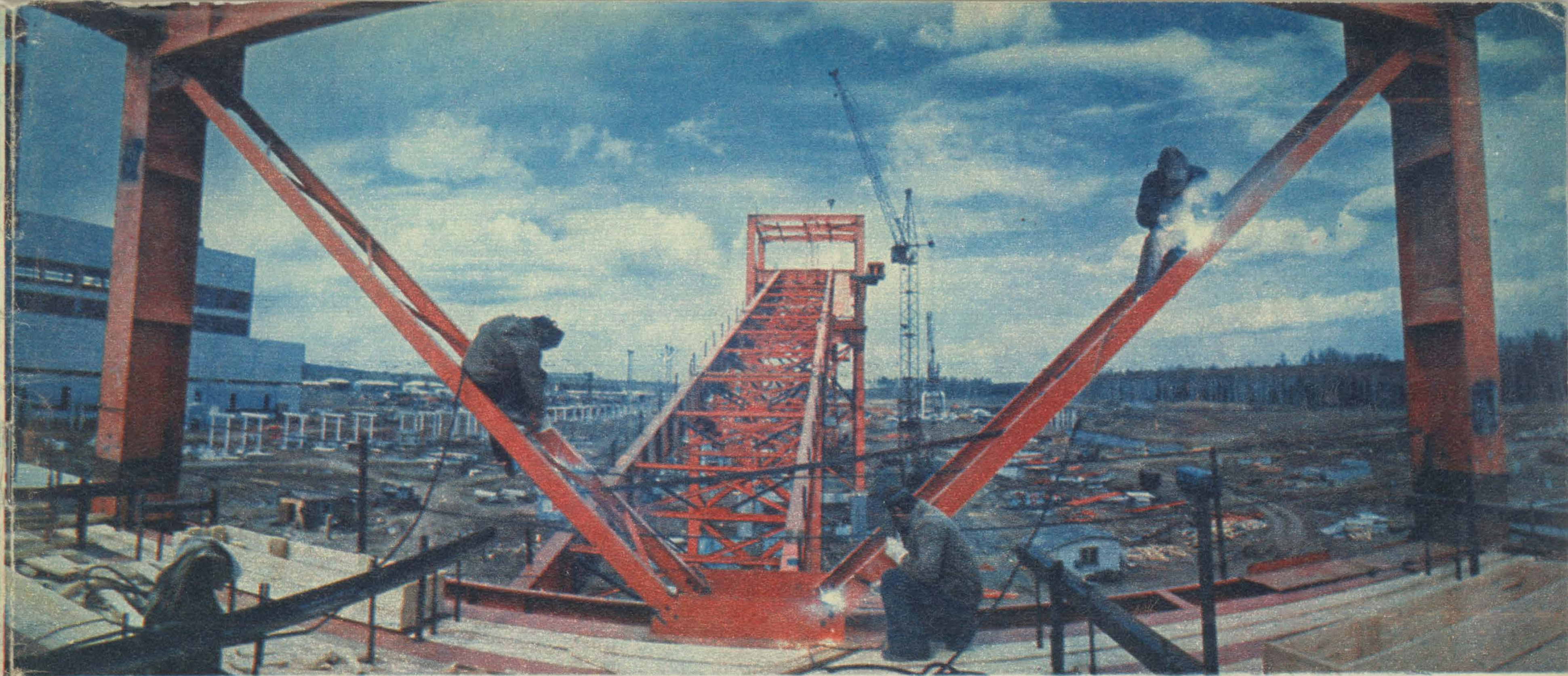




ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 6 ФЕВРАЛЬ 1979

КОНФЕРЕНЦИЯ КОММУНИСТОВ СТОЛИЦЫ

В Колонном зале Дома союзов 25 и 26 января работала XXIII конференция Московской городской организации КПСС.

Бурными, продолжительными аплодисментами встретили делегаты товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, А. Я. Пельше, М. А. Суслова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, П. Н. Демичева, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, Н. А. Тихонова, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, М. В. Зимянина, Я. П. Рябова, М. С. Горбачева.

Руководители Коммунистической партии и Советского государства с огромным подъемом были избраны в состав президиума конференции.

С отчетным докладом Московского горкома партии выступил член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

Затем состоялось обсуждение отчетных докладов горкома и ревизионной комиссии.

Конференция столичных коммунистов избрала руководящие органы городской партийной организации.

Состоялся пленум Московского городского комитета КПСС нового состава, на котором были рассмотрены организационные вопросы. Первым секретарем МГК КПСС избран В. В. Гришин.





Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 6 (2691)

3 ФЕВРАЛЯ 1979

В зале заседаний XXIII Московской городской партийной конференции.

Фото С. Гурария



Москва. Митинг на заводе деревообрабатывающих станков и автоматических линий. Фото Г. Корабельникова и Г. Шпунькина

ИДЕТ РЕГИСТРАЦИЯ КАНДИДАТОВ В ДЕПУТАТЫ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

ЕДИНСТВО

Страна активно готовится к выборам в Верховный Совет СССР. Окружные избирательные комиссии проводят регистрацию кандидатов в депутаты высшего органа государственной власти — это важный этап избирательной кампании.

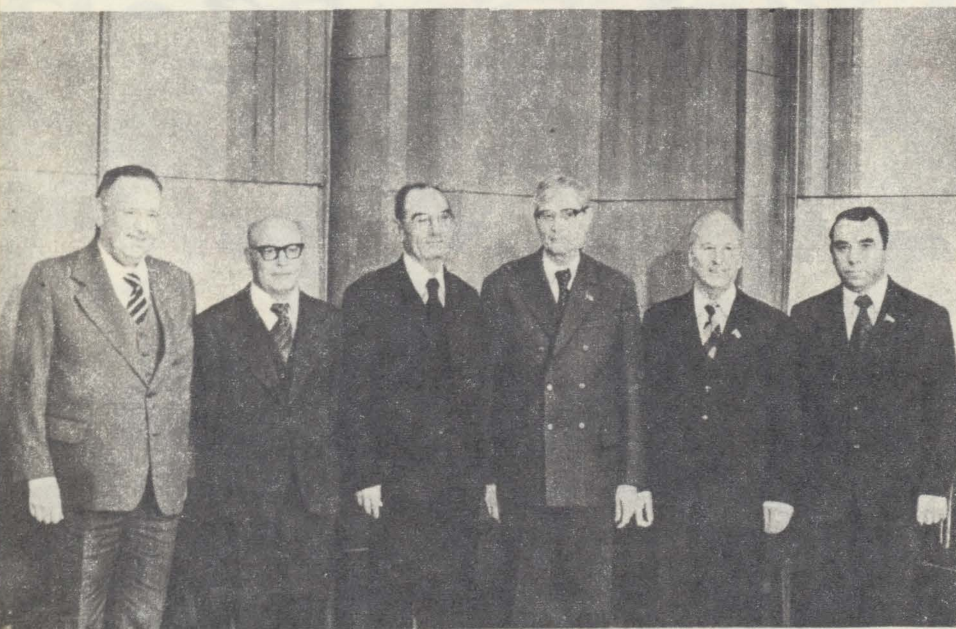
...Москва, Бауманский избирательный округ. На предприятиях, в организациях и учебных заведениях состоялись многолюдные митинги, на которых рабочие, инженерно-технические работники, служащие выразили товарищу Л. И. Брежневу глубокую признательность за согласие баллотироваться в депутаты Верховного Совета СССР по Бауманскому избирательному округу столицы.

Состоялось заседание окружной избирательной комиссии Бауманского избирательного округа. Председатель комиссии В. И. Семешкин, директор завода счетно-аналитических машин имени В. Д. Калмыкова, сообщил:

— Своим первым кандидатом в депутаты москвичи, как и весь советский народ, назвали продолжателя дела великого Ленина, выдающегося деятеля нашей партии и государства Леонида Ильича Брежнева. Мы с большой радостью узнали о том, что Леонид Ильич Брежнев дал согласие баллотироваться в депутаты Верховного Совета СССР по Бауманскому избирательному округу столицы.

На заседании окружной избирательной комиссии затем выступили ректор МВТУ имени Баумана Г. А. Николаев, рабочий завода счетно-аналитических машин И. Ф. Синодский, секретарь парткома

ВСТРЕЧА В ЦК КПСС



Во время встречи. Фото В. Кузьмина (ТАСС)

22 января в ЦК КПСС состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева, секретаря ЦК КПСС Я. П. Рябова, кандидата в члены ЦК КПСС, первого заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. В. Загладина с делегацией Прогрессивной партии трудового народа Кипра (АКЭЛ) в составе Генерального секретаря АКЭЛ Э. Папаиоанну и заместителя Генерального секретаря АКЭЛ А. Фантиса.

Члены делегации АКЭЛ информировали о борьбе партии кипрского народа против продолжающихся происков вокруг Кипра империалистических кругов, НАТО, которые путем выдвижения различных «инициатив» стремятся изъять кипрский вопрос из компетенции ООН и решить его в своих эгоистических интересах. АКЭЛ последовательно борется за сплочение патриотических, демократических и антиимпериалистических сил в рамках единого фронта, способного пресечь заговоры внутренней и внешней реакции, добиться мирного, справедливого, демократического, реалистического и общеприемлемого решения кипрского вопроса. Делегация АКЭЛ выразила КПСС, правительству СССР и советскому народу горячую благодарность за постоянную поддержку, оказываемую киприотам в их борьбе за свободное и демократическое развитие Республики Кипр.

Представители КПСС информировали об успехах советского народа в борьбе за выполнение решений XXV съезда КПСС в области внутренней и внешней политики. Они подтвердили, что Советский Союз решительно поддерживает самоотверженную борьбу АКЭЛ и патриотических сил страны против вмешательства во внутренние дела Кипра империализма, который, используя подрывные действия местной реакции, препятствует действенному урегулированию кипрской проблемы в интересах всего кипрского народа — греков и турок.

Встреча прошла в обстановке братской дружбы и полного взаимопонимания.

Всесоюзного электротехнического института имени В. И. Ленина Б. Д. Курносов, председатель исполкома Сокольнического районного Совета Д. Д. Ильин, первый секретарь Бауманского райкома партии С. А. Купреев, швея-мотористка производственного объединения «Большевичка» В. С. Гриднева.

Единогласно было принято постановление: зарегистрировать кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР по Бауманскому избирательному округу по выборам в Совет Союза Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Ильича Брежнева.

В обстановке единодушия комиссии зарегистрировали кандидатов в депутаты — лучших сынов и дочерей Родины: ткачиху Монинского камвольного комбината Клавдию Платоновну Дворянинову, сталевара волгоградского металлургического завода «Красный Октябрь» Александра Николаевича Позднякова, председателя латвийского колхоза «Накотне» Героя Социалистического Труда Артура Эдуардовича Чиксте, бригадира комплексной бригады колхоза «Кубань», Героя Социалистического Труда Михаила Ивановича Клепикова и других.

На заседаниях окружных избирательных комиссий зарегистрированы кандидатами в депутаты Верховного Совета СССР товарищи: Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, Г. А. Алиев, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, П. М. Машеров, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, Э. А. Шеварднадзе, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, М. В. Зимянин, Я. П. Рябов, К. В. Русаков, М. С. Горбачев.

АГИТПУНКТ НА ПЛАВУЧЕМ ЗАВОДЕ



В агитпункте плавзавода «Павел Постышев» дежурят агитаторы Г. Н. Мухин и Н. В. Ермолаева.

Фото автора

Морской трамвай идет вдоль бухты Золотой Рог. Маршрут его недолог — всего десяток минут, но интересен тем, что от начала — с улицы Корабельной набережной и до конца,— до Мальцевской переправы, проходит вдоль судов, стоящих у причальных стенок. Большие, океанские, и малые, они стоят, тесно прижавшись к берегу. Вроде бы ничего примечательного в этой обычной, знакомой каждому жителю Владивостока картине нет. Но, приглядевшись, замечаешь, что сейчас, во время избирательной кампании, на судах царит особое оживление. В привычный глазу такелажный пейзаж вписаны подсвеченные огоньками плакаты со словами «Агитпункт», «Избирательный участок».

Поднимаюсь на борт плавучего завода «Павел Постышев». Представившись вахтенному, направляюсь в агитпункт, расположенный в красном уголке. Здесь же избирательный участок № 157/2800. От дежурных агитаторов — третьего штурмана Г. Н. Мухина и начальника производственной лаборатории Н. В. Ермолаевой — узнаю, что скоро плавзавод уйдет в море и день выборов встретит на путине.

Сейчас и в море и на берегу идет подготовка к выборам в Верховный Совет СССР. В управлении производственных флотилий Дальморепродукт, куда приписан плавзавод «Павел Постышев», мне сообщили, что еще в начале января теплоход «Зеленогорск» выполнил агитационный рейс, доставил рыбакам, ведущим промысел, документацию к предстоящим выборам, литературу, плакаты, кинофильмы. На судах управления создано сорок четыре избирательных участка. Около семи тысяч избирателей примут участие в голосовании, находясь далеко от родного берега.

Я спросил у первого помощника капитана В. И. Чичикалова, что изменилось на судне и в управлении за четыре года, прошедшие от выборов до выборов?

— Добрых перемен немало,— ответил Виталий Иванович.— На судах не только улучшена техническая оснащенность, но и жилищные условия экипажа. Снабжение рыбаков непосредственно на промыслах тоже с каждым годом становится лучше. Что и говорить, во всем чувствуется забота о нас. А мы, в свою очередь, повышаем и качество и количество продукции. Коллектив плавзавода «Павел Постышев» стал инициатором почина «Каждому рабочему процессу — пост качества». Из пяти видов рыбных консервов, выпущенных на нашем заводе, два получили Знак качества. Почин поддержан всеми судами управления, опыт обобщен на предприятиях Приморского края. В общем, стараемся работать на совесть.

В. КУЗНЕЦОВ,
собкор «Огонька»

МЕДАЛИ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Президиум Академии наук СССР присудил золотые медали имени М. В. Ломоносова за 1978 год академику А. П. Александрову за выдающиеся достижения в области атомной науки и техники и профессору А. Тодду (Великобритания) за выдающиеся достижения в области органической химии. Золотые медали имени М. В. Ломоносова являются высшей наградой Академии наук СССР и присуждаются ежегодно (одна — советским, одна — иностранным ученым) за выдающиеся достижения в области естественных наук.

Академик А. П. Александров широко известен своими исследованиями в ряде областей современной физики и техники. Он является президентом Академии наук СССР, крупнейшим ученым — организатором советской науки.

Плодотворная разносторонняя деятельность академика А. П. Александрова — замечательного ученого и организатора науки, видного общественного и государственного деятеля — получила заслуженное признание: он — трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР.

Профессор А. Тодд — один из крупнейших химиков-органиков, основоположник ряда разделов химии природных соединений и биоорганической химии и в особенности химии нуклеиновых кислот. С 1976 года профессор А. Тодд — президент Королевского общества Великобритании.

Научные заслуги А. Тодда получили широкое признание. Он является членом ряда иностранных академий и научных обществ, удостоен многих научных наград.

Профессор А. Тодд выступает за развитие международного научного сотрудничества, он неоднократно бывал в СССР, поддерживает многолетние научные контакты с рядом советских ученых.



А. П. Александров.



А. Тодд.

22 января 1979 года исполнилось 80 лет со дня рождения видного литовского советского писателя и общественного деятеля **Ю. И. ПАЛЕЦКИСА.**

НАШ ЮСТАС

В центре Вильнюса я поинтересовался у прохожего, каким видом транспорта удобнее проехать к улице Чюрлениса. «Какой номер дома?» Я ответил. «А,— улыбнулся он,— к нашему Юстасу?»...

...Секретарь правления Союза писателей Литвы сказал при мне сотруднице: «Завтра — секретариат. Вы уже позвонили нашему Юстасу? Повестка должна быть ему интересна».

Конечно, с тех пор, как я впервые увидел товарища Палецкиса, он изменился. Тем не менее он так же прям и строен, как тогда. Возможно, правда, не столь быстр, но бодрости и энергии по-прежнему не занимать. Наша первая встреча была на фронтовой белорусской земле, и она запомнилась. По поручению Совинформбюро я должен был провести беседу с Председателем Президиума Верховного Совета Литовской республики, находившимся в 16-й Литовской дивизии.

Беседу я тогда назвал «Пост не смеет оставаться без часового». В ней товарищ Палецкис говорил, что литовский народ совместно с другими советскими братскими народами самоотверженно борется с гитлеровскими оккупантами.

Через несколько лет состоялась вторая встреча — в служебном кабинете президента, как в народе называли Юстаса Игновича. А накануне его юбилея — третья. Трудовой список его весьма примечателен: рабочий типографии, затем — на железной дороге, плотник, конторский служащий и учитель. В 18 лет, а это было в 1917-м, он писал: «Славная Отчизна, тебе мы отдадим все силы, тем самым обретем тебя могущественной». Он полагал, что написал стихи. Нет, он дал клятву.

В 1940-м, когда литовский фашизм свергли, публицист и литератор Палецкис, за свои прогрессивные взгляды сидевший в буржуазной Литве в концлагере и высылавшийся фашистским правительством из пределов страны, возглавил новое правительство и от имени Народного сейма на сессии Верховного Совета СССР вручил резолюцию с просьбой о вхождении Литвы в семью советских народов. С тех пор — большая государственная, общественная и литературная работа, высокое звание Героя Социалистического Труда.

Итак, вопросы и ответы:

— Восемьдесят лет... Если говорить о творчестве, много это или не очень?

— Станем судить лишь по литераторам советским. Если упомянуть уважаемую Мариэтту Сергеевну Шагинян, и после своего девяностолетия не оставляющую блистательного пера, не слишком много.



— Вы поэт, прозаик, публицист. Все же чары чьей музы сильнее?

— По строгому счету называю себя поэтом - любителем. Издают? Значит, и в редакциях, наверно, считают немного поэтом. Я бы сказал: мои стихи — как поэтическая иллюстрация к биографии.

— Расскажите, пожалуйста, немного о вашей литературной судьбе.

— Мне очень повезло с переводами на русский язык. Переводили такие великолепные стихотворцы, как Тихонов, Антокольский, Зенкевич, Арго, Петровых, Савич и многие другие. Проза? Книга рассказов «Жизнь начинается», трехтомник «Последний царь». Нет, не беллетризованная биография последнего Романова, а история революции. Проза и публицистика выходили у нас в Литве, в Москве, за рубежом. Из всех книг своих считаю наиболее значимой «СССР собственными глазами» — впечатления о моей первой поездке в 1933 году из буржуазной Литвы. Если честно, недоволен собой. Мечтал стать романистом. Не получилось.

— Государственная, партийная, общественная деятельность и — литература. Но сутки для тех, кто не мыслит своей жизни без занятия тем и другим, сутки, состоящие из двадцати четырех часов, все же не увеличиваются...

— Увы, нет. Но только несколько лет назад, не смейтесь, начал по-настоящему чувствовать себя писателем, когда смог целиком посвятить себя творческой работе.

ГОСТИ ГОРОДА КАЛИНИНА

С. БОРИСОВ,
фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты
«Огонька»



Заключается договор о социалистическом соревновании. Н а с н и м к е: звеньевой колхоза имени Ленина, Молоковского района, Калининской области, И. В. Чистяков, первый секретарь Калининского обкома КПСС П. А. Леонов, первый секретарь Волынского обкома КПУ Н. А. Корж, звеньевая колхоза «Завет Ильича», Рожищенского района, Волынской области, С. П. Васильева.

В один из дней января, когда почти повсюду метут метели, лютуют морозы и ничто в природе, кажется, еще не помышляет о весне,— в какой-то из таких дней в каждом областном центре страны происходит событие, не учтенное ни одним календарем. Наверное, его можно определить и так: деловая традиция ежегодно собираться в январе и говорить о минувших и грядущих заботах, обсуждать недостатки, делиться успехами, принимать новые планы. В служебной обстановке такое событие именуется «собрание партийно-хозяйственного актива», но по сути своей это собрание необычное. Каждый участник официальной встречи как бы приносит с собой частицу хлебного поля, уголок заводского цеха, стройки, институтской аудитории или, скажем, палубы грузового корабля — и в зале словно концентрируется вся трудовая жизнь области или края, все, чем полнится эта земля. Сотни людей — и почти у каждого на одежде либо звезда Героя, либо орден, депутатский флажок, значок лауреата, а уж трудовых медалей не счесть. Вот знакомое лицо — да, как же: портрет этого токаря на городской Доске почета; вот комбайнер — о нем пишет областная газета; а этот знатный строитель, что стоит у колонны, недавно выступал по телевидению... Улыбки, обмен мнениями, споры, встречи старых знакомых...

Мы в городе Калинине. Сегодня все внимание — к областному драмтеатру, где представители трудящихся области обсуждают свои дела. Тон совещанию задал острый, проблемный доклад первого секретаря Калининского обкома КПСС П. А. Леонова. Нет, область в минувшем году не сдала своих крепких позиций в сельском хозяйстве, промышленности, но задачи дня требуют вновь и вновь обращаться к резервам, которые во многом еще не раскрыты. Об этом говорят в прениях по докладу. Конкретные деловые анализы своей работы. Впрочем, не только своей — с трибуны раздается критика по адресу нерадивых смежников, транспортных организаций, министерств. Звучит и самокритика.

Все выступавшие поддержали проект социалистических обязательств калининцев на 1979 год, подчеркивали значение исторических решений XXV съезда КПСС, июльского и ноябрьского (1978 г.) Пленумов ЦК КПСС, указаний и рекомендаций товарища Л. И. Брежнева.

Важным событием совещания стала встреча гостей с Украины — делегации Волынской области. Тысяча километров от верховьев Волги до верховьев Припяти, но жителей двух областей давно и прочно соединяют нити дружбы. Об этом говорил в своем выступлении первый секретарь Волынского обкома Компартии Украины Н. А. Корж. В нынешнем году исполняется 325 лет воссоединения Украины с Россией, и в честь этого события предлагается развернуть социалистическое соревнование тружеников Волынской и Калининской областей. На трибуне — волынский льновод С. П. Васильева. Оказывается, земли у волжан и украинцев примерно одинаковые, позволяют собирать близкие по результативности урожаи льна. Стефания

«Гнетет забота сердце, и сетует оно, что в долгой жизни мною так мало свершено».

— По-настоящему почувствовав себя писателем — говорю вашими словами,— над чем нынче трудитесь? Планы? Что нового выходит?

— Из публицистики: для зарубежного литовского читателя пишу «Письма из Литвы». Готовлю к изданию вторую книгу путешествий «По белу свету». Она сперва выйдет на литовском языке. Пишу о братстве литератур, о встречах с советскими писателями, ставшими мне друзьями: А. Фадеевым, Н. Тихоновым, А. Сурковым, И. Эренбургом, О. Савичем и многими другими... Перед глазами встал сейчас Фадеев. Война. Мы в эвакуации. Я встретился как-то вечером с Александром Александровичем. Долго говорили. А потом он неожиданно запел своим тонким, колокольчатым голосом «Рябинушку». Мы подхватили. «В следующий раз,— говорит,— споем ее на вашей земле». Большой писатель. И человек.

— Вы знаете, Юстас Игнович, после нашей с вами фронтовой встречи мне рассказывали в армейской редакции, что однажды осколком мины ранило часового у штабного блиндажа вашей дивизии, а вы в это время проходили мимо. Перевязав раненого, вы стали на его место, сказав: «Пост не смеет оставаться без часового».

— Это одна из легенд. Но со словами, вложенными легендой в мои уста и совпавшие с названием нашей давнишней фронтовой беседы, не могу сегодня не согласиться. Каждый человек должен быть на своем посту бдительным часовым. Всю свою жизнь. С готовностью и сейчас подтверждаю это.

Беседу вел Олег МОИСЕЕВ

Петровна уже поговорила с местными льноводами и теперь с трибуны решается дать совет:

— Вам надо попеля больше вносить!

— Что такое попель? — слышится в зале, и кто-то — кажется, из президиума — переводит с украинского: «Да зола это, зола!» Васильева обстоятельно рассказывает, как девчонкой пришла когда-то на поле, как не верили ей тогда и как удалось поднять свой урожай с пяти до пятнадцати центнеров льноволокна с гектара! Ее проводили такими аплодисментами, какие, наверное, даже в этих стенах слышались не часто... Потом выступил калининский льновод И. В. Чистяков — тоже, как и С. П. Васильева, Герой Социалистического Труда — и предложил волынцам соревноваться льноводческими звеньями. Вызов был принят, и тогда П. А. Леонов, заключая совещание, сообщил: чтобы соревнование было равным по условиям (волынские льноводы говорили, что у них не хватает техники) — калининцы дарят звену Васильевой полный комплект машин для обработки льна! Так, едва начавшись, социалистическое соревнование уже принесло одной из сторон ощутимую помощь в работе... И состоялось подписание договора на социалистическое соревнование — с церемониалом, с обменом подарками, со вспышками ламп фоторепортеров. Подписывают свой договор и ткачи — Луцкой меланжевой фабрики имени 60-летия Советской Украины и Калининского камвольного комбината, продолжено традиционное трудовое соревнование со смолянами, псковичами.

...Есть поговорка — весенний день год кормит. Значит, вопреки законам природы, рабочая весна начинается в январе — по своим трудовым законам.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА



НЕТ ЗАДАЧИ ВАЖНЕЕ

Юрий **КОРНИЛОВ**

Меняются времена, меняется обстановка в мире. Разрядка сегодня — уже не теория, не лозунг, не благое пожелание, а весомая политическая реальность, на счету которой немало добрых дел; путь разрядки признан и поддерживается народами как единственно разумный в наше трудное время. Однако, хотя тенденция к смягчению международной напряженности оказывает все более ощутимое воздействие на политический климат планеты, успешное продвижение вперед по пути упрочения мира и безопасности народов невозможно, если не будет достигнут коренной перелом в борьбе за прекращение такого чудовищного порождения современной международной жизни, как гонка вооружений.

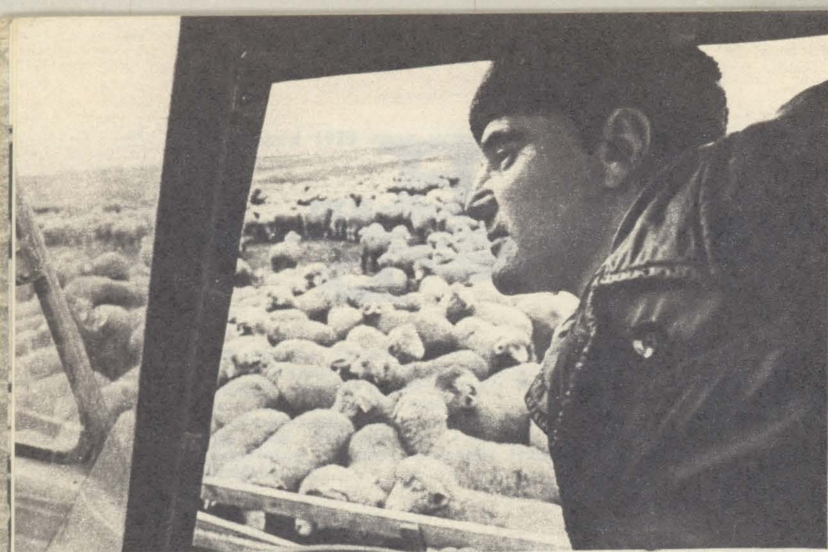
Гонка вооружений приобрела ныне глобальные, беспрецедентные масштабы. Ум и совесть человечества не могут примириться с тем, что в мире уже накоплены запасы оружия, достаточные для уничтожения всего живого на земле! Ум и совесть человечества не могут примириться с тем, что за годы, истекшие после окончания второй мировой войны, гонка вооружений поглотила поистине астрономическую сумму — 6 триллионов долларов, ежегодные расходы всех стран мира на военные цели в наши дни составляют 400 миллиардов долларов, а число людей, одетых в военную форму, превышает ныне 25 миллионов! Общие военные расходы США и других стран НАТО в истекшем году почти достигли 180 миллиардов долларов, и это для атлантических «ястребов» не предел. На сессии совета НАТО, состоявшейся в мае 1978 года в Вашингтоне, разработана долгосрочная программа дальнейшего увеличения производства орудий разрушений и смерти, на что решено дополнительно израсходовать 80 миллиардов долларов. Подстегивая под аккомпанемент клеветнической шумихи о мифической «советской угрозе» гонку вооружений, империалистические круги все активнее берут курс на производство и внедрение новых, все более разрушительных и изощренных видов оружия массового уничтожения, которые как бы размывают грань между обычной и ядерной войной.

«Для государств и народов, для государственных деятелей, несущих ответственность за жизнь и благосостояние своих стран, пришло время до конца осознать реальное значение альтернативы, перед которой стоит ныне человечество: либо гонка вооружений будет остановлена и повернута вспять, и тогда мирные начала смогут, наконец, необратимо утвердиться в межгосударственных отношениях, либо дело пойдет к новому опаснейшему балансированию на грани войны со всеми сопутствующими негативными последствиями для разрядки напряженности, нормализации межгосударственных отношений, решения мировых экономических проблем,— подчеркивается в недавнем послании Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева Комитету по разоружению, который в расширенном составе начал работу в Женеве.— Выбор здесь может быть только один: усилия, направленные на то, чтобы добиться решающего перелома в борьбе за прекращение гонки вооружений, должны быть удвоены, утроены, удесятерены».

Поскольку главная опасность миру исходит от нарастающей гонки ядерных вооружений, центральное место в усилиях СССР по обеспечению безопасности народов, естественно, занимают шаги, направленные на прекращение производства ядерного оружия во всех его видах и разновидностях, на постепенное сокращение его запасов вплоть до полной их ликвидации, иными словами — на исключение ядерного оружия из арсеналов государств. Именно эту линию отстаивает СССР и на заседаниях Комитета по разоружению в Женеве, повестка дня которого включает такие коренные вопросы, как меры ядерного разоружения, полное и всеобщее прекращение испытаний ядерного оружия, запрещение создания новых видов оружия массового уничтожения, включая нейтронное. Вместе с тем наша страна активно добивается прогресса и на всех других направлениях, ведущих к обузданию гонки вооружений: нет такого вида оружия, который Советский Союз не был бы готов ограничить, запретить на взаимной основе, по договоренности с другими государствами, а затем изъять из арсеналов.

Подлинно миролюбивые, конструктивные инициативы СССР, других стран социалистического содружества, всех миролюбивых сил, направленные на разрядку напряженности, на разоружение, горячо приветствуются народами, но эти инициативы вызывают ожесточенное противодействие империалистических кругов, недругов разрядки. Именно эти круги, не оставляющие иллюзорных надежд на получение односторонних военных преимуществ, на возрождение пресловутой политики «с позиции силы» в отношении социалистических государств, пытаются тормозить продвижение вперед на советско-американских переговорах по ограничению стратегических вооружений, воздвигают преграды на венских переговорах о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Эти круги ведут весьма опасную игру, поощряя агрессивный милитаризм пекинских правителей, которые предают яростной анафеме саму идею разрядки и провозглашают бредовую концепцию о том, будто «у каждого поколения должна быть своя война».

Советский Союз и его социалистические союзники — государства Варшавского Договора хорошо знают, как огромна по масштабам, трудна по своему характеру главная задача — укрепить мир. Но они знают столь же хорошо, что от решения этой задачи зависят жизнь, труд и лучшее будущее миллионов и миллионов людей, сам облик нашей планеты. И они преисполнены решимости сделать все, чтобы эта великая задача была решена!



Механизатор И. В. Бондарев зимой обслуживает несколько тысяч овец.



Три поколения чабанской династии Прокофия Сидоровича Таранухи (крайний справа). А кем будет правнучка Катя!



Родоначальники нового промышленного типа овцы.

Несколько слов об авторе. Василий Андреевич МОРОЗ — колхозный зоотехник, он живет и работает в селе Киевка, Апанасенковского района, Ставропольского края. Здесь, в дальнем углу Приманычской степи, он родился, вырос, нашел себя как человек и специалист. У его матери Анастасии Васильевны детей было трое, в годы военного лихолетья выжил один. Отец погиб в 1942 году на Волховском фронте. Послевоенное детство — тоже не мед; школьники Киевки, как тысячи их сверстников, жили взрослой жизнью крестьян: пасли скот, косили, метали стога, возили зерно на ток и в район. Поздней осенью им в виде поощрения разрешали взять, как, бывало, мужикам-кормильцам, на конюшне лошадь, чтобы отвезти домой на топку воз ржавого степного бурьяна — дополнение к извечному кизяку...

Василий Андреевич хотел учиться и добился своего: получил диплом зоотехника и вернулся в Киевку. Человек он незаурядный. Тысячи вопросов, одолевавших его в детстве, в институте, не оставляют его и теперь. Он очень рано, совсем молодым стал главным зоотехником и тут проявил себя любознательным специалистом, не захотевшим порывать и в степной колхозной глубинке с книгами, наукой, институтом. Пытливость и нужды чисто хозяйственные повелели заняться селекцией, отбором, созданием нового стада в колхозе. С высокими показателями в овцеводстве пришел и успех: колхоз возвели в ранг государственного племзавода. Василий Андреевич рано «защитился», причем без отрыва от производства. Получил ученую степень кандидата сельскохозяйственных наук, удостоился высокого звания «Заслуженный зоотехник РСФСР». Он член редколлегии столичного журнала, а недавно опубликовал книгу; по ночам пишет вторую, вот-вот приступит к обобщению огромного научно-практического материала и, что вполне возможно, сядет за докторскую диссертацию. Вот как много может вместить жизнь одного сорокалетнего человека! В. А. Мороз — человек авторитетный в Ставропольском крае. В колхоз к нему за советом едут специалисты, хозяйственные и партийные руководители. Его имя в числе творчески работающих специалистов недавно было названо в докладе на краевой партконференции.

Специальный корреспондент «Огонька» Н. БЫКОВ побывал в колхозе имени Ленина у В. А. Мороза и попросил Василия Андреевича рассказать читателям о предмете его забот и научных исканий — об овце нашего индустриального века.



Василий Андреевич Мороз — колхозный ученый.

ЧИСТОЕ РУНО

У нас есть все условия для того, чтобы производить больше, значительно больше баранины, шерсти, шубно-мехового сырья и полнее удовлетворять потребности страны в этой продукции.

Л. И. БРЕЖНЕВ.
Из доклада на июльском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС.

Скоро весна!..

В. МОРОЗ,
кандидат сельскохозяйственных наук, главный зоотехник колхоза имени Ленина

Фото Б. КУЗЬМИНА

Сотни народов на земле издревле связали свое существование, благополучие с овцой — самым кротким, неприхотливым и, может быть, самым щедрым из одомашненных животных. Овца служила человеку задолго до новой эры, а сегодня с впечатляющей силой вошли в моду ее шерсть и овчина. В век завоеваний химии, в частности синтетики, не только не забыты, не устарели, но и обратились в острый дефицит полушубки, дубленки, каракулевые манто... А любимые блюда! Чабанский шулюн, восточная шурпа, кавказские шашлыки, бешбармак — это все баранина, да такая, что и сытый человек пальчики оближет.

Но требования века, научно-технической революции предъявлены и овце, точнее, овцеводству, одной из важнейших отраслей сельского хозяйства. Овца остается и по сегодня ценнейшим источником мяса и сырья для промышленности. А требование времени таково, что необходимо увязать сельскохозяйственное производство, его бесспорную специфику с производством промышленным. Никого, ни селян, ни горожан, не устраивают теперь принципы и результаты экстенсивного, почти кочевого овцеводства, устаревшие методы содержания овец. Чабан, вечный страж и спутник отары — профессия неперспективная и потому дефицитная. Мы всячески поощряем и приукрашиваем сегодня тяжелый труд чабана и его подручных, но логика развития современного сельского хозяйства неумолима: чабанство как таковое отойдет с годами в легенды; овцеводство полностью, как и производство зерна, молока, птицы, яиц, свинины, перейдет на промышленные основы.

Думаю, что отличным стимулом для овцеводов явился известный почин ямпольцев, которые в минувшем году буквально революционизировали свое сахарное производство. Как это своевременно и современно прозвучало: бороться за конечный продукт — за белый сахар! Конечный продукт — точка единения общих интересов колхозников и работников перерабатывающей промышленности. И мое давнее пожелание: не шерсть взвешивать, а считать костюмы! В самом деле, вро-

де бы таинственно звучит: «По горам, по долам ходят шуба да кафтан...» Загадка? Так всегда по крайней мере казалось. Разгуливающие шуба да кафтан как бы уводили от очевидного ответа. Но он, ответ, уже произнесен! С точки зрения эффективного хозяйствования, экономически грамотного и заинтересованного овцевода по горам ходят не овцы, а действительно шуба, цигейка, каракуль, овчина, свитеры, носки в конце концов!..

Многолетние мои размышления и практика нашего колхоза показали, что невыгодно не заботиться о качестве овец, о качестве мяса и шерсти. Недаром говорят: одна плохая овца все стадо портит. Вот мы и задались целью значительно улучшить стадо нашего колхоза. Племенная работа, отбор и подбор дали свои результаты, мы стали больше продавать чистой длинной шерсти государству. Колхоз удостоился обязывающего звания государственного племзавода. А скоро все хозяйства нашего Апанасенковского района станут племзаводами. Завод, старое русское слово, обозначает не только машинизированное предприятие, трубы и дымы, но дело, прежде всего дело! Племенное дело — вот смысл работы, всей жизни большинства колхозников, специалистов колхоза имени Ленина. В Апанасенковском районе значительно возросли закупки шерсти, а с овцы настригли в среднем более семи килограммов шерсти. Улучшилось в хозяйствах района и качество продаваемой шерсти. Сейчас на Ставрополье реализуется тщательно разработанная программа развития овцеводства — славного наряду с пшеницей богатства края. Всему миру известна порода Ставропольская тонкорунная; выведена и совсем новая — Горная корридель. Сейчас в крае уже почти шестьдесят два процента стада составляют элитные и первоклассные овцы.

Не та овца, что была, не та! Наш колхоз, например, сейчас имеет угодий почти вдвое меньше, чем лет пятнадцать назад, а мяса мы продаем вдвое больше! И шерсти — намного больше. **Вот что значит интенсивное овцеводство: на каждые сто гектаров угодий получаем мяса в три с половиной раза больше, а шерсти — втрое по сравнению с 1965 годом.**

Именно овцеводство, как отметил на июльском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, позволяет с **наибольшей отдачей использовать огромные территории наших степных и полупустынных кормовых угодий.** Разумеется, в таком случае необходимо улучшать эти пастбища, а не ходить безучастно по стопам отар. Вооруженные техникой умные овцеводы подсевают пастбища, удобряют их, поливают, избавляют от сорняков и колючек. Нельзя в наше время испытывать овцу на неприхотливость. Она выживет, может быть, но продукции не даст. Так и случалось нередко, когда мы гоняли овец зимовать на Черные земли, что в Калмыкии... Поломав традиции отгонного овцеводства, мы только выиграли. То был **первый наш принципиальный шаг к новой технологии, в том числе и к стойловому содержанию овец зимой.** Да, там, где земли распаханы, где совсем немного пастбищ и мало даже неудобий, там жизнь и желание получить больше качественной шерсти заставляют смелее переходить на промышленное овцеводство. Но нельзя оставлять пастбищное животное вовсе без пастбищ. Наш колхоз ищет свои пути их улучшения, пути использования загонной пастьбы. Товарищ Л. И. Брежнев сказал на июльском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС, что в этом подходе к проблеме овцеводства хороший опыт имеется в Ставропольском крае.

Остановлюсь на опыте нашего колхоза. Овцеводство постепенно перестает зависеть от погодных условий, буранов, гололеда, бескормицы — извечных бичей овцы. Что мы сделали? Кроме кропотливой, долгой, направленной селекционной работы по улучшению стада, мы частично изменили самый способ содержания овец. Для них колхоз построил новый комплекс, мы его называем овцеплощадкой, ибо строили, не мудрствуя лукаво, без лишних затрат на «железобетонные хоромы». У нас все просто, доступно для любого хозяйства. Не обязательно, чтобы всюду гудели моторы, мигали электротабло и двигались ленты транспортера. Животных все эти премудрости пока пугают. Важно другое—увеличить нагрузку на человека, занятого в овцеводстве. Нагрузку не в смысле физического ручного труда, а числа обслуживаемых овец. Наша площадка это позволила сделать. Теперь здесь человек не пасет овец, не ходит за ними, не сторожит их, а активно обслуживает, удовлетворяя прихоти отары. Не чабан, а оператор и механизатор. Тракторист на колеснике чистит помещение, привозит и раздает на ходу корма и солому для подстилки. Вот и все. Оператор наблюдает за самочувствием отары. Не двести и не триста овец приходятся на одного обслуживающего, а тысяча! Помещение просторное, сухое, чистое, никаких аммиачных испарений, что важно для высокого качества шерсти. На площадке трудятся девушки и женщины—это в овцеводстве новость! Режим работы у них совсем иной, чем у традиционных чабанов. Операторы механизированной овцеплощадки живут рядом, в селе, живут полнокровной жизнью, работают отнюдь не круглосуточно. Они имеют бригадный дом, где вместе завтракают, обедают, отдыхают; теперь овцевод может учиться, он не оторван от семьи. Так во главу угла эксперимента мы ставим социальный аспект. Сначала человек, потом технология. Социальное диктует экономике.

Что дала площадка? Мы апробировали модель, может быть, одну из моделей стойлового содержания овец зимой. Сейчас здесь у нас девять с половиной тысяч овец и переярок. Площадка заменила десять кошар, десятки людей высвободила от самого древнего и тяжелого труда. Обслуживают овец три звена, всего девять операторов. Производительность труда возросла в пять раз! Качество шерсти стало намного лучше. Но мы помним: нельзя овцу переделать в свинью. Неразумно, противоестественно держать тут овцу и летом. Проблемы летнего пастбищного содержания очень злободневны. Овце летом нужны и простор, и горький полынный ветер, и типчак, прутняк, золотурган под ногами — отличные дикорастущие травы! Овцу создало пастбище. Мы учитываем биологические ее особенности.

О шерсти разговор особый. Шерсть от овец нашего колхоза хорошо знают работники перерабатывающей промышленности именно потому, что мы привозим шерсть чистую, с минимальным содержанием грязи и пота, выровненную по длине и типу. Дело в том, что мы, как теперь и ямпольцы на Украине, давно уже наладили прямые деловые связи с Невинномысской фабрикой первичной обработки шерсти. Раньше оценка шерсти искажалась, ибо заготовители-посредники соблюдали свою выгоду. И колхоз и фабрика заинтересованы в чистой шерсти. Чем больше так называемого мытого волокна, которое идет на производство пряжи, а не вала, не физической грязной шерсти, тем легче контролировать племенную работу, тем выше оплачивается труд овцеводов, выше их материальная заинтересованность. Значит, тем выгоднее самой фабрике: сырье лучше хранится, с ним меньше возни и хлопот. Переход на прямые связи положительно сказался на выходе шерсти: доля руна первого класса возросла, мы практически всю шерсть сдаем как первоклассную. И продажная цена повысилась — теперь государство щедро оплачивает высокое качество продукции. С чабанами мы не рассчитываемся, пока не кончим расчетов с фабрикой: так качество шерсти увязали с оплатой труда овцеводов! Колхоз освободился от многочисленных перевозок, перевалок, высвободились люди, средства, транспорт.

Мы сами теперь оцениваем шерсть, минуя заготовителей. Наши колхозники учились этому тонкому делу в лаборатории института овцеводства и хорошо освоили принцип самоконтроля; разница между данными нашей лаборатории по выходу мытой шерсти и контрольной промывкой не превышает половины процента. А ведь, бывало, заготконтора смешивала нашу продукцию с шерстью хозяйств, гнавших вал, и мы оставались в накладе, зато разницу заготовители клали в карман.

Повторюсь: экономические показатели сейчас не учитывают качества продаваемой шерсти, они выработаны для шерсти вообще, а на фабрике считают только мытое волокно, и только за мытую шерсть фабрика ведет расчет с колхозом. Так вот мы, перейдя на прямые связи, сами стали считать мытую шерсть. Чтобы яснее стало, скажу, что лучший наш старший чабан Григорий Прокофьевич Тарануха в прошлом году получил от каждой овцы в среднем более четырех килограммов мытой шерсти. Значит, каждая овца его отары принесла государству и нам с вами шерсти на четыре костюма. Добротных мужских шерстяных костюма! Много ли это? В несколько раз больше, чем у некоторых наших соседей. Судите сами, в крае настриг на овцу составил 5,7 килограмма. Но это вовсе не значит, что каждая ставропольская овца принесла нынче по шесть костюмов. Нет, это шерсть физическая. А мытой шерсти в ней может быть и семьдесят килограммов на центнер, и сорок, и даже двадцать. Лучше, если бы достичь семидесяти и больше! В нашем колхозе три года казад выход мытого волокна составлял сорок два процента, а теперь мы подняли его до пятидесяти трех.

Борьба именно за этот показатель обернулась прямой выгодой — и для государства и для нашего племзавода. Кроме того, наукой доказано, что **на производство килограмма мытой шерсти кормов идет вдвое меньше.** Поясню: когда мы добились, чтобы уже на овце шерсть была высококачественной, длинной, чистой, тогда затраты кормов снизились. Перефразируя, можно сказать: в коня корм! Более того, мы ведем селекцию и на уменьшение жирности в шерсти, стараемся снизить ее наполовину, это тоже повышает качество, а затраты кормов резко снижает.

К сожалению, остается еще взаимное недоверие между хозяйством и фабрикой. Недоверие порождено тем, что до сих пор сохраняется разница между существующим заготовительным и промышленным стандартами на качество шерсти. Знаете, действует этакий принцип: «кот в мешке». Принимается, например, нормальная шерсть, а после технической сортировки таковой не обнаруживают, и наоборот. Борьба за качество, эффективность в экономике логически привела к тому, чтобы сблизить максимально стандарты на шерсть — и в колхозе и на фабрике. Интересы государства требуют этого: классировка, проводимая в хозяйстве по единому стандарту, должна совпадать с номером пряжи на текстильном производстве. Благодаря селекции руно в нашем стаде стало почти однородным, однотипным — мы сами его так готовим перед продажей, что нашу шерсть сразу же после промывки можно прясть! Таких хозяйств немного. И пока фабрика держит тысячу сортировщиц. А существующий заготовительный стандарт не предусматривает разборку шерсти, отделение от руна загрязненной шерсти, и грязь завертывается в середину, запрессовывается...

Парадокс еще и в том, что валовой вес естественной, часто загрязненной шерсти как бы поощряется. Чем ее больше, тем лучше: хозяйство имеет возможность запланировать больше кормов — под вал. А если ты добился повышенного выхода мытой шерсти и снизил тем самым валовой настриг, то меньше планируют твоим овцам кормов!..

Грязную шерсть с трудом разбирают сортировщицы, ее отмывают мойщицы, а потом грязь сливается в Кубань. Так не лучше ли уже в колхозе вести счет на мытую шерсть?

Мы строим комплексы, ждем новых оросительных систем и улучшения пастбищ, заготавливаем впрок корма, упорно ведем селекционную работу по созданию нового промышленного типа овцы — и все во имя чистого руна. Если кто-то назовет нас ради красного словца современными аргонавтами, он не ошибется: наши овцеводы в пути. Да, слишком непросто сегодня добывать золотое руно. Я имею в виду, конечно, мытую шерсть. Ее ждут прядильщицы. Аргонавты? Ну, что же, пусть сохраняется элемент романтики и там, где жизнь с необыкновенной остротой ставит проблемы социальные и хозяйственные.



АРВИД ЯНОВИЧ ПЕЛЬШЕ

К 80-летию со дня рождения.

Фото Ю. Жарова.



К. Васильев. 1942—1976.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ.

КРАСНОРЕЧИЕ СТАТИСТИКИ

В нашей стране имеется 50 644 Совета. В их составе более 2 миллионов 200 тысяч депутатов.

В различных комиссиях при исполкомах местных Советов, в отделах исполкомов на общественных началах и в других аналогичных органах общественной самодеятельности работают почти 31 миллион добровольных помощников Советов. Таким образом, десятки миллионов людей непосредственно участвуют в управлении государством.

интервью «огонька»

В ЭТИ ДНИ

Страна готовится к выборам в Верховный Совет СССР. На агитпунктах, в клубах избирателей, на тематических конференциях идет большой разговор о наших свершениях и планах, о принципах советского народовластия, о демократии, работе Советов. Что нового появилось в их деятельности, как выполняются наказы избирателей! Корреспондент «Огонька» А. ЩЕРБАКОВ попросил рассказать об этом ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ИСПОЛКОМА МОГИЛЕВСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ АНАТОЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА МАСЛАКОВА.

НАВСТРЕЧУ ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

Предвыборная кампания дает хорошую возможность проанализировать многие стороны деятельности органов Советской власти, тем более сейчас, когда мы уже год с лишним живем по новой Конституции. Чем характерна практика работы Советов народных депутатов Могилевской области? Прежде всего тем, что их активность значительно выросла. Это в равной мере касается и исполкомов, и депутатов, и постоянных комиссий, и депутатских групп. Укрепилась и расширилась их связь с массами, заметно масштабнее стали вопросы, решаемые ими. Радует то, что растет образовательный уровень людей, представляющих Советскую власть: за последние годы почти вдвое увеличилось число председателей исполкомов сельских Советов с высшим и незаконченным высшим образованием.

Советы обеспечивают все большую и большую гласность своей работы. Тут и отчеты депутатов перед избирателями, и отчеты исполкомов, их отделов и управлений на собраниях трудящихся, контакты с различными общественными организациями — группами и постами народного контроля, сельскими и уличными комитетами, товарищескими судами, родительскими комитетами, народными дружинами и т. д. Тысячи активистов ищут вместе решения различных проблем, причем их сотрудничество осуществляется, что называется, у всех на глазах, а результаты его ощущают на себе буквально все.

Все это помогает решать насущные вопросы социально-экономического развития, что можно показать на примере такой важной сферы деятельности Советов, как выполнение наказов избирателей. Известно, какое значение придается у нас наказам,— это важное средство активизации участия трудящихся в государственном, хозяйственном и социально-культурном строительстве. Особая значимость этой работы определена новой Конституцией СССР, Законом о статусе депутатов, в выступлениях Леонида Ильича Брежнева.

Депутаты Бортниковского сельского Совета в Бобруйском районе получили от своих избирателей наказ позаботиться о строительстве больницы. В ближайших планах оно не значилось, а жизнь настоятельно требовала. Совет изучил все имеющиеся у него возможности, резервы и решил воспользоваться предоставленным ему правом привлекать и кооперировать в интересах населения средства предприятий, организаций, расположенных на территории сельсовета. И вот на средства трех колхозов была построена больница на 158 мест. Сейчас, в пору предвыборной кампании, агитаторы не преминут отметить: «Вот она какая у нас, больница, построенная по наказу избирателей».

Претворяя в жизнь наказы, мы стараемся привлечь к участию в их реализации как можно больше народу. Приведу пример опять же из практики сельского Совета.

Наказ избирателей Грибовецкого сельсовета Кировского района напоминал о желании людей разных поколений отдать дань памяти погибшим воинам Советской Армии и партизанам. Люди предлагали создать на своей земле мемориальный комплекс в честь героических сынов Отчизны. Сооружение памятника включили в план социально-экономического развития села и колхоза имени Ильича. Население приняло горячее участие в этом патриотическом деле. Нет сомнения в том, что этот мемориал станет близким и дорогим для всех, кто будет жить на этой земле через многие, многие годы.

Советы строго следят за выполнением наказов избирателей. И немалую роль тут играют депутатские запросы. За минувший год в Славгородском районе, например, было рассмотрено 38 депутатских запросов. Девять из них касались выполнения наказов.

В Ленинском районе города Могилева избиратели дали наказ депутатам выяснить возможности увеличения производства товаров народного потребления на предприятиях района. Группа депутатов, членов постоянной планово-бюджетной комиссии, А. Пуховицкий, И. Козлов, И. Титов, В. Лапо, обратились на сессии районного Совета с запросом к директору завода «Электродвигатель» А. Шуплецову: «Что предпринимается для повышения эффективности производства и выполнения задания по дополнительному выпуску товаров народного потребления?»

Районный Совет принял по запросу решение, которым обязал руководителей завода повысить эффективность производства и обеспечить дополнительный выпуск товаров народного потребления в самые кратчайшие сроки. Депутатская группа взяла под контроль выполнение этого решения. С помощью органов Советской власти на заводе сумели осуществить ряд организационно-технических мероприятий, способствовавших выполнению наказа. В итоге в 1978 году значительно возрос выпуск товаров народного потребления. К тому же повысилось качество изделий: среди них — 22,9 процента со Знаком качества. А всего по области было дополнительно к плану изготовлено товаров народного потребления за счет внутренних резервов на 71 миллион рублей.

Тщательно проверяют выполнение наказов постоянные депутатские комиссии. И что важно — они не только проверяют, широко привлекая к этому делу депутатские посты, они периодически информируют население о мерах, принимаемых по каждому наказу. Об этом же рассказывают и депутаты, выступая перед избирателями. А отчитываются они не от случая к случаю: ежегодно в области проводится более 20 тысяч собраний с отчетами депутатов. На большинстве таких собраний идет деловой, принципиальный, иногда и нелицеприятный разговор. И о сегодняшнем и о завтрашнем дне села, района, области.

Собрания собраниями, но главное у депутатов — их повседневные дела. Не проходит недели, чтобы, скажем, к делам этим не обращалась депутат Бобруйского городского Совета народных депутатов работница мебельной фабрики Людмила Васильевна Татур. Она связана с горисполкомом, руководителями предприятий города, общественностью. И по наказам избирателей и по инициативе депутата, энергичного, настойчивого, строится столовая на мебельной фабрике, открыта столовая в общежитии обувной фабрики. Людмила Васильевна не только организует воскресники по благоустройству улиц в своем округе, но и сама участвует в них.

За три года пятилетки в нашей области произведено продукции на 3,4 миллиарда рублей больше, чем за три года предыдущей пятилетки. Среднегодовой объем валовой продукции сельского хозяйства за три года по сравнению с тремя годами девятой пятилетки вырос на 20 процентов, а валовой сбор зерна — на 39 процентов. Минувшей осенью у нас собран самый высокий за все время урожай картофеля — по 184 центнера с гектара. И во всем этом, несомненно, сказалась возросшая активность Советов народных депутатов. Эта активность все время нарастает, особенно сейчас, в пору напряженной борьбы за досрочное выполнение плана четвертого года пятилетки, за выполнение планов первого квартала ко дню выборов в Верховный Совет СССР.

Леонид Ильич Брежнев говорил на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС: «Все наши решения должны подкрепляться продуманными, четкими организационными мерами. Что, где и в какие сроки нужно сделать, кто конкретно отвечает за данный участок работы, кто — и опять-таки конкретно — проверяет исполнение. Каждое звено управленческого аппарата должно ясно видеть свою роль и место в решении наиболее важных хозяйственных проблем». Эти слова Леонида Ильича Брежнева в полной мере относятся и к нам, к тем, кто работает в Советах народных депутатов.

ЦЕЛИННАЯ ОДИССЕЯ ЕВД

Виктор ЛЕГЕНТОВ

Не так давно я получил письмо от Оксаны, дочери прославленной целинницы Евдокии Андреевны Зайчуковой:

«...Смотрели ли Вы фильм о Л. И. Брежневе? В нем, когда показывали целину, есть несколько дорогих мне кадров: мама и Леонид Ильич. На 1 Мая я ездила в Целиноград и была в совхозе. Там так все прекрасно, как задумывала она. Владимир Давыдович Жангуразов обещал поставить памятник...».

Думается, что та оценка дочерью заслуг матери, которая читается между строк, совпадала с мнением огромного большинства людей, которые знали Евдокию Андреевну.

В книге «Целина» Леонид Ильич Брежнев дал Зайчуковой высочайшую оценку, сказав, что такие люди — «золотой фонд, гордость партии и народа».

...Москва. 1954 год. В Министерстве совхозов идет собеседование с будущими руководителями целинных хозяйств. Министр спрашивает:

— А не испугаетесь, Евдокия Андреевна?

— Вы же знаете, я не из пугливых, не подведу...

И еще чей-то вопрос, явно рассчитанный на откровенность:

— Разве вам плохо в райкоме? Зачем ехать на целину?

— В молодости не хватало романтики. За романтикой еду.— И добавила: — И за... мечтой!

Вышла из зала, готовая горы свернуть. А несколькими днями позже приехала в свой вагонно-палаточный бивуак и сразу за дело — техника, семена, люди, прежде всего люди.

...В метель она собственноручно выкапывает и перетаскивает волоком в мешке землемерный знак, забитый по недоразумению в степной глубинке, и определяет навсегда место будущего совхоза на берегу жизненно важной артерии — реки Ишим. Ошибка землемеров была явной, но, рискнув исправить ее, Зайчукова могла бы нажить немало неприятностей. И все же рискнула, не могла противиться здравому смыслу. Так от цементного столбика, чуть больше степного обитателя-сурка, и дощечки с надписью: «Здесь будет совхоз «Двуречный» — начинал свою биографию совхоз.

...Она везла из районного центра на грузовике с трудом добытый электродвижок. По неопытности и незнанию местности молодой шофер повел машину через реку по льду. На середине лед затрещал, и машина пошла передними колесами по дну. Зайчукова и шофер остались живы, но надо было добраться до стана и позвать людей на помощь.

Спотыкаясь и падая на каждом шагу от свинцовой тяжести сапог, в обледеневшем полушубке, пробирается Евдокия Андреевна через овраги и приишимские заросли шиповника целых двадцать километров. Наконец, когда силы были на исходе, она увидела крохотный огонек...

А через несколько дней новое испытание — двое суток подряд, в лютую стужу и буран, ищет на своем «бобике» затерявшийся в снежной пустыне караван с семенами и техникой.

Так с неослабевающим напором она действовала не год и не два, а десятилетия. Она оспаривает в министерстве правильность почвенного анализа земель совхоза, а в ЦК республики доказывает правильность вынужденного изменения профилирования строящегося хозяйства, изучает агрономию, экономику, проверяет на опытах новшества отечественной и зарубежной научной мысли, знакомится с проблемой степного земледелия, подъема урожайности, закладывает прочные основы животноводства и птицеводства. Последнее многим тогда казалось «излишеством», а как раз на него-то она и делала ставку. И оказалась прозорливой.

Теперь, когда я думаю о бескрайней ковыльной степи, о людях, покорявших ее, снова и снова перечитывая книгу «Целина», я мысленно возвращаюсь к Зайчуковой, какой я знал ее, когда жил длительное время в созданном ею втором хозяйстве—совхозе «Ижевский».



Я познакомился с ней ранним утром на разнарядке в совхозном гараже. Была она вся собранная, предельно четкая и вместе с тем, несмотря на строгость взгляда светлых глаз, обаятельная, женственная. Заслонить этого не могли ни шапка-ушанка, ни синий плащ, приспущенный на плечах, ни сапоги. Мне понравилось тогда, с какой горячностью, решительностью она бралась за новое целинное дело — птицеводство. И вопреки всем скептическим прогнозам довела его до блистательного завершения. Нужны были мужество и риск. Еще и теперь ветераны-целинники, как легенду, рассказывают про «куриную» эпопею Зайчуковой.

На территорию аэропорта въехал трактор «Беларусь», таща за собой целый караван санёй-теплушек. Служащие поначалу никак не могли в голову взять, что это значит, но скоро началось нечто из ряда вон выходящее: нарушая графики прилета и отлета, один за другим стали приземляться самолеты спецрейсов с... курами. Хохлатки были размещены в многоярусные клетки, а затем доставлены в совхоз.

Поголовье птиц увеличивалось не по дням, а по часам. Построили инкубаторий — прекрасное светлое здание, в котором господствуют стерильная чистота и порядок, а потом и птицефабрику. Сегодня ее производительность достигает высокого рубежа — три миллиона бройлеров в год.

Зайчукова обладала важным качеством той первой, легендарной плеяды директоров совхозов — умением с самого начала ориентировать хозяйство на высокие рубежи. Именно благодаря этому совхоз под руководством уже нового директора, воспитанника Е. А. Зайчуковой Владимира Давыдовича Жангуразова, за три года выполнил пятилетнее задание по продаже государству зерна на 117 процентов. Перевыполнен и годовой план продажи мяса. Во всех этих сегодняшних успехах есть весомый вклад неугомонной Евдокии Андреевны, создавшей промышленную основу животноводства и птицеводства.

Суровые условия казахстанской степи не позволяли ей форсировать эти отрасли. Часто в результате беспощадной жары Ишим пересыхал. Погибал скот. И неизвестно, чем в конце концов кончилась бы эта затея директора, если бы на память ей не пришла легенда, слышанная от одного аксакала на станции Атбасар в первый день приезда на целину: где-то в этих краях лежит «от мира сотворения» позабытое людьми мертвое озеро Бардыгель. Сказ этот, как ей показалось, имел реальную основу, и она не ошиблась. Отыскала на землях одного из отделений своего совхоза это озеро, перевезла туда птичий молодняк, потом запрудила Ишим бетонной плотиной и затопила водой огромную площадь. Мертвое озеро тоже оживили. Запустили в него рыбную молодь, которая быстро акклиматизировалась, и теперь ижевцы забирают из него уловы, с лихвой покрывающие потребности общественных блоков питания в отделениях совхоза и его центральной усадьбы.

Евдокия Андреевна вообще лю-

ОКИИ ЗАЙЧУКОВОЙ

била природу. Как-то я пришел к ней домой, в уютную, скромно обставленную квартиру, где она жила с дочерью и зятем, и увидел сквозь стекло веранды прогуливавшихся цесарок, индюшек, уток. Подумал, что это личное хозяйство. Но когда пригляделся, то понял, что все птицы — «инвалиды» с перевязанными лапами, крыльями и даже залатанными лейкопластырем клювами. Оказалось, что сердобольная Зайчукова взяла их к себе, чтобы подлечить и выходить, а затем сдать в совхозные вольеры.

Евдокия Андреевна по природе своей была предельно добрым, мягким, чутким и чувствительным человеком. Однако, когда дело касалось задания партии, в ней удесятерялась требовательность к себе, другим, и людям, мало знавшим ее, она казалась суровой, жесткой. Так было с отъездом на целину.

Партия звала на трудный плацдарм битвы за хлеб, и она поехала туда без колебаний. Да еще при каких обстоятельствах: сын Слава, вернувшийся из армии,— в дверь, а мать — из двери, на целину. Потом под стук колес она мысленно не раз возвращалась домой, но ничто не могло поколебать ее решимости — вперед, на восток, на восток...

Отзвук того дня жил в ней и по прошествии многих лет.

— Нет большей отрады мне, чем дети,— говорила она как-то в одной из долгих наших с ней бесед. И вдруг глаза ее покраснели.— Обстоятельства так складывались, что я всю жизнь прожила кукушкой — всю жизнь подкладывала своих детей в чужие семьи, как та яйца в чужие гнезда...— Она взяла своей натруженной рукой платок и, отвернувшись, вытерла мимолетные слезы.— Всё дела, дела, дела. Партийные, хозяйственные, общественные. А потом война, а потом восстановление. Надо было работать и работать... Так ребята без меня и выросли благодаря комсомолу, добрым людям... А в общем,— заключила она,— мы друзья бо́льшие, настоящие. Отца нашего,— таким обобщающим словом назвала она мужа,— убили на войне, притом уже на ее закате...

К удивлению всех, женщина, только что создавшая совхоз «Двуречный» и тем занимавшая пост первого секретаря райкома партии, написала заявление, ставшее теперь историческим. Вот оно: «Убедительно прошу членов районного комитета партии освободить меня от работы первого секретаря райкома. Прошу это потому, что считаю: в оставшиеся годы жизни смогу принести больше пользы партии и всем людям на конкретной хозяйственной работе. Прошу направить меня в отстающий совхоз и обязуюсь вместе с коммунистами и всеми рабочими вывести его в число передовых хозяйств Целиноградской области». Она дала слово и работала на славу!

Когда в начале 1968 года Зайчукову провожали на пенсию, секретарь обкома партии по идеологической работе Ф. С. Халитова сказала на торжественном собрании по случаю этого события:

«Мы отчетливо сознаем величие патриотического долга коммунистки Зайчуковой, когда она, страстный пропагандист, большой партийный организатор, по почину Валентины Гагановой перешла в отстающий совхоз «Ижевский» и отдала развитию его экономики, культуры все свои знания, силы и энергию».

Пройдут годы, и о подвиге этой коммунистки напишет Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

«И она сдержала слово: совхоз «Ижевский», — пишет Л. И. Брежнев в книге «Целина»,— вышел при ней на одно из первых мест. Семнадцать лет жизни отдала Евдокия Андреевна новой, полюбившейся ей земле... Такие люди — золотой фонд, гордость партии и народа. И мы особо оберегали их».

...Еще при жизни Евдокии Андреевны в ее совхоз приезжали многочисленные делегации, приезжали в деталях изучать постановку совхозного дела на широкий, перспективный лад и учились у нее размаху, масштабности, смелости. Часто бывали здесь и иностранные туристы — парламентарии, экономисты, журналисты и даже принцы. Деятельность ее вызывала удивление и восхищение, выходившие за рамки простого любопытства.

А ею по-прежнему владело чувство неудовлетворенности достигнутым. Неугомонная, она бралась за новые и более сложные дела. В давнем номере журнала «Совхозное производство» я прочел ее статью. «Каждому и без того ясно,— писала она,— что в совхозах целинного кр я еще крайне недостаточно скота. При хорошей работе с большой самоотдачей можно в самое короткое время успешно поднять «вторую целину», в несколько раз увеличить поголовье скота и производство продукции животноводства».

Поистине неукротимый вулкан энергии, замыслов. Она работала на предельных параметрах человеческих возможностей и видела в этом прямой долг коммуниста.

Истоки созидательного порыва Евдокии Андреевны Зайчуковой хорошо, отчетливо раскрываются в ее заявлении перед уходом с поста директора совхоза. Приведем его здесь и разделим вместе с читателями чувство признательности перед мужеством и благородством женщины удивительной судьбы.

«Ну вот, мои родные, пришел в моей жизни трудный час — час расставания со всем самым дорогим — с работой, друзьями и товарищами. Пролетела, как во сне, моя жизнь. Молодость прошла в батраках. Неграмотная, что я могла тогда дать полезного Родине? Помню 1924 год, 1 марта меня принимали в комсомол, кулак Рыжук Поликарп (у него я батрачила) тут же выгнал меня, заявив: «Мне большевистских шпионов не надо». 1 мая 1924 года я впервые участвовала в праздничной демонстрации. Босая, в юбке из мешковины, в кофте из самотканого полотна.

Родная Коммунистическая партия сделала меня человеком, дала возможность в полной мере трудиться. В 1927 году меня выдвинули председателем Союза работников земли и леса — Рабземлес. Дралась я тогда с кулачьем за каждого батрака, хотя к тому времени была еще малограмотной, только окончила ликбез.

Коллективизация. Ликвидация кулачества. Борьба за укрепление колхоза. Все эти годы на глазах росла и крепла наша Родина. Вместе с ней росли и мы. Она двигалась вперед семимильными шагами, мы росли трижды семимильными. С 1935 года вплоть до начала Отечественной войны я уже преподавала в фабзавучах и техникумах. Только представить себе, что из нас делала родная наша партия! Удивительно ли, что мы, советские люди, смогли пережить войну, устоять и победить самого страшного врага — фашизм.

Во время Великой Отечественной войны я заведовала отделом пропаганды и агитации райкома партии, и вот уже 16 лет я — директор крупного хозяйства. Руководила тремя совхозами — имени Орджоникидзе, «Двуречным», теперь «Ижевским». В них вся моя жизнь. Мне пора уходить на отдых. Смотрю я на свой «Ижевский»: в 1959 году был маленький, худенький — теперь гигант.

Годы целины — трудные, но красивые, с невзгодами и радостями — прошли мы вместе, родные мои. Ну, а теперь скажу очень трудные слова: прошу освободить меня от занимаемой должности директора совхоза «Ижевский». Ничего не попишешь, пора... Очень прошу назначить директором совхоза нашего главного зоотехника Жангуразова В. Д. Он любит птицеводство, серьезно занимается им. Хороший организатор и коммунист. Коллектив его ценит, поэтому очень прошу назначить директором совхоза «Ижевский» только его.

Вам, мои родные, за все спасибо. Сердечное спасибо моей замечательной Родине, родной Коммунистической партии за то, что она из батрачки сделала человека, для которого Родина и партия — всё. Сколько буду жить на свете, все силы без остатка отдам им. Е. Зайчукова».



ЗОРКО И ВДУМЧИВО

Прозаика и драматурга Бориса Ласкина нет нужды представлять читателю. Он давно работает в нашей литературе, избрав боевой жанр сатиры.

Недавно в издательстве «Советский писатель» вышел новый большой сборник юмористических рассказов Бориса Ласкина «Друзья и соседи».

Автор — превосходный рассказчик, мастер остросюжетной миниатюры. В том и секрет обаяния таланта Бориса Ласкина, характерная черта его творческого почерка, что рассказывает он интересно, просто, ясно, что он удивительно умеет вызвать дорогие всем нам воспоминания и навеять хорошие, нужные раздумья.

Есть, например, такой небольшой рассказ в разделе «Дети до шестнадцати». Называется прозаически — «Анкета». Сюжет несложен: принес отец домой две незаполненные анкеты в связи с предполагаемым переходом на другую работу. Один экземпляр попал в руки его сынишке Севке, школьнику, обыкновенному любознательному и озорному парнишке. Севка решил по-своему ответить на анкетные вопросы. И ответил. Так, как ему мечталось. И оказалось, что представляет себя мальчишка наших дней членом партии с седьмого ноября семнадцатого года, что есть у него правительственные награды — ордена боевого Красного Знамени и Красной Звезды, что командовал он «катюшами», летал на истребителях под командованием трижды Героя Советского Союза Александра Покрышкина, что место его работы: «Сперва работал на Братской ГЭС, потом на космодроме...» и что «сейчас временно не работаю, потому что еще учусь»...

Нет, не подосадовал отец на испорченный сынишкой экземпляр служебной анкеты. Поймет его и читатель вместе с отцом, вместе с автором сборника «Друзья и соседи», порадуйдуйся тому, какими растут наши ребятишки!..

«Юрка отвечает четко, даже торжественно, и можно подумать, что он адресуется непосредственно в Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик».

Нам представляется главной удачей новой книги Бориса Ласкина «Друзья и соседи» то, что она написана с доброй улыбкой раздумья человека, писателя-гражданина, понимающего и любящего свое время, своих друзей и соседей, среди которых он работает и живет зорко и вдумчиво.

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

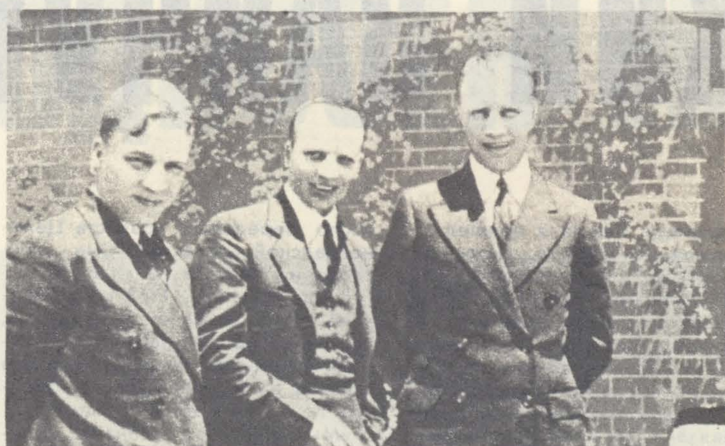
Борис Ласкин. Друзья и соседи. Юмористические рассказы. М., «Советский писатель», 1978, 448 стр.

УЛЫБКА ЧКАЛОВА

«Бессмертный флагман»—моя маленькая книжечка, посвященная памяти Валерия Павловича Чкалова,—вышла в конце семьдесят четвертого года, и сразу стали приходить читательские письма. Это были очень характерные, весьма заинтересованные, порой трогательные послания. Кто-то рассказывал о своих встречах с Валерием Павловичем и горько пенял автору, что он, то есть я, «не использовал уникальный материал, сохранившийся в памяти со времени подготовки исторического перелета Москва — Петропавловск-на-Камчатке — остров Удд...» — речь шла о материале, хранимом памятью автора письма. Кто-то уточнял малюсенькую подробность — черточку из биографии Чкалова — и просил внести соответствующую поправку при повторном издании книжечки. Многие, и особенно ребята-следопыты, настоятельно требовали сообщить им адреса родных и близких Валерия Павловича, «так как раздобыть хоть какие-то фотографии нашего прославленного героя иным путем почти невозможно...».

Письма были сердечные, немного грустные, но если говорить честно, ничего неожиданного в себе не таили.

Но вот пришла весточка из Ленинграда. Гарольд Иванович Озолинг писал: «...совершенно для себя случайно сделался наследником семейной реликвии — жестяной коробки с кинолентой. По домашнему преданию, пленка эта была приве-



Чкалов, Байдуков и Беляков у здания советского посольства в США.

В. П. Чкалов рассказывает американцам о самолете АНТ-25.



КОММУНАРОВЦЫ

КОНКУРС «ОГОНЁК» ЧИТАТЕЛЕЙ
СТРОКА В БИОГРАФИЮ СТРАНЫ

Среди многих сел Приморья одно из старейших — Ново-Никольское, раскинувшееся неподалеку от города Уссурийска. Здесь живут и трудятся колхозники «Коммунара». Частые гости его — полеводы, животноводы, ученые и партийные работники Дальнего Востока. Дело в том, что «Коммунар» — передовой, богатый колхоз, обладающий ценнейшим опытом.

Это — крупное механизированное хозяйство. Его сельскохозяйственные угодья составляют 7624 гектара, из них около



Валентина Ивановна Бондина, доярка.

6 тысяч гектаров пашни. Здесь ценят и умело используют каждую копейку — вкладывают средства прежде всего туда, где они дают быструю отдачу: покупают новую технику, удобрения, племенной скот, проводят мелиоративные работы и т. д. Деньги, вложенные с умом, довольно быстро оборачиваются прибылью. Доход колхоза за последнее время увеличился в два раза, а чистая прибыль — в три с лишним раза. Среднемесячная зарплата колхозников доведена до 164 рублей, а механизаторов — до 240 рублей.

Только в девятой пятилетке на производственное и жилищное строительство израсходовано 8 миллионов рублей, введены в эксплуатацию свинооткормочный комплекс на 12 тысяч центнеров свинины в год, четыре коровника на 800 голов, где механизированы доение коров, удаление навоза и раздача кормов.

Более 120 семей справили новоселье в благоустроенных квартирах.

В колхозе «Коммунар» дружный, слаженный коллектив, который насчитывает ныне около 600 человек. Более ста колхозников удостоены высоких правительственных наград, свыше восьмидесяти производственников носят почетное звание ударника коммунистического труда. Славится колхоз и своими механизаторами. Среди них есть целые семейные династии — Сивашовы, Проскуряковы, Мухины, Пискуновы, Ишонины, Житниковы и другие. Алексей Михайлович Сивашов был одним из первых трактористов села, более тридцати лет проработал он на колхозных полях и был удостоен звания «Почетный гражданин района», награжден орденом Трудового Красного Знамени. Трудовую славу семьи продолжают его дети.

На любых полевых работах по-ударному трудятся механизаторы кавалеры ордена Ленина Г. Г. Толстиков и И. Н. Ишонин, кавалер ордена Трудового Красного Знамени Н. П. Шведов, бригадир механизаторов Н. И. Сиротко, награжденный орденом Октябрьской Революции, и другие. Отрадно и то, что молодежь после службы в армии возвращается в родное село. Не многие хозяйства Приморья могут стать вровень с колхозом «Коммунар». Все, чего до-

зена из США в 1937 году. Помнится, говорили, будто изображен на той пленке Чкалов...

Коробку берегли, хотя чкаловского изображения никто не видел: не было восьмимиллиметрового проектора... А потом война... потом блокада».

Внезапно в Москву приехал владелец пленки и жестом шикарным и неожиданным вручил мне жестяную блестящую коробку:

— Берите и владейте! Вы на Чкалова всю жизнь молились... Может, что-нибудь и сохранилось на пленке...

Позвонил я директору НИКФИ — Научно-исследовательского кинофотоинститута — Олегу Ивановичу Иошину и, волнуясь, стал объяснять:

— Понимаю... вы не обязаны, но это же Чкалов! Ваш институт, я знаю, сумел восстановить пленку 1907 года с Львом Николаевичем Толстым... Так что вы должны войти в положение...

— Приезжайте,— сказал Иошин,— посмотрим.

Прошло несколько месяцев... И вот, наконец, позвонил мне Исидор Миронович Фридман, человек, который восстановил пленку седьмого года с изображением Толстого, и сказал:

— Жду вас. Не много, увы, но, что могли, сделали... Пленка любительская, как-никак блокаду пережила, так что сами понимаете...

В эти дни Валерию Павловичу исполнилось бы семьдесят пять. Его нет с нами, но к нам вернулась еще одна неповторимая чкаловская улыбка.

Анатолий МАРКУША

Я жизнь люблю...

ЖАЛЕ



●

Пусть чаша пораженья испита,
Но мантия победы за плечами,
Оседлан конь, тропа моя крута,
Неведомые дали пред очами.

Глаз не спускаю с тех крутых высот,
Что неприступны и страшны вначале,
Но все равно придет и их черед —
Останутся внизу и за плечами.

Я жизнь люблю, люблю своих друзей,
Я пешеходка с мирным пешеходом,
С ребенком я ребенок, но злодей
Пощады не дождется. Я — с народом.

Стенаньями беды не умалить,
Дрожа как лист осенними ночами;
Молитвами судьбы не умолить,
Оседлан конь и — ветер за плечами.

Я жизнь люблю. Сверкают день ко дню,
Пусть горести! И горести мне милы.
Не жизнь меня поймала в западню,
А я ее поймала и пленила.

ПОРОЙ МНЕ КАЖЕТСЯ...

Порой мне кажется — я радуга над морем,
Все семь ее цветов, все переходы их...
Они горят, сверкают, в их уборе
Сверкает и горит мой разноцветный стих.

Но это все не так, и радуга скудна,
Чтобы вобрать в себя, что́ значу я одна.

Сегодня я тюльпан. И свежесть и прохлада
В моих пурпуровых раскрытых лепестках,
А завтра я уже, лишенная наряда,
Колючка горькая в сухих солончаках.

Настанет новый день, и камнем одиноким
В безмолвии ночном оцепенею я
Среди степной травы, поодаль от дороги,
Не петь, а онеметь — вот роль и боль моя.

Я жаркая свеча, когда друзья пируют,
У бедной матери я на щеке слеза,
Я ветер яростный, который в парус дует,
Я злой и синий дым, который ест глаза.

Я строчка из стиха, оброненная кем-то,
Я лучик на земле от звездного огня,
Я — седина веков, я — древняя легенда,
Я — утро брезжущее завтрашнего дня.

НАДЕЮСЬ...

Надеюсь,
Что путник ночной до родного дойдет порога,
Надеюсь,
Что расторгнутся звенья еще у цепи одной,
Надеюсь,
Что в сердце у матери утихнут боль и тревога,
Надеюсь,
Что после грохота насладится мир тишиной,
Надеюсь,
Что все несчастные узнают радость и счастье,
Надеюсь,
Что не обломится острие моего пера,
Надеюсь,
Что свет надежды никогда для меня
не погаснет,
Надеюсь,
Сегодня ночью опять дожить до утра.

ПЕВЧИЕ ПТИЦЫ

Поющая птица — это капелька солнца тоже,
Цветок распустившейся розы,
Но который умеет летать.
Птица не петь не может,
Птица устать не может,
Это песенки счастья —
Не надо их убивать.

Не убивайте песен!
Мир был бы пустынен и мрачен,
Если б не пели птицы
И онемели леса.
Поможем друг другу, люди,
Поможем друг другу, братья,
Чтоб никогда не умолкли
Певчих птиц голоса.

СЕРДЦЕ

Ах, жить бы мне с шелковым сердцем,
С наивною верой в добро,
С беспечною памятью детства...
Но время жестоко и зло.

Долой шелестенье шелками,
Улыбчивый, женственный рот,
Вложите мне сердце из камня,
Из лучших гранитных пород.

Такое, чтоб не размякало
При виде цветка, светлячка,
Такое, чтоб не задрожала,
Когда на замахе рука.

Доверчивый воин — не воин,
И жалость бойцу не к добру.
Лишь камень и тверд и спокоен,
Я сердце из камня беру.

Перевел с персидского **Вл. СОЛОУХИН.**

стигли коммунаровцы,— результат упорного, вдохновенного труда. Изменился и быт колхозников. Построены Дом культуры, новая средняя школа, столовая-гостиница, комбинат бытового обслуживания, детский комбинат, музыкальная школа, торговый центр, амбулатория и многое другое. В домах колхозников газ, в семьях десятки легковых автомашин, телевизоры, холодильники, современная мебель. Колхозники живут зажиточно.

Каждый раз, даже часто бывая в селе, замечаешь что-то новое, интересное в меняющемся облике села, в культурной жизни и трудовых свершениях коммунаровцев. Подлинным центром духовного обогащения колхозников является сельский Дом культуры. На его сцене часто выступают артисты-профессионалы. Есть в колхозе и своя художественная самодеятельность. Колхозный вокально-инструментальный ансамбль занял второе место в краевом телевизионном конкурсе. Все это свидетельствует о постепенном стирании граней между городом и деревней, о значительных достижениях колхоза «Коммунар» в коммунистическом строительстве, в жизни и делах которого ярко, зримо проступают величие и размах глубоких преобразований, происшедших в жизни наших сел.

Н. ЛЕОНОВ

Уссурийск.

Виктор ПРОНИН

ДИАГНОЗ СТАВИТ СОЦИ

Конфликт этот произошел в железнодорожном цехе металлургического завода имени Петровского в Днепропетровске. О нем говорили на директорских оперативках, в парткоме и уж, конечно, в профсоюзном комитете. Еще бы, неслыханный случай — сразу пять составителей поездов положили на стол начальника цеха заявления об уходе по собственному желанию. Положить-то положили, но предупредили: уберите машиниста Каткова, с которым нам приходится работать, и мы остаемся. С Катковым, дескать, работать не можем и не будем.

Что было делать администрации цеха, завода?

Уволить всех пятерых, согласно поданным заявлениям? Неразумно. Лишиться специалистов, проработавших на заводе не один год... Уволить Каткова, перевести на другой участок? Но за что? Катков справлялся со своими обязанностями, не было случая, чтобы он нарушил трудовую дисциплину, небрежно отнесся к работе...

Руководители железнодорожного цеха пригласили заводских социологов. И попросили разобраться в этом конфликте, а заодно и ло вполне естественным направить для разбора конфликта в железнодорожном цехе именно социологов.

Те подошли к проблеме со всей серьезностью, провели исследование, опросили рабочих, мастеров. Вывод, к которому они пришли, многих озадачил: Каткова надо оставить на его рабочем месте для поддержания нравственно здоровых отношений в коллективе, провести товарищескую беседу с составителями поездов, успокоить их и посоветовать забрать свои заявления. Конфликта между ними и машинистом Катковым при ближайшем рассмотрении не обнаружилось. Обнаружилось другое — вопиющее безграмотное руководство начальника станции. Именно его и рекомендовали сменить социологи.

Диагноз, который они поставили, далеко не всем показался убедительным, хотя было известно, что начальник станции не всегда ведет себя порядочно с подчиненными, скажем так, сваливает на них собственные промашки. Составителям он говорил о том, что все их беды от машинистов, от их капризов, машинистам жаловался на нерадивость составителей, в неурядицах обвинял кого угодно, но только не себя. А что касается Каткова, то это был один из лучших работников, его авторитет, влияние в коллективе, требовательность раздражали начальника, и он частенько прохаживался на его счет, не задумываясь о последствиях.

Чтобы убедиться в правильности вывода социологов, решили созвать рабочее собрание. И, странное дело, хотя собрание было посвящено конфликту между машинистом и составителями, многие говорили о самом начальнике станции, о его неправильном руководстве.

Положение прояснилось. Начальнику станции предложили сделать выводы. И не было в этом решении ни всепрощенчества, ни боязни поступить жестко. Надо сказать, что на заводе сложилась своя школа подбора, формирования, выдвижения кадров. Если говорить о характерных чертах этой школы, то следует назвать доброжелательную требовательность, разумную твердость, выдвижение людей, умеющих не только руководить, но и общаться с коллективом.

Несколько лет назад на Петровке много разговоров вызвала смена руководства кислородно-конвертерного цеха — одного из ведущих цехов завода. Начальником здесь был человек весьма крутого нрава — опытный, волевой, с хорошо поставленным голосом, нетерпеливой манерой разговора. У многих на заводе сложилось мнение, что на начальнике держится весь цех, что стоит ему уйти — и все планы, обязательства коллектива полетят вверх тормашками.

А между тем с начальником очень трудно было общаться. Любой разговор с ним принимал форму скандала, перед ним оправдывались, иногда попросту прятались от него, но спокойно говорить о деле с ним было невозможно. И дошло до того, что его методы руководства, связанные с бесконечными разносами, нагоняями, кое-кто начал считать единственно возможными, единственно правильными, дескать, металлургией иначе руководить нельзя. Истеричность начальника объясняли его самоотверженностью, пренебрежение к чужому мнению — большим опытом, глубокими знаниями. Правда, в цехе случались срывы с планами, качество стали не всегда соответствовало требованиям. Новый начальник цеха, спокойный, раздумчивый, мягкий в общении, с негромким голосом человек, который чаще спрашивал, нежели приказывал,— прямая противоположность своему предшественнику. Ветераны цеха вначале посмеивались. Какой же это руководитель? Мальчишка! И для такого определения были основания — Махнюк, как выяснилось, оказался самым молодым начальником подобного цеха в стране...

В коллективе назревала конфликтная ситуация. Посыпались жалобы, письма, анонимки — приверженцы прежнего стиля руководства почувствовали себя оскорбленными. Один цеховой руководитель среднего звена вообще ушел с завода: не мог он видеть Дмитрия Махнюка в кабинете начальника цеха. Кое-кто нетерпеливо ожидал его ошибок.

А между тем время шло, цех работал, и, что самое главное, работал лучше, чем прежде. Наладилась ритмичность, выяснилось вдруг, что в коллективе множество грамотных, опытных людей, им есть что сказать, есть что посоветовать. Их предложения внимательно выслушивали, внедряли в практику. Вернись сейчас старый начальник — он не смог бы проработать и дня, не получился бы у него прежний разговор с подчиненными. Люди привыкли к деловому, спокойному стилю работы.

Взаимозависимость между результатами труда и настроением людей — предмет постоянного интереса заводских социологов. И Евгений Иванович Фокин, рассказывая о многочисленных исследованиях, проведенных на предприятии, неизменно возвращается к этой проблеме...

— Фактор человеческого общения необходимо предусматривать еще при обдумывании проекта нового завода, цеха. Если люди не имеют возможности общаться в процессе работы, о каком коллективе, о каком его моральном климате может идти речь?! Отдача самых умных машин зависит от того, какое настроение у совсем незаметного среди мощных валов, пультов, кранов человека. Потому что качество продукции — результат не только совершенства машин, но и того, в каких отношениях между собой находятся люди, их обслуживающие. И потом, разве настроение, доброе здоровье, удовлетворенность своим трудом менее важны, нежели продукция?

Социологи с цифрами в руках доказывают, что дружба и взаимовыручка, доверие в коллективе не только делают жизнь содержательнее, интереснее, не только позволяют людям радоваться общению друг с другом, нет, их отношения имеют еще и чисто производственное значение. Както социологи взяли под наблюдение две бригады ремонтного цеха. В одной установились отличные взаимоотношения, мастер обладал и опытом, и авторитетом, и вообще по таким показателям, как «общительность», «ответственность», «дружелюбие», «общественная направленность», эта бригада явно превосходила другую — не менее опытную, не менее сильную в профессиональном смысле, но где люди разобщены, более склонны на первое место ставить заработок.

И выяснилось, что в первой бригаде при более высокой производительности труда в три раза меньше текучка, в четыре раза больше рационализаторов, свыше половины бригады ударники коммунистического труда (а во второй бригаде их нет вовсе), втрое больше здесь владельцев личных библиотек, почти все занимаются спортом, участвуют в художественной самодеятельности. То есть ведут интересную, содержательную, насыщенную событиями жизнь. Во второй бригаде нет ни спортсменов, ни самодеятельных артистов. Но главный парадокс в том, что, постоянно думая о заработке, члены второй бригады зарабатывали все же меньше: у них была более низкая производительность труда! Взаимопомощь, творческое, заинтересованное отношение к результатам общего труда, рационализаторская деятельность неизбежно сказывались...

Разумеется, нельзя утверждать, что заводские социологи открыли новое, ранее совершенно неизвестное явление, нет. Сама постановка вопроса уже позволяла предполагать определенные результаты, но перепад производительности труда, перепад в уровне общественной заинтересованности бригад оказался неожиданным. Цифры, полученные социологами, не только озадачивали, они позволяли выработать целую программу действий по вовлечению рабочих в общественную жизнь предприятия. Сейчас в масштабе завода действует так называемая система «внимание». С неизменной точностью и полнотой расписаны все меры, позволяющие заинтересовать рабочих, особенно молодых, результатами общего труда. Не забыты поздравления с личными событиями, с праздниками цехового, общезаводского масштаба, намечены встречи, отчеты, вечера, туристические поездки на базы отдыха, спортивная работа, художественная самодеятельность... В результате человек, проработавший на Петровке несколько лет, оказывается соединенным с коллективом десятками всяческих привязанностей, разорвать которые одним махом не так просто.

Характерен случай, происшедший в ремонтно-механическом цехе. На рабочих собраниях частенько доставалось одному из опытных рабочих — Мартынову. То опоздает, то под хмельком придет, то капризничать начнет, дескать, ему положено выгодную работу давать, а невыгодную пусть молодежь выполняет. Сделали человеку замечание, второе, началь

в других тоже, поскольку случались они в цехе частенько.

На Петровке, как этот завод называют в городе, уже давно и весьма успешно работает сильная социологическая группа, которой руководит Евгений Иванович Фокин. Исследования, выполненные его группой, отличаются грамотностью, некоторые из них сделаны впервые в нашей стране... Планом социального развития завода предусмотрено на базе группы создать лабораторию социологических исследований.

Такие исследования позволяют администрации своевременно нащупать «горячие точки» производства, подготовиться, принять меры. Кстати, социологи завода первыми забили тревогу, когда по их подсчетам оказалось, что в ближайшие годы половина рабочих завода уйдет на пенсию — те самые рабочие, которые пришли на Петровку в первые послевоенные годы и ныне составляют основу коллектива и в нравственном и в производственном смысле. Дирекция и партийная организация приняли срочные меры по подготовке смены, организации профессионально-технического училища. Сейчас уже можно сказать, что предупреждение социологов прозвучало своевременно.

Да, авторитет их на заводе весьма высок, выводы их много раз подтверждались практикой, и бы

ник цеха В. А. Бочанов несколько раз всерьез разговаривал с великовозрастным нарушителем. Мартынов решил довольно своеобразно ответить на все эти замечания: если я вам не нравлюсь, то могу уйти, такого специалиста, как я, мол, везде возьмут. И подал заявление. Бочанов, недолго думая, подписал его. А, надо сказать, Мартынов нередко пользовался этим приемом — чуть начинают проявлять к нему требовательность, подает заявление. И на этот раз он никак не рассчитывал, что его заявление будет подписано.

Пришлось уйти Мартынову. И хотя в самом деле специалистом он был неплохим, но, в общем, его уход улучшил атмосферу в цехе. Проходит год — и в цехе появляется Мартынов. Уверенно появляется, с усмешкой, рассказывает о новом месте работы, о хороших заработках, о том, как уважают, чтут его на соседнем заводе...

— А пришел чего? — усмехнулся Владимир Александрович.

— Ну как... Повидаться... Показаться.

— Нет, я спрашиваю, в цех зачем пришел? Повидаться, показаться можно было бы и за проходной...

— Да вот хочу посмотреть, как тут у вас...

— Как без тебя справляемся? Справляемся. Ничего...

ОЛОГ

А кончился этот разговор чуть ли не слезами. Взмолился Мартынов: возьмите обратно!

— С ребятами разговаривай,— ответил Бочанов.— С ними тебе работать. Разрешат вернуться в бригаду — я возражать не буду. Станешь у нас еще по совместительству наглядным примером... Чтоб другому неповадно было под горячую руку заявлениями разбрасываться.

Вернулся Мартынов. И уже без бравады сказал: «Как домой вернулся».

О моральном климате, который установился на заводе имени Петровского, достаточно красноречиво говорит тот факт, что за многие годы народный суд не разбирал трудовых конфликтов, возникших на предприятии. Конфликты, конечно, возникают, в конце концов на Петровке работает более десяти тысяч человек, но они решаются на самом заводе, в коллективах, специально созданными конфликтными комиссиями.

Петр Михайлович Степук, начальник отдела кадров, человек с неторопливыми жестами, спокойным голосом, на вопрос о текучке отвечает так:

— За 1978 год через вот этот кабинет прошло пятьсот человек, которые решили уволиться по собственному желанию. В 1977 году их было пятьсот тридцать, еще на год раньше пятьсот шестьдесят... Текучка, как видите, уменьшается, она у нас сейчас самая незначительная из всех металлургических предприятий Украины, вдвое меньше средней — около пяти процентов, да и эту цифру в основном дают цех ширпотреба да молодые рабочие, которые уходят в армию...

Кстати, социологи и тут не упустили возможности поставить диагноз. Они установили, что четверть молодых рабочих пришли на завод вынужденно, не имея выбора, а потому и расстаются с Петровкой легко, особенно не задумываясь. У четверти всех принятых новичков, как оказалось, никто из взрослых не интересовался их планами, надеждами, стремлениями, ребята фактически были предоставлены сами себе. И опять социологи забили тревогу, и опять это было своевременно. Кстати, та же система «внимание» была утверждена приказом директора Василия Федоровича Мазова после исследования проблем адаптации молодежи на заводе.

При всем при том нельзя не учитывать того обстоятельства, что в последнее время у многих молодых людей сложилось мнение, что современное производство — это залитые светом большие залы, вертящиеся бобины программных станков, симпатичные лица девчушек, склонившихся над точными приборами, и так далее. Поэтому естественно, что парень, попадающий после школы на металлургический завод, тем более такой старый металлургический завод, как Петровка, вначале чувствует, мягко говоря, легкую растерянность. Грохот прокатных станов, от которых содрогается почва под ногами, окутанные красной металлической пылью домны, огнедышащие мартены, пронзительные свистки электровозов, снующих между цехами,— все это, согласитесь, может озадачить и навести на вполне здравую мысль о том, что не так уж далеко отсюда есть громадный радиозавод с залитыми светом залами и вертящимися бобинами программных станков, есть машиностроительные заводы, да мало ли каких других предприятий в одном из крупнейших индустриальных центров страны!

А между тем завод имени Петровского не испытывает недостатка в кадрах.

Освободившиеся вакансии многих рабочих должностей заполняются немедленно. Каждый год более двухсот выпускников профессионально-технических училищ приходят на завод.

— После армии,— рассказывает Петр Михайлович Степук,—многие возвращаются. В некоторые цеха — до семидесяти процентов, а в общем по заводу — половина. Почти все хотят вернуться в свой цех, на свой участок, к своим ребятам. Хотя, бывает, что проработали на заводе лишь несколько месяцев...

Почему?

— Завод — он везде завод,— отвечает начальник сортолистопрокатного цеха Александр Степанович Катан.— А чтобы человек полюбил свое место работы, считал предприятие своим вторым домом, оно должно отличаться чем-то, привлекать. Не будем лукавить — растрогать человека прокатным станом трудно, но что касается бытовых, культурных условий, общей нравственной атмосферы в коллективе, то здесь мы можем сделать очень много. И делаем.

В свое время А. С. Катан пригласил проектантов, чтоб те в старом, чуть ли не дореволюционном кирпичном бараке, напичканном всевозможными службами, каморками, узкими лестничными переходами, помогли сделать приличные цеховые бытовки, душевые, красный уголок. Проектанты походили-походили, с сожалением поцокали языками и вполне ответственно заявили, что ничего путного в этом бараке сделать невозможно.

— Ну добре! — ответил им Катан, и в его голосе прозвучал металл.

Прошло не так уж много времени, и те же проектанты ходили по голубым сверкающим коридорам, заглядывали в уголки отдыха, в душевые и без устали щелкали фотоаппаратами. На всесоюзном совещании, посвященном бытовым условиям на предприятиях металлургической промышленности, сортолистопрокатчикам Петровки был посвящен целый стенд. Рабочие все сделали своими руками: сломали старые перегородки, прорубили окна, облицевали стены, провели отопление, воду, электричество. А открытие красного уголка в сортолистопрокатном цехе стало событием на заводе. Если сказать, что этот зал более напоминает новый оперный театр в городе, то, право же, преувеличение будет только в размерах — зал рассчитан на двести человек. Ряды кресел ярусами поднимаются от сцены, посреди потолка сверкает хрусталем громадная люстра, панели вдоль стен отсвечивают тусклым деревом, в добротном паркете отражаются сцена, бархатный занавес, предусмотрены даже артистическая и комната отдыха для президиума— на случай цеховых торжеств.

— Вы бы посмотрели, как сюда первый раз директор завода зашел...— рассказывал Катан.— Не поверите — тихо охнул и несколько минут не мог сказать ни слова. А когда заговорил, немедленно назначил общезаводскую оперативку в этом зале. После обсуждения производственных вопросов участники нашей цеховой самодеятельности дали концерт. Представляете, концерт после оперативки! И ничего. Понравилось. Знаете, я вот что скажу... Все, кто руку приложил к этому делу, так просто из цеха не уйдут. Оттуда, где часть души оставил, уйти трудно, да и незачем уходить. Не все на заводе в восторге от наших затей,— Катан усмехнулся,— показуха, дескать, пыль в глаза... Какая показуха — у нас текучка меньше двух процентов. Каждое увольнение — маленькое событие, ЧП... То переезд у людей, то на пенсию...

На территории самого сортолистопрокатного цеха, невдалеке от грохочущих станов расположена площадь Трудовой славы, вымощенная стальными плитами. Здесь на металлических сверкающих щитах выгравированы имена ветеранов, за стеклянной витриной — многочисленные кубки, грамоты, сувениры, тут же бюст Героя Социалистического Труда М. Г. Щербины, работавшего в этом цехе. Приз его имени ежегодно вручается лучшему мастеру и старшему вальцовщику в специально утвержденный день сортолистопрокатчика...

На заводе имени Петровского налаживание дружественных отношений в коллективе продиктовано отнюдь не стремлением к тихой, бесконфликтной жизни. Нет, за этим — четкое понимание того, что интересы современного рабочего широки и разносторонни, что он приходит на завод не только зарабатывать деньги — он живет на заводе, здесь у него складывается круг друзей, здесь он приобретает мастерство, находит место в обществе. Таков образ его жизни, советской жизни!

Мне повезло: в последний день командировки в заводском Дворце культуры имени Ильича проводился слет женщин под названием «Наша трудовая семья». Большой зал был переполнен. И разговор шел действительно с семейной доверительностью. Мастер крупнейшего цеха, в котором работает более тысячи человек, находит время, находит поистине сыновьи слова, чтобы здесь, на сцене, поздравить с юбилеем работницу, помогавшую ему когда-то делать первые шаги на заводе. Руководитель центральной заводской лаборатории откровенно, без утайки, как на большом семейном совете, рассказывает о конфликте, возникшем в их коллективе, о зазнайстве одной из сотрудниц, причем рассказывает не со злом или негодованием, рассказывает, как бы делясь горем.

А потом весь зал стоя приветствует первую женщину-токаря, которая пришла на завод в далеком 1922 году, освоила все сложности профессии, в своем мастерстве обошла многих мужчин, получила высший разряд... И вот теперь под оглушительные аплодисменты всего зала ей вручается Почетный диплом петровца и нагрудный знак...

А потом райком комсомола проводит здесь же, на сцене, выездное бюро и принимает в комсомол дочь уважаемой работницы...

В общем же, идет серьезный семейный разговор, где важные дела решаются вперемежку со смехом, да и смех-то не сплошь веселый, он и грустный здесь бывает. Многие, не удержавшись, расчувствовались, когда начальник цеха сделал своей бывшей наставнице подарок—набросил ей на плечи белоснежный пуховый платок...

А в фойе музыка, выставка рукоделий, продажа сувениров, а областное телевидение ведет репортаж об этом заводском семейном празднике.

Уже в день моего отъезда Евгений Иванович Фокин рассказал, что заводские социологи затеяли новую работу — с помощью анкет и опросов изучают проблемы молодой семьи на Петровке. Надо ли говорить, что эти проблемы не только личные, они отражаются на производстве, текучке, моральном климате коллектива...

В заключение хочу привести слова Леонида Ильича Брежнева, который неоднократно бывал на Петровке, знает этот завод. И Леонид Ильич с полным основанием мог произнести на недавнем съезде профсоюзов, что «для человека коллектив, в котором он работает, это своего рода и дом, и семья, и школа».

Татьяна ТРОИЦКАЯ

Фото И. ТУНКЕЛЯ



Это, конечно, только штрихи к биографии института, которому исполнилось сто лет. В ней есть более яркие страницы. Но естественно, человек пишет о том, что ему ближе, что дороже.

...Запыленный, старенький автобус, фыркнув, остановился у фанерного домика с шутливой надписью «Таверна». В спецовках, прямо с картофельного поля будущие актеры, режиссеры, театроведы спешили на обед. Усевшись на деревянные скамьи, они дружно загремели ложками. Пообедали, и снова в поле. Надо было помочь колхозникам до морозов убрать картофель. Потом в песенках, в смешных сценках на капустнике они изображали свой «месяц в деревне». А я глядела на сегодняшних второкурсников и думала: мы после первого курса рыли окопы. Шел сорок первый год. Второго курса тогда для нас не было. Начавшаяся светло и безмятежно учеба оборвалась. К осени мальчики ушли на фронт, а девочки — в госпитали, на заводы. Чуть позже, выучившись на радисток, санитарок, снайперов, девочки тоже оказались на фронте.

Я поступила в Государственный институт театрального искусства имени Луначарского в 1940 году на театроведческий факультет. Первого сентября собрали нас, студентов всех факультетов, в институтском зале. Мы, первокурсники, робко оглядываясь, слушали. «Леонидов»,— шепнул мне худенький паренек в очках. А мы не сразу поняли, что это сам знаменитый Леонидов, перед талантом которого мы преклонялись. Он показался слишком обыкновенным, «неартистичным». Он стоял чуть поодаль от директора, в темном костюме, такой скромный и такой старенький. Зато, когда он заговорил, в зале стало тихо и напряженно. Говорил он просто, проникновенно. О том, что театру надо отдавать всего себя, служить ему и при этом содержать душу чистой, любить людей, бороться со злом, за правду. Эти слова все мы слышали не раз, но известное становится откровением, когда произносят его люди большого дарования и большой души. Его речь для нас прозвучала, как клятва.

Леонид Миронович Леонидов был тогда художественным руководителем ГИТИСа. Василий Григорьевич Сахновский, Николай Михайлович Горчаков, Михаил Михайлович Тарханов, Алексей Карпович Дживелегов, Стефан Стефанович Мокульский, Юрий Александрович Завадский, Борис Владимирович Алперс... Их имена мы произносили с трепетом, как сегодняшние студенты ГИТИСа с трепетом называют имена Марии Осиповны Кнебель, Бориса Александровича Покровского, Ростислава Владимировича Захарова, Павла Александровича Маркова, Бориса Николаевича Асеева, Андрея Александровича Гончарова...

А я училась с Гончаровым. Он был на последнем курсе, когда мы — на первом. И ушел на фронт на второй день войны. Стал конным разведчиком, командиром взвода. В одном из боев был ранен и попал в госпиталь в Москву.

— Это было в конце сорок первого,— говорит Андрей Александрович.— Выписался из госпиталя и, конечно, сразу же в Собиновский, хотя знал, что наши в Саратове.

Я пытаюсь увидеть ГИТИС той поры его глазами. Пустой, холодный, полутемный. Маленький особняк без своих веселых «жильцов». Здание не отапливалось, стены заиндевели. Но в институте осталась небольшая группа преподавателей и студентов. Каждый день тревоги, холодно, голодно. Ребята собирались в комнате под лестницей, там было чуть теплее, разжигали «буржуйку» и, не снимая шуб, репетировали. Готовили небольшие юмористические сценки, скетчи. Сами шили костюмы и делали нехитрый реквизит — выступали в госпиталях или перед отправкой бойцов на передовую. А вскоре были созданы первые фронтовые бригады.

...Под Сталинградом я оказалась в сорок втором году. В армии считали, что раз я училась в театральном, то, стало быть, артистка. Да я и не очень разуверяла, в глубине души довольная этим недоразумением. Однажды политрук приказал мне выступить в самодеятельном концерте. Только путного из этого ничего не вышло: услышав свой голос, такой ненатуральный, глухой, я сконфузилась и стала путаться.

«Трепачка ты!» — смеялись надо мной...

Репутацию свою я восстановила самым неожиданным образом. Как-то в полк приехали артисты. И вдруг вижу — на сцену выходит рыжий кудрявый парень. Элегантно отодвинул тряпку, служившую занавесом, и начинает читать стихи. Я сразу узнала его — наш, гитисовский! Когда кончил выступать, закричала с места: «Жора!», «Вардзиели!» — и кинулась на помост. Это была одна из гитисовских фронтовых бригад. А Жора — студент режиссерского — веселый, остроумный парень с шуткой на устах и готовым стихотворным экспромтом. Мы вспоминали, как встречали в большом институтском зале новый, сорок первый год. Гудки машины прервали нашу встречу — артистов ждали в другую часть. ГИТИС, дни учебы снова стали такими далекими, нереальными — вступили в свои права тяжелые будни войны.

Вернулась я в институт в сорок пятом. Пришли с войны не все. Геройски погибла Наташа Качуевская, девушка с первого актерского. Нет Оси Паенсона. Не вернулся Борис Николаевский... Юра Арго. Борис Кутаков. Евгений Котляров. Петя Громцев... Потом на мраморной доске напишут имена тех, кто погиб за Родину. А рядом будет всегда стоять букет алых гвоздик.

Историки и теоретики театра, люди энциклопедических знаний и блестящей эрудиции, преподавали нам русское, советское, западное искусство, эстетику и философию. Чуткие, внимательные педагоги, они умело и тонко направляли наши мысли и воображение.

«Мне неважно, если вы забудете год рождения Рембрандта. Мне важно, чтобы вы сумели распознать истинное искусство и отличить его от подделки»,— говорил Николай Михайлович Тарабукин и часами простаивал с нами в Третьяковке возле «Боярыни Морозовой». Объясняя, доказывая, внушая...

Георгий Константинович Локс читал западную литературу. Он требовал: «Думайте. Ошибайтесь, но будьте самостоятельны. Ищите. Только тогда будет прок».

Каждый из наших преподавателей был интересен по-своему, и каждый отдал нам частицу своего сердца и своей души.

Мы дружили с ребятами — режиссерами, актерами — и принимали самое деятельное участие в их спектаклях и ролях. Помню, как режиссеры решили поставить политическое обозрение «Маяковский начинается...». В нем участвовали все: актеры, режиссеры, национальные студии и даже мы, театроведы. Мы спорили, возражали, когда казалось, что представление напоминает «синюю блузу». Волновались, обсуждали игру каждого. Так бывало всегда — в маленьком особняке в Собиновском переулке мы жили единой семьей.

...ГИТИС теперь так разросся, что театроведческий факультет находится в другом здании. Много новых педагогов — почти все они выпускники института. Бережно хранят здесь лучшие традиции ГИТИСа: воспитывают настоящих помощников театра, которые служат реалистическому искусству, творчески развивают театроведение как науку.

У одной из аудиторий за дверью слышу знакомый голос. Борис Николаевич Асеев, мой учитель, рассказывает студентам о Княжнине, Сумарокове. Он поучал и нас, что XVIII век был не только преддверием, но и самой историей театра. Что нет проходных имен — за каждым человек, его творческая неповторимая личность. И мыслями я снова в том времени, когда и мы вот так же тихо-тихо слушали его, открывающего нам мир глубоких страстей и нежной лирики, страданий и поисков прекрасного.

Кончилась лекция. Студенты столпились у свежего номера стенной газеты «Театральные встречи». В ней — работы учащихся, рецензии на новые спектакли, отчеты с театральной практики. Нынешние театроведы каждый год проходят практику в газетах, музеях, литературной части театра—сегодняшним студентам стремятся дать больше практических навыков.

В чем вообще — невольно задумываюсь — отличие сегодняшнего ГИТИСа? Что нового он дает студентам?

На этот вопрос хочется получить ответ от ректора.

Вестибюль со старинной лестницей в основном здании, которое мне так знакомо. Лестница ведет на второй этаж. Большое зеркало в деревянной раме отражало когда-то лица моих друзей. Перед кабинетом в маленькой комнате сидела раньше секретарь директора Валя Озерова, добрый помощник многих поколений студентов. Теперь она заведует учебной частью института.

— Нынче ГИТИС, как и прежде, готовит режиссеров, актеров, театроведов. Но сейчас институт готовит постановщиков оперы и балета, певцов и режиссеров цирка, экономистов и директоров театра. Словом, учит почти всем театральным специальностям,— говорит профессор Алексей Архипович Рапохин, ректор института.

Он продолжает:

— Вы, конечно, знаете, что сто лет назад здесь была всего лишь маленькая музыкально-драматическая школа. Потом ее передали филармоническому обществу, и она стала училищем. Преподавали в нем Южин и Немирович-Данченко. Отсюда вышли знаменитые артисты, слава русского искусства — Собинов, Москвин, Книппер-Чехова... После революции его сделали первым высшим театральным учебным заведением страны. В 1934 году институту присвоили имя Анатолия Васильевича Луначарского.

А вы представляете, скольких работников театра выучил ГИТИС за годы Советской власти? Целую армию — шесть тысяч человек! Они работают во всех городах Советского Союза и во многих — за границей. Сейчас у нас занимаются представители сорока национальностей из тридцати двух стран мира.

У народной артистки РСФСР Марии Осиповны Кнебель на третьем режиссерском есть ребята с Кубы, из Сальвадора, Болгарии. Она рассказывает с гордостью о своем ученике киприоте Владимире Кавкаридисе. Он прислал Марии Осиповне книгу о созданной им

Сцена из спектакля «Мера за меру». Постановка народного артиста РСФСР Б. Голубовского, главного режиссера Театра имени Гоголя.

У балетмейстеров. Педагог — народная артистка СССР Р. Стручкова.

Народная артистка РСФСР Мария Осиповна Кнебель. За книгу «Поэзия педагогики» ей присуждена Государственная премия СССР.

На развороте вкладки:

Винченцио — Э. Кове.

Сцена из спектакля «Гренада моя...». 3-й курс режиссеров эстрады и массовых представлений (художественный руководитель — народный артист РСФСР И. Шароев).

ВЫСШИЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ



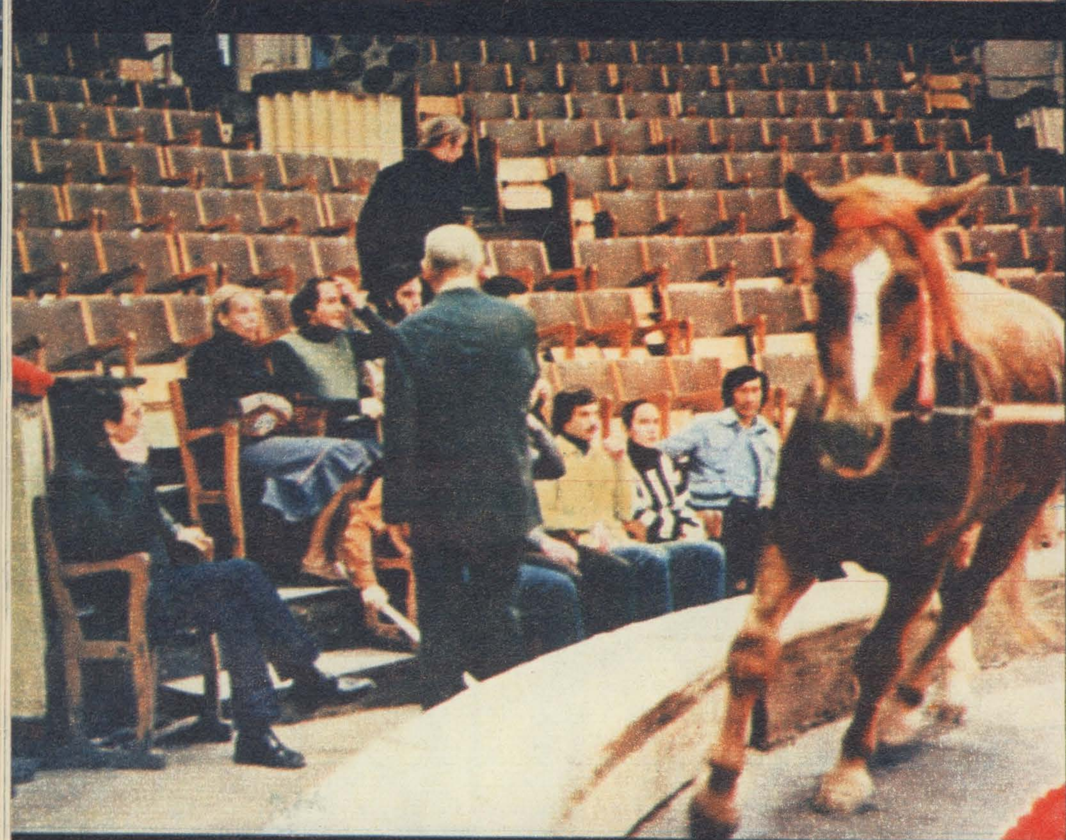







ЕАТР
ГИТИСа







театральной школе имени Станиславского у себя на родине. Другой ее ученик, японец Ютака Вада, работает у английского режиссера Питера Брука, художника, который набирает в свою труппу только высоких профессионалов.

— Ютака Вада? — переспрашивает заведующая институтской библиотекой Ольга Львовна Браславская (я знаю ее еще с тех довоенных лет).— Сейчас найдем.

Она тщательно перебирает карточки в деревянном ящике. На каждого выпускника ГИТИСа здесь есть карточка. В ней фамилия, имя. Где работает, кем. Вот карточка, в которой записано все о Ютаке Ваде. А вот и моя однокурсница — Этери Гугушвили, выпуск 1949 года, Тбилиси, ректор театрального института, доктор искусствоведения, профессор... Евгений Чанга, выпуск 1950 года, балетмейстерский факультет, художественный руководитель московского балета на льду, лауреат Государственной премии СССР... Борис Горбатов, выпуск 1942 года, актерский факультет, Москва, Малый театр, народный артист РСФСР.

Много лет собирает картотеку Ольга Львовна, но и без записей она знает всех наперечет.

Скоро она заполнит новые карточки на сегодняшних дипломников — режиссеров и актеров, которые вместе занимаются у народного артиста СССР Иосифа Михайловича Туманова.

Я нашла этот курс в Учебном театре, где студенты репетировали комедию Шекспира «Мера за меру». Раньше никакого театра у нас не было, все премьеры проходили в обыкновенном зале. Зрителями были педагоги, товарищи, родители. Теперь студенты играют перед обычной «платной» публикой, в настоящем театре.

Шекспировская комедия в исполнении студентов-режиссеров прошла с большим успехом. Показав свое мастерство в таком сложном произведении, как «Мера за меру», эти юноши и девушки смогут играть и ставить почти любые пьесы.

Классика — русская и западная, лучшие пьесы советских авторов всегда были основой учебного процесса. Помню чудесный спектакль «Двенадцатая ночь» Шекспира, поставленный студентами Николая Васильевича Петрова. Когда они окончили институт, то каждый в том театре, где стал работать, поставил свою «Двенадцатую ночь». Актерский курс Михаила Михайловича Тарханова играл «Варваров» Горького, «Власть тьмы» Толстого. Все эти спектакли собирали много народа, их повторяли не раз.

Сегодняшний спектакль «Мера за меру» играли в Учебном театре семь раз. Играли его студенты-режиссеры, а вот теперь они разучивают эту пьесу со студентами-актерами. Совместное обучение актеров и режиссеров — отличие сегодняшнего ГИТИСа.

— Сначала совместное обучение актеров и режиссеров было в порядке эксперимента, а теперь это система. Часть учебного процесса. Оно очень многое дает и тем и другим,— говорит Иосиф Михайлович Туманов.— Начиная с этюдов будущие постановщики имеют дело с актерами. Это обогащает и развивает их взаимно. Режиссеры учатся распознавать психологию актеров, у них пробуждается уверенность в своих силах. А актеры привыкают слушать голос режиссера, лучше понимают его. Как в настоящем театре.

...Из оркестровой ямы выходит герцог Венский Винченцио — Э. Кове. Кове движется легко, величественны его жесты. Он уверенно ведет свою роль. Чувствуется, что на сцене он не новичок. До института Кове работал в абхазском театре, как узнаю я потом.

Р. Туменас — второй дворянин — из вильнюсского театра. М. Скандаров — Луцио — из Тбилиси... На режиссерский факультет теперь предпочитают принимать людей с театральным опытом.

Анджело А. Дзиваевым решен интересно. Его герой неоднозначен. Чувствуется, что артист много думал и работал над ролью. А. Дзиваев прежде выступал на сцене североосетинского театра, того, что был создан из гитисовской национальной студии.

Сейчас в ГИТИСе четыре студии — казахская, туркменская, калмыцкая, киргизская. А всего институт подготовил сорок семь национальных студий...

— Еще в тридцатом институт взялся за воспитание национальных кадров,— говорит Алексей Архипович Рапохин.— В ГИТИСе занимались якуты, каракалпаки, осетины, башкиры... Их учили И. Раевский и В. Орлов, О. Пыжова и Б. Бибиков. Самые первые ученики не имели никакого представления не только о театре, но и о самых простых вещах, не знали русского языка.

Как радовались Ольга Ивановна Пыжова и Борис Владимирович Бибиков, когда каракалпакская студия, их первые воспитанники блестяще сыграли «Бедность — не порок» Островского. Спектаклем Островского открылся впоследствии театр в Каракалпакии, и шел он там двадцать лет.

Одновременно со мной учились студенты из Татарии. Наш курс был тесно связан с этой студией. Многие из них работают сейчас в казанском театре имени Камала, в театрах Тувы, преподают в институтах.

Скоро ГИТИС окончит туркменская национальная студия (художественный руководитель — народная артистка РСФСР Е. Козырева). И, возможно, в городе Чарджоу силами студийцев будет открыт еще один театр. А пока студенты этой студии вернулись из поездки в Германскую Демократическую Республику. Они возили в театральную школу имени Ганса Отто спектакль по пьесе Шукшина «Энергичные люди».

«Энергичные люди», как и другие дипломные спектакли, тоже шли в Учебном театре. Смотрю репертуар: опера «Женитьба Фигаро», пьеса Горького «Зыковы», Арбузов — «Жестокие игры», спектакль-песня «Гренада моя...» по мотивам произведений Михаила Светлова.

— В нашем институте,— сказал мне Алексей Архипович Рапохин,— как и прежде, работают лучшие мастера советской сцены — балетмейстеры и оперные режиссеры, актеры и постановщики драматических спектаклей...

Среди них народный артист СССР Андрей Александрович Гончаров, главный режиссер Театра имени Маяковского. Вернувшись с фронта, он стал преподавать в институте. Как говорит он сам:

— С ГИТИСом я не расставался с детства. Здесь работал отец и училась мать. Открывающиеся двери ГИТИСа — мое самое первое яркое впечатление.— Андрей Александрович улыбается...

Гончаров учит, как и все, одновременно актеров и режиссеров. Он занимается со своим курсом у себя в театре, с первых шагов знакомит студентов с непростыми театральными порядками. Этого тоже прежде не было в институте. А теперь стало правилом у многих педагогов.

Студент Гончарова Дима Кречетов с первого курса участвует в спектакле «Человек из Ламанчи». Пока он персонаж без слов, изображает одного из погонщиков мулов. А кто знает, может, потом он или кто-то другой из студентов будет играть и самого Дон-Кихота.

Разные манеры обучения и разный художественный почерк у педагогов ГИТИСа. Но они стараются как можно внимательнее и полнее раскрывать индивидуальность своих учеников, а главное, всегда следуют тем принципам высокого реализма, которые были заложены в самом начале существования института. Школа МХАТа, учение Константина Сергеевича Станиславского были и остаются основными для ГИТИСа. Его первые преподаватели работали когда-то со Станиславским и Немировичем-Данченко. А сейчас здесь работают их ученики и ученики их учеников.

...Мы шли после встречи студентов «моего курса» с теми, кто учится в институте сегодня, по маленькой улице, на углу которой табличка с надписью: «Имени Наташи Качуевской». Хотелось бы добавить — «студентки ГИТИСа». И эта улица, как мост между прошлым и настоящим, связывает всех, кто учится или учился в нашем ГИТИСе.



Борис Николаевич Асеев со студентами-театроведами.

Репетируют студенты 4-го курса факультета режиссеров музыкального театра (художественный руководитель — народный артист РСФСР Л. Михайлов, главный режиссер Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко).

Народный артист РСФСР М. Местечкин занимается с будущими режиссерами цирка.

Народный артист СССР Андрей Александрович Гончаров.

3-й курс актерского факультета на уроке грима (руководитель — народный артист РСФСР В. Андреев, главный режиссер Театра имени Ермоловой).

Туркменские студенты учатся фехтовать (педагог А. Немировский).



Прощай, не та

Джеймс ОЛДРИДЖ

РОМАН

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Глава 3

Так продолжалось всю зиму. Идеологические расхождения проявлялись по любому вопросу, касающемуся их различных Америк. Я никогда не слышал, чтобы они так серьезно говорили о чем-нибудь другом. Я не слышал, чтобы они прибегали к какой-либо «опасной» аргументации философского порядка. Это было странно, поскольку Террада считался в отделе одним из экспертов по России (он жил там два года), а Пип — экспертом по Китаю (его родители были миссионерами, он воспитывался там и говорил по-китайски).

Но я помню первый случай, когда их спор коснулся предметов, находившихся обычно за пределами их дискуссий на исторические темы. Раз в неделю отдел проводил совещание с участием самого Генри Люса. Я не бывал на этих встречах, так как они являлись, по сути дела, инструктажем по политическим вопросам, а я, естественно, не имел ничего общего с теми, кто делает политику. Но однажды Верт взял меня туда просто посмотреть, как все это происходит.

Я чувствовал себя действительно неловко, потому что все они обращались к Люсу запросто: не Генри, а фамильярно — Хэнк. И вся эта внешняя атмосфера редакционной демократии служила лишь прикрытием для самой обычной редакционной автократии. Политику определял Люс. Но мы выступали, и, должен сказать, Люс слушал внимательно. В тот самый день обсуждался вопрос о политике «Тайма» в отношении России, которая уже воевала. Рузвельт только что согласился на продажу русским нескольких грузовиков и истребителей типа «Кобра». Но Люс был против этого, так как выступал против самого Рузвельта. И, следовательно, «Тайм» в то время был настроен больше пронемецки, чем прорусски. Во время этих редакционных дебатов Террада высказался за то, чтобы Америка ограничила свою помощь России посылкой бинтов, поношенной одежды и кой-каких излишков молочного порошка. Люс с ним согласился.

Но я услышал, как засмеялся Пип.

— Слушай, Хэнк,— сказал он.— В ближайшие шесть месяцев на нас, вероятно, нападут японцы. В ближайшие два года мы будем воевать с немцами. Кого же мы обманываем, посылая русским эти чертовы бинты и старые тряпки?

— Это только домыслы, Пип,— сказал Люс.

— Ничего подобного. Чем больше русские сейчас уничтожат немцев, тем легче будет нашим ребятам, когда им самим придется это делать. Все очень просто.

О моем мнении никто не спрашивал, и я его не высказывал. Все то, что говорил Пип, казалось мне вполне разумным, хотя я не вполне верил, что японцы собираются напасть на Соединенные Штаты. Фактически я считал, что это невозможно.

Но Пип разбирался в Китае и Японии так же хорошо, как и в Америке. Он никогда не смотрел на страны Азии глазами американца. Он оценивал их так, как делали бы это они сами.

Еще в тот день на меня произвело большое впечатление пространное и многозначительное пророчество Террады по поводу войны в Европе.

— Русские,— говорил он,— несомненно, очистят от своего присутствия всю территорию Европы и скроются в бескрайних просторах Сибири, где и будут вести страшную примитивную тридцатилетнюю войну против немцев, которые успешно захватят всю европейскую часть России в течение двух месяцев.

В то время мнение это было довольно распространенным среди экспертов, и Пип был единственным из всех, кто молчаливо, лишь выражением лица, глаз и насмешливым изломом губ, выражал свое несогласие с этим. Он знал, что Террада неправ, но вслух спорить с ним не стал. Его это не особенно интересовало.

После совещания я спросил Верта, почему Люс терпит у себя Пипа Ловелла, хотя его голос в их курятнике звучит явным диссонансом.

— Не суди Хэнка строго,— ответил верноподданный Верт.— Он и Пип мальчиками росли вместе в Китае, и они старые друзья.

— Нет, причина не в этом,— сказал я.

Верт засмеялся.

— Конечно, не в этом,— ответил он.— У Пипа есть гениальная способность знать, как обстоят дела на самом деле. Он слишком

Продолжение. См. «Огонек» № 5.

ценен, чтобы такой журнал, как наш, мог без него обойтись.

— Ну, а как с Террадой?

— Знаешь, не начинай меня расспрашивать, кто друг, кто враг,— сказал Верт и при этом добавил: — Террада относится к той категории американцев, которым действительно нравится наш журнал, и в этом заключается его ценность для нас.

— Вы хотите сказать, что Пипу на журнал наплевать?

— Я этого не говорю. А к чему ты, собственно, клонишь?

— Так, ни к чему. Я только хотел узнать, что сделало их такими добрыми друзьями.

Верт внимательно на меня смотрел, пытаясь распознать, насколько я был искренен. Он откинулся назад на своем металлическом стуле и, пожевывая кончик маленькой черной сигарки, какие делают в Новом Орлеане, сказал:

— Тебе надлежит узнать значительно больше об Америке, чтобы по-настоящему оценить истинную благотворность этой дружбы.

— Настолько все сложно?

— Полагаю, что да. У американцев есть присущая им любопытная черта: они всегда разыгрывают роль добросовестных граждан своей свободной республики, Кит. Мы делаем это даже не задумываясь. Мы все время смотрим, в какой Америке мы живем и какого сорта американец рядом с тобой. С людьми интеллигентными дело сложнее. У них в результате всего этого возникает что-то вроде моральной потребности выглядеть стопроцентными американцами. Вот во всей этой курьезной мешанине, если поглубже вникнуть, и запутались эти двое.

— Может быть, в их отношениях как раз больше путаницы, чем дружбы,— сказал я.

Верт повернулся на стуле ко мне спиной и положил ноги на подоконник.

— Ну, это ты копнул слишком глубоко. Почему ты сам не спросишь у Пипа или Лестера обо всем, что хочешь узнать?

— Потому что я сам не знаю, что спрашивать,— сказал я,— но вместе с тем меня раздирает любопытство, когда я думаю о них.

Верту весь этот разговор был не по душе, но, немного помолчав, он сказал:

— Ладно, я тебе скажу еще кое-что, а там уж суди сам. Пип, будучи Ловеллом, поступил и прошел сквозь Гротон и Иель легко и ни о чем не думая. Терраде же пришлось испытать массу лишений, и лишь благодаря бог знает какому напряжению воли он поступил в Гарвардский университет, где, по всей вероятности, был лучшим за всю историю Америки студентом. И это с драными башмаками и куцыми рубашками, потому что его сестра отрезала, что можно, снизу, чтобы заменить протертые воротнички.

— Но ведь такие контрасты бывают всюду.

— Возможно. Но в Соединенных Штатах это определяет отношение человека к самому себе на протяжении дальнейшей жизни, так же как и то, куда пойдешь и кем будешь. Когда Пип закончил учебу и решил возвратиться в Китай, он просто обратился в одно из многих американских благотворительных заведений, действовавших в той стране. И это все, что от него требовалось, хотя США еще не вышли тогда из депрессии и с работой было туго. Но посмотри, что случилось с Террадой. Он хотел стать журналистом, но его к дверям близко не подпустили. Поэтому он отправился в Россию на какой-то допотопной посудине с грузом зерна и при этом чуть не угодил на тот свет.

— Он был коммунистом?

— Наверно, был. Он хотел быть свидетелем «великого эксперимента». Он мог изъясняться по-русски, так как дома у него говорили только на словацком языке, который близок к русскому. В Москве он получил работу в туристическом агентстве и попутно подбрасывал информацию одному парню из Юнайтед Пресс или Ассошиэйтед Пресс и стал для него как бы стрингером[1]. Года два спустя он возвратился в Соединенные Штаты и написал ту самую книгу, где низвел с пьедестала сам «великий эксперимент», и больше к этому не возвращался. Но потом он пошел в гору, а когда такие парни, как Лестер и Пип, вдруг оказываются вместе, получается то, что получилось... Происходит взаимодействие двух американских характеров.

Меня это удовлетворило лишь отчасти.

— Но между ними нет ничего общего, и вы до сих пор не объяснили, как им удается с этим справиться.

Верт встал и уставился в окно, за которым летели первые снежинки, оседавшие на кончике шпиля церкви святого Николаса, находившейся прямо под нами. У Верта была своеобразная привычка подергивать сутулыми плечами, что, в общем, как-то гармонировало и с его усатым лицом и с самой манерой разговаривать.

— Я все это время пытался тебе объяснить: единственно общее, что имеют между собой Пип и Террада, это то, что оба они американцы.

Он движением руки остановил мои дальнейшие расспросы.

— Это все, что я могу тебе сказать, Кит. Хочешь узнать детали — разбирайся сам.

Если бы я серьезно решил заняться расследованием обстоятельств их жизни, я бы так и поступил. Но серьезно меня этот вопрос не интересовал. Гораздо больше меня интриговала в то время Джуди, или, вернее, тот возникший с ее помощью треугольник, из-за которого их дружба представлялась в несколько ином ракурсе.

Я думаю, мне следовало бы сразу сообразить, на кого из двух делала ставку Джуди, но я их мало еще знал, и все прояснилось позднее. У Джуди была богатая тетка, владевшая большой загородной усадьбой в Риджфорде, в штате Коннектикут. Однажды ноябрьским утром Джуди появилась в дверях нашей комнаты и позвала нас всех туда на субботу и воскресенье. Мы колебались недолго, прежде чем согласиться, и в пятницу уже мчались в Коннектикут на ее «форде».

Там было два дома: один для тетушки Фелис, другой—для ее гостей. Тетушкины владения выглядели, как старинное родовое поместье; но, как заметил Пип много лет спустя, когда я ему напомнил об этих прелестных домах и окружавшей их природе, «все это было куплено за деньги». Как бы там ни было, богатством здесь не кичились, хотя на меня и произвела впечатление их частная бензоколонка возле большой конюшни. Казалось, будто бензин качают прямо из-под земли.

Ни Пип, ни Террада не умели ездить верхом. Но я умел и любил. И в то время, когда вся компания сидела в удобной гостиной, где им прислуживали негр-дворецкий и его жена, я скакал по вытоптанным до меня сотнями гостей тропинкам, пролегавшим по этим коннектикутским холмам, слегка припорошенным снегом. Возвратился я в пять часов вечера и принял горячий душ. Остальные пили мартини и ждали меня. Мы собирались навестить одного из самых известных по тем временам журналистов, Марина Поплара, дом которого находился за ближайшими холмами. Когда мы были уже на узкой проселочной дороге в большом «паккарде» тетушки Фелис, который вела маленькая Джуди, Пип прошептал мне на ухо:

— Ты учти, Кит, здесь, в этих краях, обитают яростные сторонники лозунга «Америка прежде всего». Так будь же осторожен. Этот малый, Поплар, не любит англичан, а Рузвельта и профсоюзы ненавидит, поэтому, если возникнет спор на политические темы, говори о том, в чем разбираешься.

— Я никогда не спорю о политике.

— Но здесь, возможно, тебе придется,— сказал он.

У Марина Поплара был старый фермерский дом с пристроенным к нему сараем. И первое, что сделала встретившая нас миссис Поплар, она повела нас троих (без Джуди) к этому белому сараю, раньше служившему складом, где теперь находились письменные столы, стеллажи для досье, пишущие машинки, телекс, большой потолочный вентилятор и мягкий войлочный ковер.

— Здесь он теперь работает,— почти благоговейным шепотом произнесла миссис Поплар.

Я уже хотел спросить, а кто это «он», но Пип меня опередил: «Неужели здесь, черт побери!» — и в его голосе я уловил знакомый мне оттенок иронии.

Все застланное ковром помещение размером пятьдесят на тридцать футов было заставлено ровными рядами стеллажей с досье. Их было, наверное, несколько сот, этих папок.

— Значит, вот какова его система работы!— сказал Террада своим внушительным голосом.

— Далеко не всех пускают сюда,— обратилась миссис Поплар к Терраде,— но мы решили, что вам будет интересно побывать здесь.

— Это действительно так,— ответил Террада, явно находившийся под большим впечатлением. Пип мне позже сказал, что, проходя вдоль этих рядов, он увидел на папках имена почти всех профсоюзных лидеров США и всех наиболее важных деятелей из администрации Рузвельта.

Когда Пип вернулся после своего обследования стеллажей (ни я, ни Террада не посмели последовать за ним), нас провели в дом, где Марин Поплар размешивал мартини длинной стеклянной ложкой в большом кувшине.

— Мамочка, у тебя из-под юбки что-то торчит,— бросил он своей пухленькой приятной жене, которая немного страдала одышкой.

Миссис Поплар обернулась и посмотрела на подол платья. Из-под него на дюйм выглядывала комбинация. Одернув свое платье из джерси, она повела нас знакомиться с другими гостями, которых развлекали дочери Поплара и Джуди.

Хоть я и знал, что делает, говорит и думает эта «Америка прежде всего», я имел еще недостаточное представление об американской политике, и на меня малое впечатление произвели такие услышанные мною в тот день имена, как Кийз Сэнфорд, знаменитый юрист, работавший для различных корпораций, Роберт Баннерман, владелец рекламного агентства «Баннерман и Брюс», и молодой человек по имени Моран, похожий на студента колледжа, но уже имевший славу известного адвоката. Я не могу почти ничего сказать по поводу Морана, потому что я его как следует не помню, но Сэнфорд и Баннерман выглядели пожилыми, определившимися, преуспевающими и где-то чем-то опечаленными американскими бизнесменами. Они никогда не повышали голоса и вели себя в отношении меня, человека им чуждого, молодого и англичанина, безупречно. Так что я воспринимал их такими, какими видел.

Кийз Сэнфорд, юрист, был однажды губернатором-либералом одного из штатов Новой Англии и оказывал поддержку Франклину Д. Рузвельту, когда тот был губернатором Нью-Йорка, выступавшим против президента Гувера. Но сейчас Сэнфорд презирал Рузвельта и считал фигурой трагической из-за того, что он постепенно терял голос вследствие какой-то болезни горла. Он говорил почти шепотом. Баннерман тоже носил на себе печать несчастья — его единственный сын покончил с собой, выпрыгнув из маленького самолета без парашюта. Но в отличие от Сэнфорда Баннерман был республиканцем всю свою жизнь. Что в нем бы-

[1] Нештатный корреспондент.

ло любопытное, так это предпринятая им знаменитая рекламная кампания тридцатых годов с целью убедить американцев, что некоторые видные деятели из американской истории были на самом деле перевоплощением христианских апостолов и их учеников. Среди них Томас Джефферсон (святой Марк), Джордж Вашингтон (святой Матвей), Александр Гамильтон (святой Лука) и Роберт Ли (святой Иоанн). Джеймс Гордон Беннет воплощал святого Павла и Томас Эдисон — святого Петра. Более того, святые угодники возрождаются снова и снова в современном обличье. Уильям Дженнингс Брайан, например, мог бы, по его мнению, быть воплощением святого Павла или наоборот.

Я не верил, что Баннерман затеял эту кампанию не в качестве шутки. Но Пип утверждал, что все это было вполне серьезно, и отметил, что Баннерман столь же серьезно подходит к своей теории с апостолами, как и Брюс Бартон со своей версией об Иисусе Христе, изложенной в его книге «Человек, которого никто не знает». Иисус описывается там как основатель всего современного бизнеса, поскольку он подобрал двенадцать человек из числа тех, кто находился в последних рядах коммерции, и создал из них такую силу, которая завоевала весь мир.

Я почти не помню их — этих слабоголосых, тихих людей, как не могу вспомнить и их жен. Но после того ноябрьского вечера мне всегда казалось, что эти коннектикутские холмы стали как бы «страной Террады». Было ясно, что Террада пришелся этим людям очень по душе, они с удовольствием слушали его и разговаривали с ним. Это была его ночь, и именно так и задумала это Джуди. Она сидела, откинувшись в большом кресле, и наблюдала за представлением, разыгрываемым этим переродившимся коммунистом, обличителем «великого эксперимента». Она улыбалась кошачьей улыбкой, в то время как голос старозаветного пророка вещал им о том, что правильно и неправильно в этом мире — в смысле политическом, а не моральном.

Естественно, они говорили и об Америке. Хотя по соображениям вежливости, считаясь с тем, что я англичанин, тема Америки звучала несколько иначе, Тема «Америка прежде всего» или «Америка полковника Линдберга» (их Америка) не затрагивалась. Говорили об Америке Торстейна Веблена, книга которого «Теоретические основы существования праздного класса» имела целью убедить американцев прежнего поколения, что все эти хапуги-грабители XIX века, действовавшие в сфере железнодорожного бизнеса, земельных участков, шахт или коммерческой биржи, символизировали свой классовый облик и служили службу своей стране благодаря вульгарным разгулам и использованию своих богатств.

Террада с отрешенным взглядом говорил, что Америка будет всегда в состоянии найти место для любых излишеств, так же как и для любых форм бедности и нищеты, ибо дело в действительности состоит не в том, что отдельные лица делают со своими деньгами, но в том, ущемляют ли они права других людей, когда разбазаривают свои богатства. Удовлетворение своих желаний, даже пусть напоказ всем и вся, не может ущемлять интересы личности в свободном обществе, где бедные люди пользуются совершенно теми же правами, что и богатые. В ответ на это Сэнфорд шепотом напомнил о деле в округе Сан-Матео в 1905 году с целью проиллюстрировать тезис о том, что имеется конституционная обоснованность для ограничения власти и права любого правительства вмешиваться в дела бизнеса, но когда мы сели за полированный стол со свечами и хрустальными бокалами, чтобы начать ужин, Пип сказал:

— Ну, лично я всегда считал, что этот жулик Джей Гоулд является логическим порождением Джексона и Джефферсона, и сейчас вы все это подтвердили.

Это была одна из тех фраз, которые позднее использовал Террада в своих обвинениях против Пипа.

Я больше ничего не могу вспомнить об этом ужине. Мы все изрядно выпили. И мужчины и женщины захмелели, про политику забыли, и каждый остался наедине со своими собственными мыслями. Однако в этом сказалась еще одна характерная особенность, благодаря которой эти двое ухитрялись перешагивать через разделявшие их разногласия.

К этому надо добавить еще кое-что, задевшее их взаимоотношения косвенным путем. У Джуди была двоюродная сестра Эйми, которую она называла полулошадь-полуженщина. Впрочем, Эйми сама себя так называла. В действительности же она была полуребенком-полуженщиной. Мать и отец ее погибли во время внезапного горного обвала в национальном парке Редмонд. В воскресенье, когда погода разыгралась и начался довольно сильный снегопад, Эйми уговорила меня помочь ей с кухни тетки Фелис отнести на конюшню, находившуюся за домом, несколько ведер пойла для ее лошадей. Когда мы переливали пойло в корыто, Эйми спросила меня:

— О чем, собственно, Пип и Лестер спорили всю ночь?

— Я не имею ни малейшего представления,— ответил я.— Я и не знал, что они спорили.

— Они просидели внизу с полуночи до трех часов утра. Наверное, было что-то очень серьезное.

— Это их обычное занятие,— сказал я.

— Неужели они всегда так спорят?

— Почти всегда.

— Как же тогда они могут оставаться друзьями?

— Ах...— протянул я, наливая пойло в корыто, на котором было выжжено имя «Бьютти».— Это тайна, покрытая мраком, Эйми.

— Если кончится снегопад, я тебя поведу на прогулку,— сказала Эйми, вылив небрежно часть пойла мне на ногу.— Ты когда-нибудь ездил верхом по снегу?

— Ни разу. По крайней мере не по глубокому снегу.

— Вот что я скажу, Кит,— произнесла она тоном большого знатока лошадей.— Прежде всего забудь думать о себе. Думай только, что у лошади есть ноги. В снегу они вынуждены высоко их поднимать, и ваши движения должны совпадать с их ритмом. Именно в ритме все дело, иначе лошадь может переломать себе ноги.

— А как вела себя Джуди во время спора?— спросил я.

— Да, пожалуй, она просто сидела и слушала. Как ты думаешь, кого она в конце концов выберет?

— А разве она собирается делать выбор?

— Как будто ты не знаешь,— сказала она, больно толкнув меня локтем в ребра.

— А кого ты бы выбрала на месте Джуди?— спросил я, потирая бок.

Эйми чуть не подпрыгнула — так ей хотелось высказаться.

— Они для меня слишком стары,— с презрением сказала она.— Я терпеть не могу пожилых мужчин. Да и все равно кончится тем, что эти двое перестреляют друг друга. Вот таким образом.

Она зачерпнула рукой пригоршню теплого месива и швырнула мне прямо в грудь. Эйми страшно хотелось повозиться, и поскольку мне было двадцать три года и во мне взыграло чувство снисходительности взрослого, я также зачерпнул месива и залепил ей в шею. Она взвизгнула, как вислоухий щенок, снова схватила пригоршню из корыта и попыталась попасть мне в голову. Но я увернулся, и месиво попало в перегородку стойла. Я снова ответил и попал Эйми в правую грудь, и когда она вновь промахнулась, у нас начался настоящий бой, который продолжался до тех пор, пока лошади, которым тоже досталось, не начали брыкаться и фыркать. Тогда мы выскочили на улицу, продолжая биться снежками. К тому времени Эйми уже была в состоянии экстаза.

— Стой, Кит, стой! — закричала она, заметив в моей руке увесистый снежок.— Правда, было бы здорово, если бы все так и застыло навеки.

Она стояла в снегу в полусапожках и разорванных джинсах и тут же сунула мне за шиворот комок снега, и мы продолжали битву, пока оба не обессилели.

— О, боже мой... Пусть останется так навеки, навеки, навеки!— с радостью в голосе проговорила она и в счастливом блаженстве откинулась на большой сугроб.

С меня всего этого уже хватало, и мы собрались идти в дом, когда из боковой двери появился Лестер Террада и, на мгновение остановившись, взглянул в темное небо. Я не понял сначала, что Эйми делает, но затем увидел, как она выгребла из кармана куртки пригоршню лошадиного месива, хранимого для меня, и, прежде чем Террада успел увернуться, влепила ему прямо в лицо. Месиво было мягким и не могло причинить боли, и я думал, что Террада просто нагнется и отплатит ей увесистым снежком.

— Что же вы не увернулись?— крикнула Эйми, приготовившись к новому нападению.

Но Террада стоял как вкопанный, не в силах перенести такого потрясения и обиды. Я не мог решить, на кого он больше похож — на пухленького пай-мальчика, которого ударил хулиган-задира, или же на воплощение самой невинности, с которой поступили крайне несправедливо и она не может понять, за что.

— Кончай свои штучки, Эйми,— раздался голос Пипа, стучавшего сердито по окну.

Но тут в окно ударил снежок, и Пип, как мальчишка, выскочил из дома и толкнул Эйми в сугроб. Это все еще была игра. Но Террада с отсутствующим взглядом медленно вытер лицо носовым платком, повернулся и ушел в дом.

— Что с ним случилось?— спросила Эйми, продолжая осыпать Пипа снежками.

— Оставь его в покое,— сказал Пип, не прекращая снежного поединка с Эйми.— Он не любитель такого рода развлечений.

— Дерьмо,— заявила она.

Мы ей простили это крепкое слово, так как она любила лошадей и только что вернулась на свободу из заточения в Брин Моур, школы для благородных девиц, где такого рода вольности не дозволялись.

— Я серьезно говорю тебе, Эйми,— сказал Пип,— не дразни его. Он шуток не понимает.

Эйми с презрительной миной на лице повернулась и пошла в конюшню к своим лошадям. А через полчаса я уже слышал, как с ней ссорилась Джуди на кухне, и я подслушал, прильнув к окну.

— Пип был прав,— слышалась энергичная четкая речь Джуди. — Лестер из категории людей, с которыми так не обращаются.

— Это почему же, что в нем особенного?— вызывающе парировала Эйми.

— Вовсе ничего. Но ты должна к нему относиться немного с большим уважением. Вот и все. Так что имей это в виду.

— А как же другие?— не унималась Эйми.— Ведь они не обиделись.

— Они люди совершенно другого плана. Лестер очень ранимый. А ты вела себя, как вульгарная богатая девчонка, ударившая пожилого человека.

— Боже мой,— жалобно простонала Эйми.— Я прекрасно знаю, что он в годах, но не старик же. Кит вон англичанин, и то не обиделся.

— Меня другие не интересуют,— упрямо продолжала Джуди.— Я за Лестера несу ответственность и не позволю ставить его в глупое положение. Это было непростительно с твоей стороны.

— Ну и пусть непростительно,— пожала Эйми плечами.— Ты сама знаешь, куда я послала бы Лестера Терраду.

— Не будь пошлой!

— Ты собираешься за него замуж?

— Ох, замолчи ты ради бога.

Я отошел от окна, и так как делать было нечего, поскольку прошедший снегопад занес все дороги, изгороди и верховые тропы, я удобно устроился на диване с книгой под названием «Леонардо да Винчи и Лошадь». Остаток утра мы так и провели за чтением — кто где, за исключением Террады, который настолько расстроился, что лег снова в постель.

— Он в полном порядке,— объяснял Пип Джуди.— Ему просто нужно немного времени, чтобы прийти в себя.

— Черт побери эту девчонку!

Пип рассмеялся.

— Лестер никогда не знает, что его заденет, пока это не случится, после чего ему требуется время обдумать все до конца. До вечера он спустится вниз.

К обеду Террада спустился, а Пип и Джуди ухаживали за ним, как за раненой птицей, которой нужен уход и защита. Джуди по-матерински опекала его, всячески пыталась ублажить, как бы извиняясь перед ним. Пип старался его развеселить, показывая, что ничего не произошло, и порой переигрывал в этом. Я решил, что мне тоже следует так себя вести, но тут Эйми, сидевшая рядом со мной на диване, ткнула меня локтем в бок и громким шепотом произнесла:

— Я больше не выдержу. Пойдем лучше на улицу, и я покажу, как надо ездить верхом по снегу.

— Пошли,— ответил я.

Я последовал за ней в конюшню. Мы почистили лошадей, оседлали их и направились к заваленным снегом воротам. За воротами перед нами простиралось огромное поле. Эйми перевела взор на склоны холма, покрытые иссиня-белым снегом, и, как ребенок, вздохнула.

— Бог мой! Сколько же они теряют,— сказала она.

— Кто теряет и что именно?

Она кивнула в сторону дома:

— Они. Они просто смешны.

— Кто именно? — поддразнивал я.

— Да вот эта троица. Этот маленький menage a trois[1].

Она дула на свои замерзшие руки и покусывала ногти. Прищурив глаза и готовясь пришпорить свою лошадь, она сказала, глядя куда-то вдаль:

— Все дело в том, что Пип носит имя Ловеллов, в то время как Террада — обычный простолюдин и «вместе им никогда не сойтись». Ну, поехали.— Она пришпорила лошадь и крикнула: — Смотри за моими ногами и повторяй все, что я делаю!

В течение двух часов я повторял все, что делала Эйми, и лишь ночью, лежа в кровати, я понял, насколько трудно было сохранять в седле ритм движения лошади, все четыре ноги которой, словно поршни насосов, погружались и вытягивались из глубокого снега. Я почти не мог двигаться и заснул, лишь только голова коснулась подушки.

Среди ночи меня разбудила Эйми. Она была в пижаме.

— Ш-ш,— прошептала она, присев на кровать. Я привстал.— Это я.

— Что случилось?

— Я же говорила, что так будет. Джуди сейчас у Лестера в кровати. Я видела, как она входила в комнату еще несколько часов назад.

— И это все?

— Ш-ш! Я знала, что она выберет Лестера,— заявила Эйми.— У всех этих толстых мужиков из Пенсильвании секс сочится даже из шнурков от их ботинок. Но она, видно, абсолютная дура. Дура, Кит.

На мгновение мне показалось, что у Эйми самой есть что-то на уме, когда она прильнула ко мне,— такая молодая, самоуверенная и не боящаяся ничего. Но долго раздумывать мне об этом не пришлось, так как она ткнула меня коленкой в бок и сказала:

— Я же говорила, правда? Но я молила бы бога, чтобы вместо Террады это был Пип. Я не могу даже вынести мысли, что кто-то, подобный Терраде, станет членом нашей семьи. Это как будто ходить по дому в запачканных грязью сапогах.

Я повернулся на бок и начал засыпать, а она, подоткнув мое одеяло, вздохнула надо мной по-детски восторженно и отправилась к себе.

Перевод с английского Т. ОРЛОВОЙ.

---

[1] Любовь втроем (франц.).

Продолжение следует.



РАСПАХИВАЯ ОКНА НАСТЕЖЬ

Алексей МЕНЬКОВ

ДРУЗЬЯМ-ОДНОКЛАССНИКАМ

Мечты сбылись; мы разошлись,
Разъехались да разлетелись...
С другими голосами спелись,
Над головой иная высь.

Дела... Дела... За годом год
Уводят нас все дальше, дальше
От пашни деревеньки нашей,
Где был так часто недород...

И вроде бы судьба у всех
Такая — сетовать — куда там!..
Но почему ж по старым хатам
Грустим, когда растает снег?

Во сне все чаще: на заре
Распахиваем окна настежь
И с выдохом: «Какое счастье!..» —
Весну встречаем во дворе.

Но затрещит будильник вдруг,
Как будто злясь, что сон так сладок.
И новый день в душе порядок
Свой наведет. Замкнется круг...

Кому-то «Волгу» подадут,
А кто, спеша на остановку,
Предвидит службы обстановку...
И вроде б, где уж помнить тут —

В деревне яблони цветут...

ИЗ ДЕТСТВА ДРУГА

...Тяжел пастуший кнут,
Когда рассвет дождлив.
Пастух на слово крут,
Подпасок — молчалив.

Еще войны следы
Опасности таят,
Недолго до беды —
То мина, то снаряд...

Пастух и крив и хром.
Подпасок — дело знай,
Сквозь лозы, напролом,
От топи отгоняй.

Туман со всех сторон,
Села не отыскать.
Подпасок знал, что он
Обязан привыкать

И к ливням и к жаре,
К вставанью на заре,
К тому, что мать больна,
В избе, как тень,— одна.

Пройдет всего лишь год,
Подпасок плуг возьмет,
А там — мечта, но к ней
Пути куда трудней...

●

Опять весну мы проглядели —
Дела-заботы одолели.
Вот вышли на берег Десны —
Лишь эхо звонкое весны
В просторе тает неоглядном.
Молчим. И вроде б не досадно,
Как будто весен впереди,
Как говорят, хоть пруд пруди...
Но так ли, так на самом деле?..

Опять весну мы проглядели...

●

Ах, я и сам пилил березу,
И клубом пар с меня валил.
И что тут становиться в позу —
Какой крестьянин не пилил!

Стоял я, как великий грешник.
Согнулась под рукой пила.
Сквозь ветки елок и орешник,
Как ворох молний, гулко шла.

Назавтра спал я в теплой хате.
Дрова нахваливала мать.
А по весне лесник Игнатий
Сзывал нас новый лес сажать.

И я копал, как надо, ямы
Для сосен, елок и берез.
Не задарма, на радость маме,
Я воз березовый привез.

●

Наблюдаем лунное затмение
Из окна на третьем этаже.
Знаем — никакое не знамение...
Но тревожно что-то на душе.

На луну посмотришь —
Подобреешь ли,
Или
С облегчением вздохнешь...
При луне и смелые смелее шли —
Темным лесом не казалась рожь,

Как бывало, если мы в селение
Дальнее
Спешили по меже...
Наблюдаем лунное затмение,
И тревожно что-то на душе.

●

Сельский полдень, вечно золотой,
В памяти останется моей.
Ах, как шла, как шла ты за водой
На виду у стройных тополей.

О делах поспешных позабыв,
Я, как в раму впаянный, застыл.
Будто взрыв, беззвучный вспыхнул взрыв,
На мгновенье свет остановил.

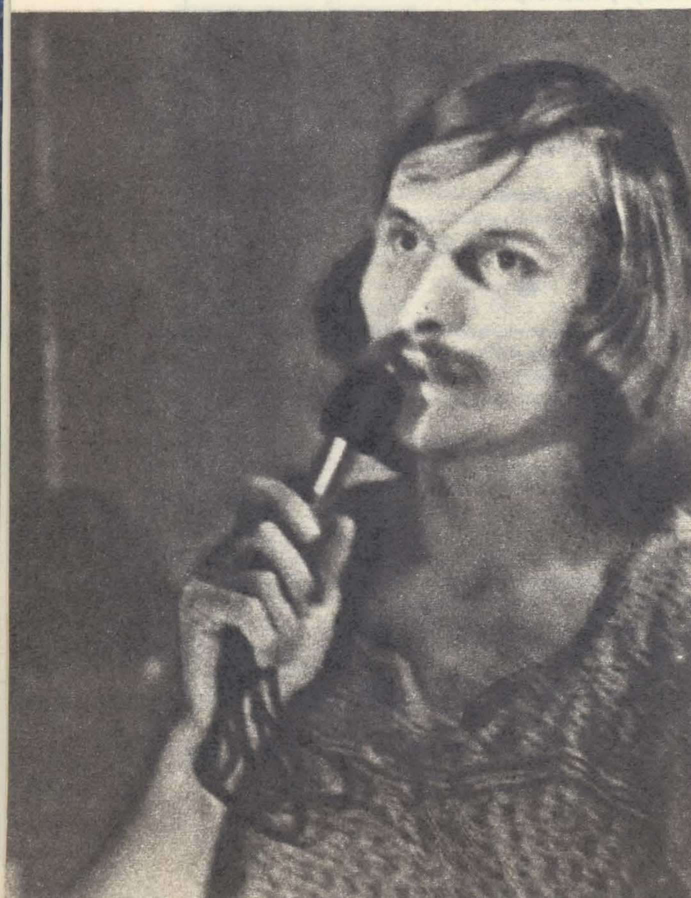
Будет ли отрада, грусть, беда —
У любви отсрочки не проси...
Да, я верю — сладкая вода
В ведрах у красавиц на Руси...



«Той в юрте Куйручука». Л. Проскурина работает в парке культуры и отдыха города Фрунзе.



Необычный выпуск «Ну, погоди!» (Украина).



Р. Володка ведет программу (Литва).

МАСТЕРА ХОРОШЕГО НАС

Н. АЛЕКСЕЕВА

Фото З. ГОЛУБЧИНА

Наверное, мне с детства не везло с «культурным» отдыхом. И, признаться, до последнего времени при слове «массовик» (или, как еще говорят, массовик-затейник) воображение живо рисовало некое бесцеремонное существо с металлически пронзительным голосом и несмешными остротами, всячески пытающееся помешать естественному веселью людей посредством вовлечения их в скучные игры...

Вот не так давно заглянула я на танцплощадку в тот самый момент, когда на сцену вышел худенький, весьма сумрачный с виду человек и безапелляционной скороговоркой, прервав танец на середине, повелел танцующим разбиться на две команды для того, чтобы каждая запела какую-нибудь песню... Молодежь, воспринявшая это приказание как необходимую повинность для продолжения танцев, послушно заголосила. Одна «команда» пела «Катюшу», другая — про крокодила Гену. Обе пели одновременно. Словом, хор сумасшедших...

«Определенно, до сих пор мне просто не везло!» — подумала я с облегчением, попав в конце прошлого года в Одессу, на V Всесоюзный конкурс культорганизаторов, посвященный 60-летию ВЛКСМ. Прежние скептические представления мои о профессии культорганизатора здесь потихоньку улетучивались, зато интерес к ней с каждой новой программой участников конкурса — их тут было около двухсот — все возрастал. Да и вообще в те дни меня не покидало ощущение, что Одесса стала столицей большого молодежного фестиваля-карнавала. Красивые, веселые лица, многокрасочные национальные одежды, шутки, песни, танцы... И — по-настоящему забавные игры... Многие программы этого конкурса заставили улыбаться, смеяться не только публику, но даже невозмутимых членов жюри, которые со всей строгостью рассматривали выступления участников, проходившие прямо в зрительном зале.

Оценки ставились за сценарий и режиссуру, культуру речи и танец, игру, реквизит, музыкальное оформление и, наконец, за артистизм, что, кстати сказать, играло немалую роль, так как именно артистизм компенсировал недостатки содержания иных программ. Жюри учитывало также и реакцию публики, которую культорганизаторы должны были развлекать, завладевая ее вниманием. Между прочим, аудитория была весьма квалифицированная: сами же массовики, участники конкурса и его гости. С готовностью выполняли они любые задания своих собратьев: прыгали через «костер», ловили «рыбу», собирали «грибы», строили «дома». Но все равно можно было заметить, что и среди доброжелательных массовиков, изображающих публику, наибольшим успехом пользуются коллеги-массовики с яркой индивидуальностью — личности волевые, энергичные и искренне увлеченные всем, что происходило в зале, то есть играми, викторинами.

Оказалось, что наиболее привлекателен тот культорганизатор, который умеет сделать из своей программы своеобразное театрализованное представление, умеет найти в нем свой образ. Театральная условность помогала зрителям без особого труда воспринимать игровые задания, верить в игру, как бы фантастична она ни была, и тем самым быстрее избавляться от некоторой неловкости, скованности, неизбежных при общении незнакомых людей друг с другом...

Запомнилось выступление москвички К. Леонтович «Русские посиделки». Здесь все было оригинально и свежо, — и красочный реквизит, и стилизованный русский наряд, а главное, она сама в роли гостеприимной и бойкой хозяюшки, угощающей чаем из самовара добрых мо́лодцев и красных де́виц,— две соревнующиеся команды. Причем ведущая была настолько артистична, что никто из окружающих не замечал этого: только чуть-чуть «выше» своей аудитории как руководитель игры, а вместе с тем такая же, как все. Вот это и вызывает доверие, внушает людям веру в свои силы, ловкость, смекалку... К. Леонтович вела игру не просто ради игры, она еще преподавала правила достойного поведения. Вспоминая, к примеру, что раньше мо́лодцы не сидели на гуляньях, а стояли за спинами сидящих де́виц, она, словно между прочим, заметила, что нынче мо́лодцы так не делают, а норовят сами сесть... Ненавязчивый, находчивый урок хорошего тона.

То же самое можно сказать и об И. Касемаа, эстонской студентке из города Вильянди, превратившейся в смешного и трогательного мальчугана в программе «Хочу стать октябренком». Тут весело учили 6—7-летних ребятишек пришивать пуговицы, складывать буквы в слова... Впрочем, выяснилось, что театрализовать и придумать «детскую» программу в известной мере легче, чем «взрослую»,— достаточно предстать в образах Чебурашки, Красной Шапочки, Зайца и Волка... Да ведь и сами сюжеты сказок подсказывают сюжет программы. Поэтому детские представления, пожалуй, были разнообразнее, интереснее «взрослых»; последние в большинстве своем развивали одни и те же темы: обычаи и традиции народов (много было «свадеб» с соответствующими загадками, играми и песнями), цирк и, конечно, Олимпиада-80. Среди этого особенно ярко прозвучало выступление Веры и Илмара Путраймс из Алушты: «Мы — берендеи». Супруги, работающие на крымской турбазе, использовали традиционную викторину не как обычную «проверку памяти», что, порой, к сожалению, получается у культорганизаторов. Викторина «Берендеев» стала своеобразным поединком с равнодушием и бесхозяйственностью по отношению к природному богатству страны. Ну, например, Вера показывала зрителям рисунки цветов, и аудитория должна была назывaть цветок. Но если «ландыш» определили все — тут Вера сказала, что ландыш катастрофически исчезает,— то «венерин башмачок» не мог узнать никто. «Этот цветок когда-то рос в лесах Южного берега Крыма, а теперь не растет... Это очень печальная утрата»,— говорит В. Путраймс, получившая звание лауреата и приз журнала «Огонек» за лучшее использование викторины.

...Конкурс, повторяю, был интересен. Но тем не менее он не позволяет заключить, что все дела у культорганизаторов страны обстоят благополучно. Хоть и не так плохо, как представлялось ранее, но и не так хорошо, как хотелось бы и как должно быть. Учитывая, что в Одессу на заключительный этап конкурса попали, по идее, лучшие из лучших, с беспокойством смотрела я программу для детей представителя Латвии — молодого парня, который призывал «детишек» похлопать и потопать, взять в танце друг друга за уши, потрясти животиками и при этом каждый музыкальный такт завершать дружным восклицанием: «Буги-вуги — о'кэй!» Честно говоря, мурашки по коже побежали, когда я это услышала. Или когда культорганизатор, пытаясь заинтриговать публику, провозгласил, что его родной город — это второй Париж, и назвал главную улицу «нашим Бродвеем». Впадая в иную крайность, другой массовик объявляет очередную игру «социалистическим соревнованием» по уборке хлопка либо по строительству завода и т. п. Или выпускает в конце выступления из корзины живых голубей как символ мира, а мы видим, что этот «символ», привязанный короткими веревочками к корзине, беспомощно и судорожно бьется над головой культорганизатора... А чего стоит игра (то ли в сад, то ли в деревья), когда массовик говорит одному из членов команды: «Вы будете дуб!..» Были и такие «номера». Немного, но были.

С кого тут спрашивать? Откуда берутся бескультурье, пошлость, обывательщина, безвкусица — все то, что иные культорганизаторы несут в массы под видом развлекательности? Несут именно в **народные массы**, ибо никакая другая профессия, наверное, не имеет таких условий, такой возможности действительно **массового** общения с людьми, такого

непосредственного и каждодневного контакта с ними. Ведь играют все и во все, играют и дети и взрослые. Играют везде и всюду. На отдыхе и в часы досуга... Игра объединяет людей, но еще — так или иначе — **воспитывает**. Естественно, что культорганизатор должен быть законодателем всего лучшего, прекрасного в человеке, носителем современной культуры, ее подлинных достижений. Так с кого же спрашивать? От кого потребовать вразумительного ответа?

Беда в том, что обращаться конкретно не к кому. Массовики — а на конкурсе были и профессионалы и общественники, самоотверженно пытающиеся удовлетворить великую потребность людей в общении, в хорошем, активном отдыхе,— предоставлены самим себе.

В стране нет учебных заведений, готовящих массовиков-культорганизаторов. Правда, в Киеве, Москве при центральных парках культуры и отдыха возникли объединения массовиков и краткосрочные курсы, но это, что называется, капля в море.

Но даже если ты все-таки закончил соответствующие курсы или нашел себе после окончания какого-либо культпросветучилища опытного наставника в Доме культуры, на турбазе, короче, на месте своей работы, ты все равно будешь еще долго подыскивать репертуар. Квалифицированных авторов сценария программ очень мало, методической литературы — еще меньше. А если и достанешь сборник игр, то изданный чуть ли не в тридцатые — сороковые годы. Отсюда — архаизм шуток, игр, викторин... Поэтому новые игры, как правило, есть не что иное, как игры старые, но в соответствии с «веяниями времени» переименованные в некие «производственные соревнования», «борьбу за качество» и прочее. Вот тут-то и начинается «самодеятельное творчество» и профессионалов и общественников, на свой вкус, страх и риск пытающихся сочинить маленькую пьесу, провести «вечер отдыха».

Конкурс показал, что некоторым все же удается составить — с миру по нитке! — оригинальную программу, быть и сценаристом и хорошим режиссером. Ну, а что же делать тем, кто способен выступать «только» артистом-массовиком, что само по себе требует немалого таланта?

Конечно, всесоюзный конкурс — большая помощь массовикам. Академия, говорят они. Многие приехали в Одессу с магнитофонами и с утра до вечера записывали выступления участников. Таким образом, на какое-то время проблема репертуара будет решена. Ну, а дальше что?.. Короче, министерствам и управлениям культуры есть над чем поразмыслить! Тем более что сейчас повсеместно возникают еще и дискотеки, а ведь и они тоже бьются

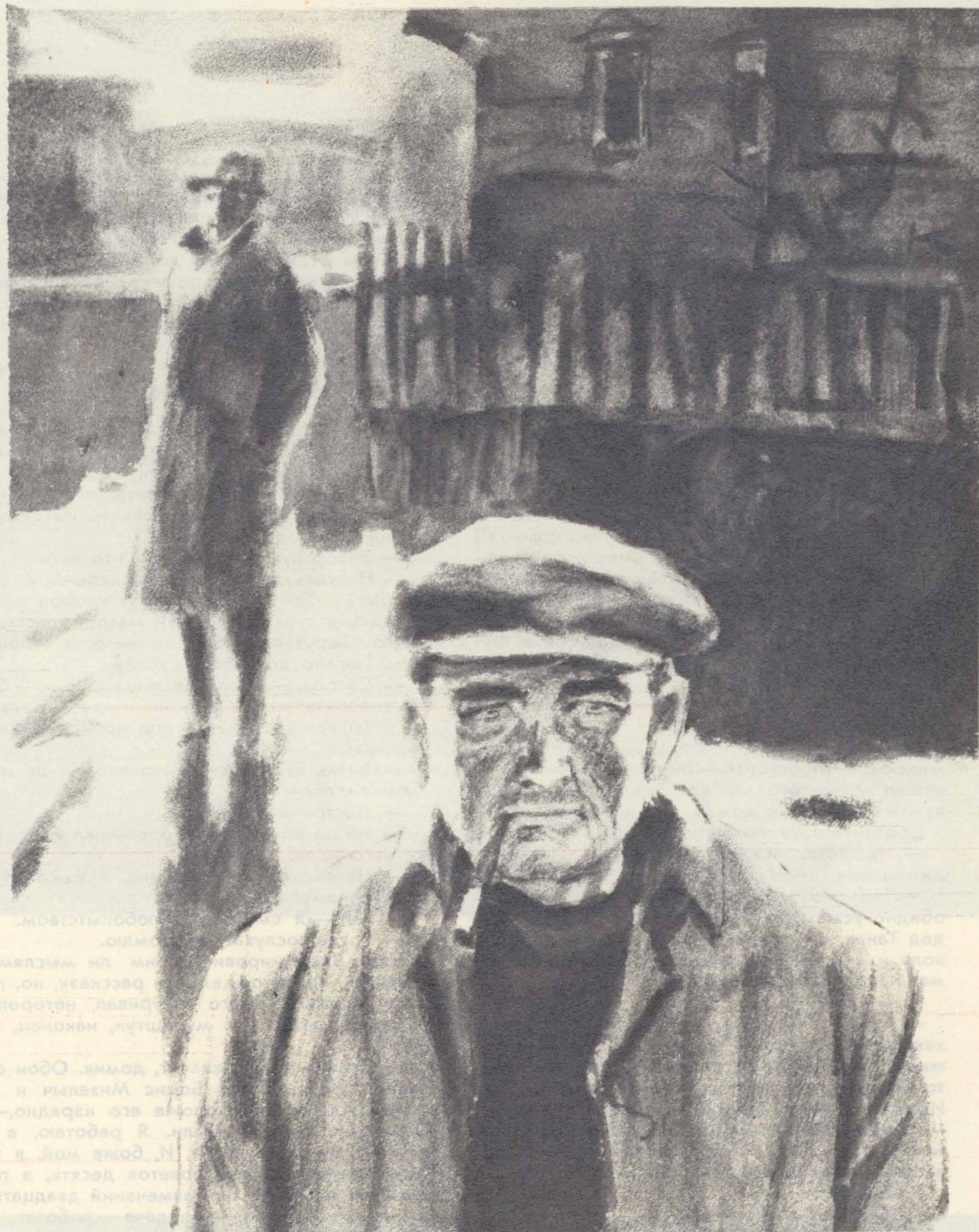
ТРОЕНИЯ

над своими программами и уже мечтают о специальных курсах для ведущих дискотек, тех же почти культорганизаторов, но взявших себе на вооружение, так сказать, современнейшую технику... В недалеком будущем состоится всесоюзный конкурс дискотек, где, очевидно, тоже будут обсуждаться многие нерешенные проблемы, как это было и тут, в Одессе.

На конференции, проходившей после закрытия смотра, участники его и члены жюри (среди них — представители Министерства культуры СССР, ЦК ВЛКСМ, центральных парков культуры и отдыха) высказали немало пожеланий да и претензий друг к другу. Есть надежда, что кое-что сдвинется наконец с мертвой точки и, может быть, появится для начала всесоюзный методический кабинет культорганизатора... Впрочем, и на этот раз ничего определенного «мастерам хорошего настроения» не было обещано.

А пока... «Литературы нет, сценариев нет, выматываешься, ломаешь себе голову. Но — что делать! — выходишь к людям, улыбаешься,— признался культорганизатор из Железноводска В. Хлопонин.— Большое счастье видеть ответную улыбку на лицах!»

На таких энтузиастах в основном пока и держится это непростое и необходимое дело — дарить людям радость.



Николай **НЕФЕДОВ**

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА



ТАНАК

Сеет дождь, деревенская улица пустынна и глуха. Один я шлепаю резиновыми сапогами по раскисшей до теста, залитой водой дороге. Оглядываюсь. Нет, не одинок я, оказывается: бабка, что встретилась у крайней избы и которой я изложил свое дело, смотрела мне вслед.

— Иди к Танаку,— сказала она.— Для таких дел лучше Танака не сыщешь.

— Как имя-отчество его?

— Танак — он и есть Танак. И в деревне, сколь помню, и в округе подале — все Танаком зовут. А вобче-то имя-отечество ему Иван Владимирович.

— Ага. Спасибо.

— Да вон он, городится...

Я взглянул по направлению взмаха бабкиной руки и увидел маячившую возле забора на противоположном конце деревни, у самого крайнего дома, мужскую фигуру. Пошел...

Иван Владимирович Танак, чем я ближе подходил к нему, тем все чаще взглядывал в мою сторону, а вот и совсем прекратил работу, стоит, ждет.

Невысок, но и не мал; определять рост таких мужиков — лишь ошибаться. Он, я сразу это увидел, относился к числу тех, что, будь они высокими или низкорослыми, плотными или сухопарыми, держатся, словно бы их и не смеришь. Все они заставляют смотреть на себя словно бы снизу вверх. В осанке, походке, в манере держаться — достоинство.

Смотрю я на стоящего передо мной Ивана Владимировича Танаку (вот фамилия странная!) и улыбаюсь. Хорош мужик, а вместе с тем ничего особенного. Глаза серые вприщур, лицо морщинисто, нос с курносинкой, не скуласт и не узколиц, подбородок крут, лоб не низок, но и не высок, кепчонка на затылок сбита. Фуфайка нараспашку, серой домашней вязки свитер под ней, рабочие брюки, кирзовые сапоги. Одно отлично — крепко стоит мужик, влитой, с места не сдвинешь.

— Чего скалишься?— спрашивает с обезоруживающей простотой.— Железку деревянную нашел или оттого, что все лужи замерил и на лужок поближе к домам выйти не догадался?

Протянул руку, пожал крепко.

— Не догадался,— отвечаю.— Вы Иван Владимирович Танак?

— Танак-то я Танак, да не совсем так,— необидно усмехнулся.— И дед был Танак, и прадед Танак, об отце и говорить не приходится, коль и я в Танаках хожу, а фамилия моя самая наироссейская, Иванов.

Я смутился.

— Ты не смущайся. Я не в обиде. Раньше как: князь Потемкин-Таврический, граф, положим... Тютюлькин-Закорпятский, а коль царь, то Грозный, император, так Великий... А мы Ивановы-Танаки! Теперь ни графов с князьями, ни царей нет, а я вот он: как прежде Иванов, да еще Танак. Так и теперь. Так-то!.. Как вас величать прикажете?

Я назвался.

— Вот и познакомились.

А дождь сеет и сеет, время идет, мне еще до электрички больше часа топать, на электричке того больше качаться, и я решил сразу взять быка за рога.

— Я к вам, Иван Владимирович, и по делу.

— Что ко мне, понял, когда ты еще с бабкой Ганей говорил и в мою сторону поглядывал, а по делу, это уж само собой. Пойдем под навес на лавочку, там и потолкуем.

— Я вас от работы отвлек.

— Какая там работа!— рукой махнул.— Всего делов-то — две штакетины приладить.

— Так вы прибивайте, я подожду. Вижу, делу конец, а у меня бутылочка с собой имеется...

— Штакетины и впрямь следует прибить,— согласился Иван Владимирович.— А насчет бутылочки смотреть после будем.— Сказал он последнее как-то недовольно и поднял с земли штакетины, пошел к забору.

Забор как забор, да не очень-то. Штакетины в этом заборе были прибиты не перпендикулярно земле, а с наклоном. Ничего особенного, а забор словно бы падает и не падает, прямой он и, однако же, не прямой. Бежит забор, да и только. Бежит вдоль тропы, в поле, вон к тому далекому леску...

— Иван Владимирович!

— Ась?

— Забор-то у вас... живой.

— А чего ему мертвым быть?— откликнулся помедлив Иван Владимирович. Он уже закончил работу и, собрав инструмент, тоже явно любовался своей работой.— Ему мертвому быть не положено, он, чай, должон делу служить и глаз человеческий радовать.

— Как это вам удалось?

— Особой смекалки не требуется. Наклон нужный выбрал, и дело с концом. Пойдем под навес, дождичек хреновый, а вон она, фуфайка-то, у меня промокла почитай насквозь.

Мы прошли во двор, сели на скамью под навесом у глухой стены дома.

— Я, Иван Владимирович, с дачного поселка. Правильнее сказать, с садовых участков. Коллективный сад тут организовался от вас недалеко...

— Знаю, знаю. Это не твой участок прогалом в середине смотрится и весь строй портит?

— Мой. Кругом уже домики стоят, а я, так случилось, только-только за забор принимаюсь.

— Так вам домик поставить требуется?

— Домик с весны строить начну, а этой осенью хотя бы забор поставить. За зиму материал заготовлю и...

— Забор пустяки. Материал-то есть?

— Несколько бревен неошкуренных, слеги, горбыль... Там у меня с двух сторон заборы соседские стоят. Городьбы метров шестьдесят всего. Берут по рублю за метр, а я полтора дам. Так что девяносто рублей...

— Погодь, —остановил меня старик.— О цене говорить рано. Цену на месте работа скажет. Ты вот что мне ответь: Бориса Михалыча знаешь?

— Знаю. Его участок через один от моего, ближе к лесу.

— Построился он?

— Не до конца. Чего-то, слышал я, плотники от него ушли.

— Не плотники, а плотник. Я ушел. И знаешь, почему?

— Нет.— Я смотрел с любопытством.

— Тогда послухай, не утомлю.

Иван Владимирович своим ли мыслям засмеялся, предстоящему ли рассказу, но, перестав смеяться, долго закуривал, неторопливо вставляя сигарету в мундштук, наконец, заговорил:

— Ставил я ему, значит, домик. Обои они с женой, значит, этот Борис Михалыч и жена ихняя Алена, она моложе его изрядно,— пояснил,— в отпуску были. Я работаю, а они, значит, контроль ведут. И, боже мой, я топором тюкну раз, они советов десять, я пилой вжикну два раза, они замечаний двадцать. Ну да ладно, терплю. Их задача — работать языком, моя — руками. Подвел я домик под крышу, стропила поставил, лаги, значит, положил, готовлюсь пол настилать. К их замечаниям-советам привык — внимания не обращаю, знай свое дело делаю. Конечно, если уж совсем правду сказать, мне их советы-замечания во как надоели,— провел рукой по горлу,— но не будешь же из-за того работу бросать. Взялся за гуж — не говори, что не дюж. Или, как выражался на фронте мой друг Ахмет: собака лает, караван идет. Верно?

— Верно.

— Вот и я так считал. Работаю. И, знаешь, чем они меня допекли? Вот чем: привычку мою запретить хотели. Привычка у меня такая — топор в бревне оставлять. А как же! Не брошу я струмент в землю. Тешу дерево, в дереве и оставляю. Приладил доску, расклинил, надо пришивать, я топор — раз!— в лагу. «Ах!— закричал мой Борис Михалыч.— Вы, Иван Владимирович, нам весь лес своим топором истычете. Шпаклюйте!» Ну ладно. Зашпаклевать — раз плюнуть, хоть это и совсем ни к чему, но что же я должон из-за глупостей с привычкой своей расставаться и топор в землю, что ль, втыкать? Может, пенек для топора таскать за собой прикажете? А?! Раз так, говорю себе, я вам не товарищ. Плевал я на вашу десятку в день, а платили они мне по десятке за день, хоть работу я делал, может, и на двадцатку всю, но, да раз договорился, назад не попрешь. И не предполагал я, что они над душой моей все время стоять будут, мухами навозными над ухом жужжать. Злился, кипятился, оттого и ворочал вдвое больше того, чем можно и надобно. Застелить пол в домушке — день работы, к вечеру решил управиться, спешил, потому что впереди работа самая веселая: наличники ладить, рамы вставлять, двери навешивать, отделку всякую производить — это такая работа, когда вся твоя прежняя во всей красе покажется. Радость, а не работа, и вот — бросай.

Собираю я струмент, до свиданица, говорю, ищите другого, говорю, и, значит, из дому вон. Они ах, ох, а я уж и калитку открываю, а сам слышу: зашептались они горячо. Я помедлил, с велосипедом без надобности вожусь и слышу — зовут. Возвертаюсь, жалко ведь дело на самом главном интересе бросать. Потом порешил: одумались, мою привычку старинную поняли.

«Слушаю»,— говорю.

«Мы тут посовещались,— выступает, значит, Борис Михайлович,— и решили так: у Алены на работе столяр есть хороший, он дом и отделает, а вы пол закончите».

«Э, дорогие мои, хорошие, думаю, шиш вам. Коль вы меня моего интереса лишаете и привычки моей не то чтоб уважить, даже не поняли, рука моя отсохни — гвоздя одного ни за какие деньги не вобью.— И костерю сам себя по высшему разряду всякими словами.— Зачем вернулся, осел эдакий? Зачем унижение принял, дурак седой?»

А хозяин продолжает:

«И попросим мы вас после того работу на участке одну сделать. У нас тут на участке дубовые пеньки. Надо их выкорчевать. Тут было подрядился один студент, два пенька осилил, мы ему двадцать рублей заплатили, а он отказался. Тяжело, говорит. Может, вы возьметесь?»

«Согласен».

Сажусь на велосипед — и в ремонтные мастерские. Дайте, говорю, ребята, на время домкрат червячный. Дали. Еду обратно. Беру доску потолще, лопату и—к тем пенькам. Пока мои хозяева куда-то идти собирались, я под всеми пеньками канавки прокопал, а ушли они, я доску, значит, подсовываю, домкрат прилаживаю — и пень пошел. Идет, что твой гриб из земли. И пошло, и поехало. Часа за три все пеньки вывернул. Тут и мои хозяева в срок пожаловали. Аленка глазами только хлопает, руками разводит, а Борис Михалыч, тот, право слово, от удивления иль от еще чего аж посерел весь.

«Принимайте работу,— говорю.— И пожалте сто шестьдесят рубликов».

— Отдали?

— Дело не в том.—Иван Владимирович презрительно махнул рукой.— Отдать, как не отдать, отдали.

— Я понимаю, Иван Владимирович, вас,— заговорил я горячо.—Я, поверьте, не таков. Не из таких. Соглашайтесь забор мне поставить. Мне ведь лишь бы стоял забор. Мне ненадолго. Можете даже бревна не отесывать. Я бы и сам смог, да времени нет. А тут уже тропу к лесу по участку моему протоптали. Привыкнут, потом не отучишь.

Он пристально взглянул на меня, и я уловил в его глазах неудовольствие. Чем я провинился, чего не так сказал — не понял, но на всякий случай решил восстановить прежнее его доброе расположение к себе и потянул из внутреннего кармана плаща бутылку:

— Выпьем, Иван Владимирович.

Он не поторопился с ответом, пораздумывал о чем-то, потом все так же, словно на что-то не решаясь, словно в чем-то сомневаясь, без охоты встал. Сказал:

— Я на нее,— щелкнул по бутылке пальцами,— беспричинно-то не налегаю. Но раз вам хочется, то, коль такая мокрота,— показал в небо,— можно и согрешить. Пойду посуду принесу да закусить чего ни то.— Он пошел было и вернулся.— Нехорошо это я, ты звиняй. Пойдем в дом. Чего это мы будем, как нелюди, на улице?

— Здесь лучше. Не хочется мне в дом, Иван Владимирович. И хозяйке беспокойство.

— Хозяйка-то все одно бездельничает цельными днями в такую погоду, но коль здесь лучше, посидим здесь.

К. Васильев. ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ.

ЛЕСНОЙ ЦАРЬ.



К. Васильев. ОСЕНЬ.

ЭПИЧЕСКИЙ ДАР

Юлия РОМАНОВА

Там, где величавая Волга и скромная речка Свияга сливают свои волны, недалеко от города Казани, среди бескрайних просторов средней России, раскинулся на берегу поселок Васильево. Великолепна и сурова здесь природа. Дубовые и липовые рощи волжских берегов, высокое небо над островами в устье Свияги и на крутом обрыве, как сказка, город-крепость Свияжск. На этой земле сформировался самобытный художник Константин Васильев. Красота родного края, неотразимое своеобразие старинных обычаев, эпичность народных сказаний навсегда покорили его сердце и вошли в творчество.

Родился он в военную пору в Майкопе. Его отец, в прошлом боец Чапаевской дивизии, сражался в партизанском отряде. Только по счастливой случайности маленький Костя и его мать избежали участи заложников. О пережитом в годы войны нередко рассказывалось в семье, и это не могло, конечно, не оставить глубокий след в сознании мальчика.

Любовь к живописи проснулась в нем рано. С одиннадцати лет Костя начал учиться в Московской художественной школе-интернате имени И. Е. Репина, затем в 1958 году поступил в Казанское художественное училище. Закончил он его как художник-декоратор. С тех пор живопись стала главным в жизни Константина Алексеевича Васильева.

Его влекло прежде всего к героическому, незаурядному. Он часто обращался к народному эпосу, к древним сказаниям. Цикл его картин на тему «Русь былинная» с успехом демонстрировался летом прошлого года в Москве в Доме пропаганды Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Познакомившись с этой экспозицией, академик, археолог и историк Борис Александрович Рыбаков записал в книге отзывов посетителей выставки: «Художник создал свой особый полусказочный мир и ввел зрителя в него...»

Вторая встреча москвичей с произведениями Константина Васильева произошла прошлой осенью в Москворецком районном отделении Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Неиссякаемым источником вдохновения служила для художника родная природа. Его пейзажи, одухотворенные и лиричные, исполнены поэзии и, хотя выполнены в реалистичной манере, несут некоторый налет фантастического видения окружающего мира. Органичность человека и природы, которую так остро чувствовал художник, проявилась в картинах «Лесной царь», «Гуси-лебеди».

Замысел полотна «Осень» родился под мелодию известного вальса «Осенний сон», живописный образ навеян здесь музыкальным. Художник часто пользовался таким приемом, музыка помогала ему, настраивала, рождала определенное настроение,— в живописной гармонии он стремился передать гармонию прекрасной мелодии, в стройный ряд цветовых и графических элементов внести пленительную гамму звуков. Вслушиваясь в темы классической музыки, он создавал произведения былинного цикла, музыкальными пьесами навеяны сюжеты картин «Нашествие», «Плач Ярославны».

К тридцатилетию Победы над фашистской Германией К. Васильев создал цикл работ, посвященных Великой Отечественной войне. Два полотна — «Нашествие» и «Парад 1941 года» — доносят до зрителя дыхание напряженного, драматичного времени. Художника волнует и привлекает подвиг рядовых бойцов. Об этом его полотна «За Родину», «Прощание славянки» и многие другие. В них — боль и тревога народа за судьбу Отчизны, решимость отстоять свободу. В работах на военную тему К. Васильев искал художественную форму, которая могла бы с большой достоверностью воссоздать атмосферу суровой поры, передать свое художественное видение событий.

Васильев активно использовал материал былинного эпоса, чтобы показать в картинах жизнь народа в те отдаленные эпохи. Сквозь наслоения поэтического вымысла художник сумел увидеть исторические факты, реальные личности народных героев, воспетых в преданиях. Целая галерея подобных образов, начиная с Ильи Муромца и кончая героями сражений против полчищ орды, нашла воплощение в графической серии художника. Очаровательная славянская легенда о рождении Дуная, столь же древняя, как и сам род славян, перекликается в его листах с мудрым сказанием о Микуле Селяниновиче, который как бы олицетворял созидательную, творческую силу народа; рядом с предприимчивыми и неустрашимыми новгородцами Василием Буслаевым и Садко можно увидеть лукавого, изящного Алешу Поповича и решительную, прекрасную Авдотью Рязаночку...

Художник скончался в 1976 году, когда ему было 34 года, не успев осуществить все свои замыслы.

Вернулся он скоро с двумя стаканами и миской, в которой лежали пупырчатые соленые огурцы, кусок сала и хлеб.

— Ну, разливай понемногу, а я огурцы с салом порежу.

Мы выпили, закусили. Лицо моего собеседника вновь подобрело, помягчело.

— А ведь история с пеньками на том не кончилась,— заговорил старик.

— Что же еще?

— А то. Рассердился, видать, мой Борис Михалыч и на себя, что дорого заплатил, и на меня, что я его так оконфузил, и говорит: пеньки, Иван Владимирович, ты хорошо расставил. Прямо не налюбуешься. Да мне любоваться-то ими не к чему. Ты их или за забор стаскай, я тебе десятку подброшу, или лучше расколи их и у заднего забора сложи.

«Сколько за работу положишь, Борис Михалыч?»— спрашиваю.

Помялся он, подумал.

«Больше тридцатки не могу»,— говорит.

«Согласен»,— отвечаю.

Опять на велосипед, домкрат в мастерские завез, к дому помчался, что мальчишка, право, сломя голову. Цель у меня есть, и время поджимает. Взял кувалду, клинья металлические и назад к тем пенькам дубовым. А ведь ты знаешь, если не знаешь, знай: дуб, он пилится тяжело, колоть же его легче легкого. Смеркаться еще не стало, а я и пеньки развалил и к забору сложил. Принимайте работу, хозяева.

Ну, тут я скажу тебе, мой Борис Михайлович аж посинел, а Алена в хохот. Ой, хохотала, ой, хохотала, ну и он не выдержал — засмеялся. Отмяк душой.

«Давай, Алена,— говорит,— бутылку ставь на стол, раз дело такое. Погорели мы с тобой, как шведы под Полтавой. Сто девяносто рублев за шестнадцать гнилых пеньков отвалили».

«Не за пеньки,— возражаю,— отвалили вы сто девяносто рублев, а за работу мою».

«Это если по часам посчитать, у вас, Иван Владимирович,— говорит Алена,— вышла оплата выше, чем у академика».

«А почему,— спрашиваю,— вы, Алена Петровна, считаете так, что моя оплата должна быть ниже академиковой? Академик в своем деле академик, а я...»

«...в своем академик»,— подхватывает Борис Михайлович.

«Ты не ехидничай,— Алена мужу.— Он академик и есть. Так, Иван Владимирович?»

«А что ж,— отвечаю.— По моей работе выходит именно так...»

Я смотрел на Ивана Владимировича, а он невозмутимо покуривал сигаретку из мундштучка и легонько улыбался.

— Так вам забор надобно?— повернулся ко мне.

— Забор,— отвечаю.

— Ну, пойдем на месте поглядим.

Мы вышли из калитки и пошли, держась палисадников, вдоль пустынной улицы.

— Мне, Иван Владимирович, не до красоты,— говорю я.— Мне главное загородить, чтоб не ходили и материал для дома, когда привезу, чтоб все-таки не на улице лежал. Дом поставлю, потом забор с железобетонными столбами сварганю.

— А почто счас девяносто рублей губишь? Аль денег много?

— Денег лишних нет. Хорошо-то сделать, надо и материал иной и... да ведь я говорю, железобетонные столбы буду ставить.

Иван Владимирович остановился, отвернулся, чиркая спичками, долго прикуривал.

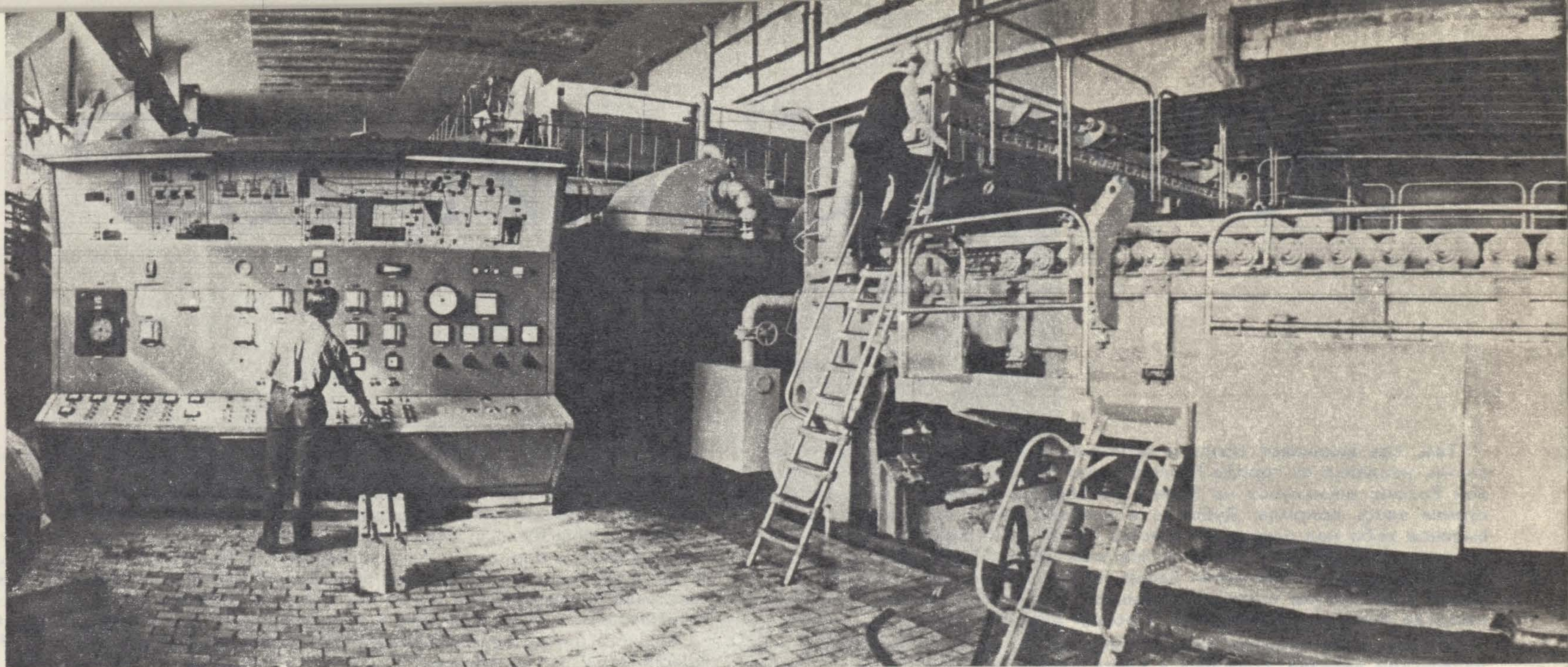
— Знаешь, паря, забор-то я тебе, пожалуй, поставить не смогу,— неожиданно вдруг заявил Иван Владимирович, и в голосе его было одно равнодушие.

— Как же так, Иван Владимирович?

— Забыл я за разговорами о срочном деле одном. А дело нужное. Не могу, звиняйте.— Он приподнял кепчонку и пошел от меня прочь.

Я постоял-постоял на пустынной улице, подождал, не оглянется ли дед, не изменит ли своего решения, но Танак не оглянулся, решения не изменил. Закрылась калитка в бегущем заборе, хлопнула в доме дверь. И по дороге к станции, и в электричке, и по пути к дому у меня не выходило из головы это неизвестное слово — «Танак». Дома я открыл словарь и прочел: танак — дока, мастер, знаток, смышленый делец. Делец, надо понимать, в смысле дельный.

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ



У ГАЙДАРА В АРЗАМАСЕ

«Городок наш Арзамас был тихий, весь в садах, огороженных ветхими заборами. В тех садах росло великое множество «родительской вишни», яблок-скороспелок, терновника и красных пионов. Через город, мимо садов, тянулись тихие зацветшие пруды, в которых вся хорошая рыба давным-давно передохла и водились только скользкие огольцы да поганая лягва... Город был похож на монастырь: стояло в нем около тридцати церквей да четыре монашеских обители».

Так начинается повесть А. Гайдара «Школа» — одно из прекрасных произведений советской литературы. С Арзамасом накрепко связана жизнь Аркадия Петровича Голикова — писателя Гайдара. Многие даже считают, что он и родился здесь, но родиной писателя был город Льгов, а сюда, в Арзамас, его семья перебралась летом 1912 года, когда мальчику было 8 лет. А через два года под рявканье военного оркестра и треск барабанов с маршевой ротой ушел на германский фронт его отец, учитель П. И. Голиков. «Забежал он из казармы прощаться,— вспоминал потом в автобиографии Гайдар.— Бритая голова, серая папаха, тяжелые, кованные железом сапоги»...

Еще не так давно жила в Арзамасе М. В. Гоппиус, член партии с 1904 года, рекомендовавшая Аркадия Голикова в ряды большевиков, еще живы и сегодня однополчане комполка Голикова В. Лясковский и М. Иоффе, сдружившиеся с ним в Арзамасе. Их отыскали арзамасские тимуровцы—активисты единственного в стране музея А. П. Гайдара.

Замечательный памятник своему любимому писателю и вожаку создали пионеры и школьники города. На средства, собранные ребятами от сдачи металлолома, макулатуры, и заработанные в совхозах деньги был открыт мемориальный комплекс А. П. Гайдара: литературный дом-музей, в котором он прожил шесть лет и где сегодня все восстановлено, как это было много лет назад; музей писателя, а также детская библиотека его имени. В музее, который ежегодно посещают семьдесят тысяч человек, подлинные вещи Гайдара, его автографы, первоиздания его чудесных книг «Р.В.С.», «Голубая чашка», «Тимур и его команда»... Коллектив, которым руководит З. Е. Ерофеева, стал центром изучения творчества писателя.

На одном из арзамасских домов висит мемориальная доска: «В 1924 году Аркадий Гайдар прочитал здесь отцу и друзьям свою первую книгу «В дни поражений и побед». Отсюда пошла по свету слава прекрасного советского писателя Аркадия Гайдара, которому теперь исполнилось бы семьдесят пять лет.

Феликс МЕДВЕДЕВ

На снимке: дом, где жил Гайдар.



МОРЕ, РАДОСТЬ, ЗДОРОВЬЕ

ЕВПАТОРИЯ

Синими, красными, фиолетовыми мелками написано на парапете, что тянется вдоль моря: Душанбе, Норильск, Калининград, Петропавловск-Камчатский... Евпаторийское объединение санаторных пионерских лагерей «Юный ленинец» называют вторым «Артеком». По масштабам. Отличается же «Юный ленинец» тем, что дети здесь не только отдыхают, но и лечатся. Больше 10 тысяч ребят в год!

— Лечим мы ожирение, сколиоз, заболевания верхних дыхательных путей, ревматизм,— рассказывает врач-педиатр Валентина Андреевна Шилова.— Главное у нас — климатолечение. В Евпатории больше трехсот дней в году — солнечные. Сухой теплый воздух. Днем — прохладный морской бриз, ночью — ветер уносит с берега пыль. Берег пологий, очень удобный для детей, песок мягкий, чистый.

В нашем лечебном корпусе ребята получают электрогрязевые и все физиотерапевтические процедуры. Славится в городе наш спортивный зал, в котором дети занимаются лечебной физкультурой, гимнастикой, играют в футбол, волейбол. Зал этот, естественно, нужен только сейчас, зимой. Летом — открытые спортивные площадки, пляж... В объединении — четыре пионерских лагеря: «Штормовой», «Звездный», «Пограничный», «Мирный». В гости к ребятам приезжают пограничники. Даже космонавты. У нас уже есть настоящий костюм космонавта. Скоро ребята откроют комнату-музей космонавтики.

Очень нравятся детям дни Советского Союза, которые мы устраиваем каждый месяц. Залы столовой оформляются в национальном стиле союзных республик. Дежурные по столовой угощают своих товарищей любимыми национальными кушаньями — у нас ведь отдыхают дети из всех республик.

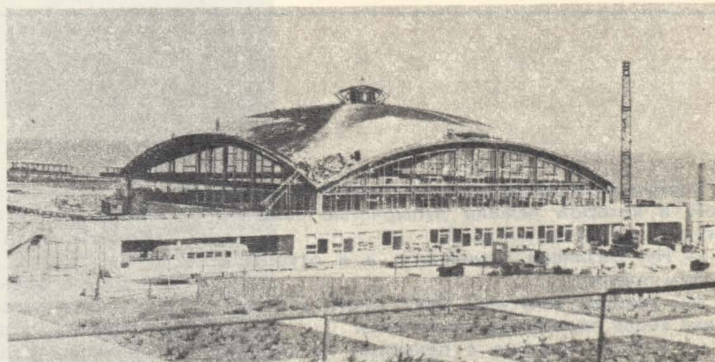
Надолго запоминаются дни Нептуна. Тогда можно даже главного врача поднять общими усилиями и бросить прямо в одежде в море! И самим прыгнуть вслед, и хохотать, и плавать в зеленой воде вместе с солнцем и голубыми медузами!

Но есть и трудности: на лечебные грязевые ванны детей приходится возить в автобусах в грязелечебницу «Мойнаки». Это неудобно, отнимает много времени и сил. Давно у нас здесь уже строится своя водолечебница. Строится, строится, а конца не видно. Сроки сдачи все переносятся. Трудно нам и без своего кинозала. Скучно ребятам, особенно теперь, зимой. Киноконцертный зал у нас строится, большой, оригинальной конструкции... Но за последние годы строительство с места не сдвинулось. И школа нам очень нужна. Сейчас, во время учебного года, парты ставим прямо в спальных корпусах. Там пока и занимаются ребята...

Прошлым летом строительство новой водолечебницы, правда, ожило, есть реальная возможность уже к следующему летнему сезону подарить ребятам ее прекрасное здание. В новой водолечебнице будут открытые и закрытые плавательные бассейны, удобные ванны, специально оборудованные кушетки для лечебных процедур.

Много радости и пользы приносит детям крупнейшая здравница страны. Сейчас здесь одновременно отдыхают и лечатся около 1600 ребятишек. А по генеральному плану всего предусмотрено построить санаториев на 6 тысяч мест. И киноконцертный зал, и школу...

С. МАРКОВ



На снимке: строится водолечебница для детской здравницы «Юный ленинец».

МЛАДШИЙ БРАТ КОМСОМОЛЬСКА

ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ

У каждого поколения есть своя стройка. Комсомольцам тридцатых годов памятен город их юности на Амуре—Комсомольск. Молодежь шестидесятых на той же дальневосточной реке оставила свой автограф — город Амурск, который недавно отметил двадцатилетний юбилей.

Двадцать лет назад в глухую тайгу на высокий берег Амура чуть выше Комсомольска высадился первый десант строителей. Сейчас Амурск стал развитым промышленным центром. В городе построены и введены в эксплуатацию крупные предприятия лесохимической и деревообрабатывающей промышленности, энергетики. Гордость амурчан — целлюлозно-картонный комбинат давно открыл счет второму миллиону тонн изготовленной им целлюлозы. Не отстают и строители жилых домов, школ, клубов. Сегодня в Амурске — 450 тысяч квадратных метров жилья, Дворец культуры, Дворец спорта с плавательным бассейном, рестораны, кафе, столовые, более сорока магазинов. Младший брат Комсомольска продолжает расти.

В. АФАНАСЬЕВ

На снимке: в одном из цехов целлюлозно-картонного комбината.

Фото автора



ТАШКЕНТ

«ТВОРИ, ВЫДУМЫВАЙ, ПРОБУЙ!»

Эти слова Владимира Маяковского возникают в памяти, как только переступишь порог Ташкентской центральной станции юных техников. Что ни комната — своеобразный мир ребячьей фантазии и мастерства, что ни изделие — свидетельство таланта юных умельцев. Здесь с особой проникновенностью звучит обращение Леонида Ильича Брежнева «Дети — наше будущее» в связи с объявлением 1979 года Годом ребенка: радиолюбители станции записали это обращение на магнитную пленку с приемника, собранного своими руками.

Ребята дружат с учеными и инженерами научно-исследовательских институтов и стараются не оставаться у них в долгу за помощь. Так, изготовленный Геной Кимом, Андрюшей Чумбаровым и Дамиром Янбаевым радиоуправляемый катамаран используется в практической работе «Узбекгидрогеологии». А Сережа Коршунов под наблюдением наставника Владислава Михайловича Костиля создал электромеханический шагоход. По мнению автора, такая конструкция пригодится для передвижения по Луне.

В судомодельной лаборатории, руководимой Владиславом Ивановичем Морозовым, ребята вмонтировали в подводную лодку собственной конструкции своего же изобретения механизм, позволяющий игрушечной субмарине погружаться на заданную глубину, двигаться в разных направлениях и всплывать на поверхность водоема.

— Все дело в общей творческой атмосфере, царящей на станции,— говорит наставник по радиотехнике Леонид Михайлович Барановский, работающий с детьми более тридцати лет.— Потому так щедро раскрываются способности ребят... Вот наша гордость, ученик седьмого класса 71-й ташкентской школы Малик Буриев. Его увлечение — роботы. Они у него уже слышат, видят, говорят, двигаются. А их создатель уверенно идет в свое инженерное, изобретательское будущее... Наши юные техники — многократные участники Выставки достижений народного хозяйства в Москве.

Е. ЛЕЙТМАН,
В. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

На снимке: ученик седьмого класса 71-й ташкентской школы Малик Буриев со своим роботом — Мишкой-водителем.
Фото Е. Лейтмана

ЗА ЧАС ДО ВЗРЫВА...

МУРМАНСКАЯ ОБЛАСТЬ



Медленно уходят из забоев буровые станки, вслед за ними ползут экскаваторы — подальше от стихии, которая ровно через час вырвет из рудного тела Печенгского медно-никелевого месторождения десятки тысяч кубометров ценной руды. Шуточное ли дело — 600 тонн взрывчатки!

За час до взрыва служба безопасности Ждановского рудника перекрыла все подступы к опасной зоне. Видимость минимальная. Метет поземка. Прижимает морозец. Взрывникам сейчас не до интервью — они заканчивают зарядку скважин, связывают их детонирующим шнуром. Поэтому не взыщите, что так сердито выглядит на снимке старейший взрывник комбината «Печенганикель» Анна Андреевна Курняева. В обычной обстановке она очень общительна, весела, а сейчас — час до взрыва.

Многие скажут: не женская это профессия — взрывник! Но разве можно оторвать человека от любимого дела! Пытались в свое время «переквалифицировать» и Анну Курняеву — мало ли на комбинате работы, где нужны женские руки. Куда там: «Буду жаловаться в обком партии». Оставили в карьере, и вот уже 19 лет Анна Андреевна выполняет ответственную и опасную работу, с которой вообще-то и начинается горно-металлургический комбинат «Печенганикель».

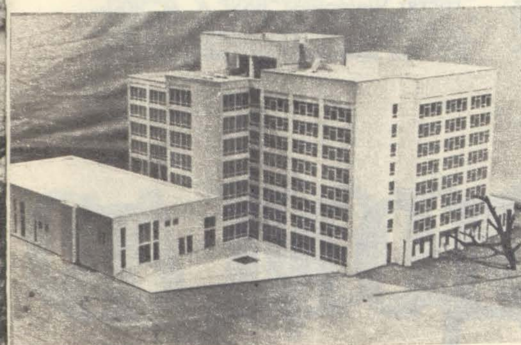
...В небо взвились красные ракеты. Последние БелАЗы покидают опасную зону. Звучит сирена. Ровно в назначенное время дрогнула печенгская земля. И тут же в карьере ожил огненный вулкан. В свете чудовищных сполохов раскололась каменная грудь рудного тела и осыпалась драгоценным сырьем.

Мы стояли на обрывистом краю карьера, из которого северный ветер выворачивает глыбы серого дыма. Когда забой очистился, в глухомани полярной ночи засветился десяток огней — это взрывники шли проверять, все ли заряды взорвались, нет ли опасности для людей и механизмов. Среди них была бесстрашная женщина Анна Андреевна Курняева.

Т. КОНСТАНТИНОВ
Фото автора

ОЛИМПИЙЦАМ ОТ ОХОТНИКОВ

МОСКВА



«Дом охотника» — один из тех подарков Олимпиаде, о которых почему-то говорят не часто... А восемь этажей его уже поднялись возле Водного стадиона столицы.

В здании, сооружаемом по проекту архитектора С. Волкова, оборудуются обширные киноконцертные и конференц-залы, ресторан, кафетерий, бильярдная, подземный гараж, солярий. Здесь же разместятся различные спортивные, охотничьи и рыболовные организации. В специальном музее можно будет познакомиться с лучшими трофеями охотников и рыболовов, полюбоваться картинами, запечатлевшими заповедные уголки русской природы. Будет и магазин — с товарами для охотников и рыболовов.

П. РОГОЗИНСКИЙ

На снимке: таким будет «Дом охотника» в Москве.

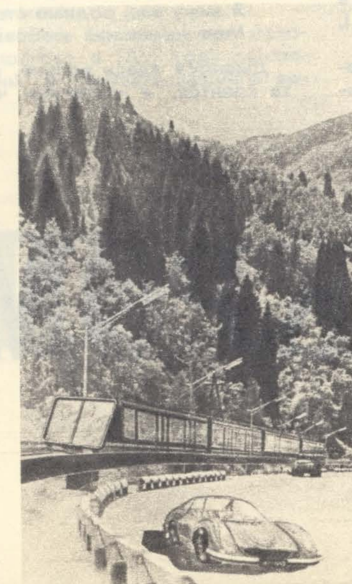
ПОЕЗД БЕЗ КОЛЕС

АЛМА-АТА

«Похоже, что традиционному колесу приходит конец?» — думал я, разглядывая в Казахском отделении ПромтрансНИИпроекта на чертежах и рисунках странные вагоны. Они были совершенно без колес и обтекаемостью форм напоминали нечто космическое, как будто предназначались для полета. Истина, как оказалось, находилась рядом. Это был проект дороги на магнитной подвеске. Вагоны станут «летать» по ней со скоростью более ста километров в час, благодаря чему средняя скорость передвижения в черте города составит около шестидесяти километров. Для сравнения: у автобуса аналогичный показатель немногим превышает 15. Отсутствие колес и вращающихся деталей в двигателе сделает транспорт на магнитной подвеске бесшумным. Поддерживать вагон будут магнитные силы, а двигать — так называемый линейный электродвигатель, отталкивающийся от металлической полосы «бегущей» электромагнитной волной. Вот так — волна вместо колеса. Магнитные трассы планируется устраивать на эстакадах, а там, где это необходимо, их можно помещать и в тоннелях. Строительство таких дорог обойдется примерно втрое дешевле, чем строительство метрополитена. Остается добавить, что сооружение первой дороги на магнитной подвеске начнется вскоре в Алма-Ате.

Ю. ЛУШИН,
собкор «Огонька»

На снимке: так будет выглядеть городской поезд без колес.



А. БАСМАНОВ

...Уезжая из Мары, я взял отпуск у дружбы.

Е. БОРАТЫНСКИЙ.

Из письма к матери.



оратынский из всех поэтов, появившихся вместе с Пушкиным, занимает первое место. Так сказал Белинский. Однако Боратынскому не повезло: его имя померкло в ослепительном гении Пушкина. Но откройте стихи поэта, и вы поймете, что они прекрасны.

Теперь в селе Мара, на Тамбовщине, собираются восстанавливать дом Боратынского. Чтобы дом стал музеем, надо прежде всего знать хорошо, кто и как в доме жил. И потому, когда в Ленинграде отыскалась Анастасия Николаевна Тархова, которая у Боратынских в Маре воспитывалась, была почти родной,— это стало той удачей, которая не часто случается в музейном деле. Семидесятилетняя, но бодрая и энергичная, она сохранила в своей памяти все, что с Марой связано. И не только в памяти. Вот пожелтевшие столетние листки бумаги, писанные племянником поэта М. А. Боратынским домой с Кавказа, из действующей армии, вот десятки уникальных фотографий, а вот «рукописная книга истории дома».

Сегодня те, кто добирается до Мары, могут увидеть лишь остатки прежнего парка да могильные плиты — отзвук от родового кладбища семьи Боратынских. Но хочется верить, что скоро здесь будет дом (точь-в-точь какой был прежде) и поэтический заповедник. Когда в Маре откроется музей, сюда приедут тысячи людей, возникнет не один праздник, прочтутся стихи. Именно поэтому, думается, и настало время рассказать о марском доме и о семье поэта.

Род Боратынских очень старинный, от XVI века, но из Польши пришлый и потому безземельный. Абрам Андреевич Боратынский, еще «осьмнадцатого столетия» генерал, хоть и великолепно служил, а попал как-то в немилость, под известно горячую руку императора Павла I. Говорят, император сказал доподлинно так: «Сослать его в Тамбовскую вотчину!» Но тут шепнули, что у Боратынского нет там имения. «Ну, так дать ему!» — ответил Павел. Отсюда начинается Мара, та Мара, которая дорога теперь каждому, кто любит родную литературу.

Перебравшись в 1798 году с молодой женой в свое новоявленное имение, Абрам Андреевич не выезжал больше в столицы и в новое царствование Александра I, когда опала была уже снята.

Раскинулась Мара в полях. Далеко до горизонта тянутся холмистые нивы и пастбища, изумрудные летом, коричнево-рыжие осенью. На пригорке, у речки Вяжля, поставлен был дом добротный, рубленый, простой. И окружил его сад и лес не с подрезанными, но с буйными деревьями и травой, без беломраморных статуй, но с косогорами, извилистыми дорожками, оврагом. Красота эта стала началом стихов, создатель которых и родился здесь, на Тамбовщине, в большой и дружной семье. И хорошо было в детстве, как никогда потом не будет, но унес по ухабам осенью 1812 года нехитрый деревенский экипаж Евгения Боратынского в столицу, в Пажеский корпус. Там-то волею случая и перекосилась нелепо вся его молодость. В 1816 году мальчишка «за негодное поведение» был исключен из корпуса с правом службы только армейским рядовым. И Евгений Боратынский возвращается домой, в Мару. Но усидишь ли на месте в семнадцать лет? И опять тамбовские рытвины, и опять ямами дорога до Санкт-Петербурга, но на душе почему-то весело. Ведь ждет его там, в «Северной Пальмире», семейство «добрых муз», ждет дружба с Дельвигом и Пушкиным. Потом, больше чем через десяток лет, Пушкин скажет о Боратынском так: «Он у нас оригинален, ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко»,— а после смерти Дельвига напишет Плетневу: «Считай по пальцам: сколько нас? ты, я, Баратынский, вот и всё...»

Между тем судьба распоряжается с молодым поэтом по-своему: он служит рядовым, потом унтером в Нейшлотском полку. А в николаевско-аракчеевские времена жизнь солдатская нечеловечески тяжка — это известно. Но — «Не служба моя, к которой я привык, меня обременяет; меня тяготит противоречие моего положения,— пишет он в эти кабальные времена Жуковскому.— Я не принадлежу ни к какому сословию, хотя имею какое-то звание». Только в 1825 году вышел высочайший указ о произведении этого странного унтера в прапорщики, и Боратынский, тогда уже известный поэт, подает в отставку.

А родная Мара? Ох, до Мары ли теперь! Молодая жена, красавица Анастасия Энгельгардт, Москва, постройки в Муранове... Но места, где было счастливое детство, не забыты.

Ранней душистой весной 1827 года, уже испытав сладость поэтического успеха и хлебнув подневольной солдатчины, приехал Евгений Боратынский на родину, в Мару:

Судьбой наложенные цепи
Упали с рук моих, и вновь
Я вижу вас, родные степи,
Моя начальная любовь.

Дышится здесь вольно, и работа клеится, и «Онегин» читается запоем. О Пушкине, кстати, Боратынский думает в Маре постоянно. Позже, уже из Москвы, он напишет ему: «В моем тамбовском уединении я очень о тебе беспокоился. У нас разнесся слух, что тебя увезли, а как ты человек довольно увозимый, то я этому поверил». Это намек на ссылку Пушкина. Зарождаются под «желанным сводом» и свежие замыслы. Из письма Киреевскому в ноябре 1829 года: «По приложенным стихам ты увидишь, что у меня новая поэма в пяльцах, и поэма ультра-романтическая. Пишу ее очертя голову». Речь идет, видимо, о «Цыганке»: «Меж балаганов оживленных, ежеминутно осажденных нетерпеливою толпой»...

Это из области поэзии. А вот, тому же Киреевскому в 1833 году, но уже из области реальной жизни: «Я весь погряз в хозяйственных расчетах. Немудрено: у нас совершенный голод. Для продовольствия крестьян нужно нам купить 2000 четвертей ржи. Это, по нынешним ценам, составляет 40 000. Такие обстоятельства могут заставить задуматься». А тут еще Сергей, младший брат, обременен уже большой семьей. Надо делиться. Но зачем дележка? И уступает Евгений свою часть имения брату, уступает и уезжает из Мары практически навсегда. Живет в Москве, Муранове, путешествует в Крыму, а в 1842 году отправляется за границу, вернуться откуда ему уже не суждено. Надеялся, ждал социальных перемен, освобождения крестьян, говорил незадолго перед отъездом: «У меня солнце в сердце, когда думаю о будущем. Вижу, осязаю возможность исполнения великого дела». Не дождался. В 1844 году, сорока четырех лет, он скоропостижно скончался в Италии в расцвете своих поэтических сил.

Хозяином тамбовской вотчины Мара стал в 1833 году четвертый сын опального павловского генерала Абрама Боратынского — Сергей.

«Он был врач с обширной практикой в округе; он был механик и гравер, архитектор и музыкант; занимался ремеслами и тонкими ювелирными работами; был он и техник отчасти и изобретатель, агроном и сельский хозяин. Характера он был независимого, общественных взглядов передовых, сочувственно относился к крестьянской реформе и высказывал пессимистическое отношение к современному ему помещичьему быту» — так характеризует его родственник и сосед Б. Н. Чичерин, родной дядя первого советского наркома иностранных дел.

Сергей Абрамович чрезвычайно интересовался литературой и был знаком с Пушкиным. Где-то там, в петербургских гостиных, узнал он чету Дельвигов, а после смерти Антона Антоновича женился на его вдове, Софье Михайловне, урожденной Салтыковой. И вот, после сверкающих столичных салонов, после большого света, после занятий математикой у знаменитого Лобачевского, а словесностью у Плетнева, переехала молодая вдова с малой дочерью Елизаветой на Тамбовщину. Переехала и осталась здесь навсегда.

Главным увлечением ее второго мужа была медицина — он безвозмездно врачевал окрестных крестьян, нанял фельдшера, выстроил на свои деньги большую больницу и в этом смысле являл собой белую ворону среди соседей-помещиков, не совсем понимавших, зачем ему все это нужно. Руки у него были золотые, и многие вещи в марском доме напоминали об этом: фисгармония в гостиной, висевший на стене барометр, затейные потайные ящики в столах, замки со звоном. Тот дом можно живо представить и теперь, его помнит, знает досконально А. Н. Тархова. Память эта драгоценна — ведь здесь родился Боратынский, жили вдова и дочь друга Пушкина Дельвига, сюда приезжали лучшие люди русской культуры. Вот какой была Мара: дом делился на две половины, и столовая стеной, сплошь стеклянной, примыкала к оранжерее. Посреди ее — большой, крытый сукном стол. В углу концертный рояль, шкафчик с нотами, над диваном копия «Сикстинской мадонны». У окна два ломберных столика, у стены гипсовые бюсты Дельвига и Боратынского, старые бронзовые часы под стеклянным колпаком и книги. Тут же две миниатюры — на одной красавица А. Д. Абамелек, жена И. А. Боратынского, а на другой он сам в военной форме. Из столовой дверь в гостиную, где камин с чугунной решеткой и диван такой формы, что на нем можно было сидеть со всех четырех сторон. А вот в этом глубоком кресле, так любимом всеми домочадцами, свободно могли уместиться два взрослых человека, дети же забирались вчетвером.

В зеленой комнате портреты Е. А. Дельвиг и ее сестер — все в расцвете молодости и красоты, со взбитыми локонами, в платьях с открытыми плечами. И опять рояль, и опять книжные шкафы. В одном из них хранился старинный деревянный ларец с письмами Дельвига, Боратынского, Пушкина.

Семья Боратынских, оставшихся навсегда в Маре, была дружная, жизнь почти невыездная, деревенская, без особых затей. Скромность и простота во всем, помощь крестьянам в округе, самообразование, письма и портреты, тщательно сберегаемые в тесном кругу, предания и рассказы из поколения в поколение — вот канва, по которой вышивается картина марской жизни. И еще широкое гостеприимство. Не просто уважением, но искренней любовью пользовались Боратынские среди друзей и соседей, это отмечают все. В Маре постоянно гостят Чичерины, поэт А. М. Жемчужников, бывает Глинка, старые друзья Дельвига и Пушкина, мно-

И СКРОМНЫЙ ДОМ В



Семья Боратынских-Дельвиг в Маре. Начало XX века.

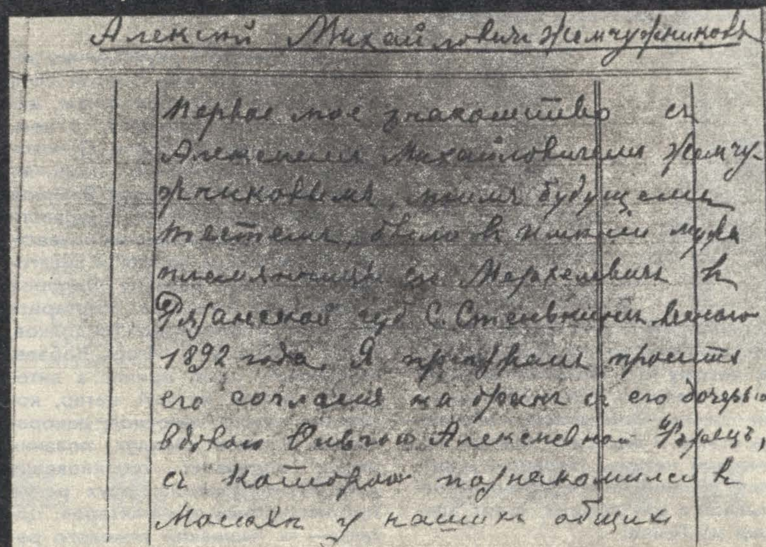


Елизавета Антоновна Дельвиг, дочь поэта А. А. Дельвига.



Дом в Маре. Начало XX века.

Все фотографии публикуются впервые.



Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ

Первое мое знакомство съ Алексѣемъ Михайловичемъ Жемчужниковымъ, моимъ будущимъ тестемъ, было въ имѣнiи мужа племянницы его Маркевича въ Рязанской губ. С. [illegible] лѣтомъ 1892 года. Я прiѣхалъ просить его согласiя на бракъ съ его дочерью вдовою Ольгою Алексѣевною [illegible], съ которою познакомился въ Москвѣ у нашихъ общихъ

История марского дома (рукопись, начало главы, посвященной А. М. Жемчужникову).

САДОВОЙ ЧАЩЕ...

гие литераторы и художники. Приезжали сюда поклониться Елизавете Антоновне Дельвиг и старушке Боратынской, увидеть воспетую в стихах Мару.

Однако время скоротечно. Старели и умирали марские владельцы, свидетели дней 1812 года и декабристов. Подрастали дети и внуки. Вот наступил уже новый, XX век, и грядут большие перемены в жизни всего народа.

Вот стала совсем взрослой Софья Боратынская, дочь простой крестьянки и двоюродная внучка поэта. Ее муж, М. В. Долгоруков, кадровый моряк, офицер крейсера «Аврора», вернулся недавно с далекого Дальнего Востока, где воевал с японцами. И не просто вернулся, а был разжалован и выслан за то, что вместе с другими моряками отказался топить свою «Аврору». Вот его фотография—короткая солдатская стрижка, худое лицо, морские капитанские погоны. Есть еще и присланная им в Мару поздравительная открытка под новый, 1913 год: силуэт «Авроры», так хорошо знакомого ныне корабля, на обороте — пожелание всем здоровья и счастья и приписка «L'Aurore» va chez L'Aurore»[1]. Что это? Просто ли игра слов, или предвиденье?

Елена Михайловна, правнучка поэта, последняя исконная марская Боратынская, умерла совсем недавно, в 1968 году. С детства она выбрала для себя нелегкую стезю сельского лекаря. Выбрала по душе, по призванию, в честь деда. «Мне нравился именно уход за больными»,— говорила она, и в русско-японскую войну Елена Боратынская стала сестрой милосердия иркутского госпиталя, куда стекался основной поток раненых. Потом фельдшерские курсы, работа в деревенской больнице близ Москвы и опять тяжелый труд по уходу за ранеными в убогом лазарете прифронтовой полосы у Двинска во время империалистической войны. А после революции попросила Е. М. Боратынская перевести ее на Тамбовщину, поближе к любимой Маре. Здесь, в сельской Гавриловской больнице, трудилась она бессменно больше двадцати лет.

У Евгения Боратынского, освободившегося в 1825 году от солдатчины и почувствовавшего волю, после Мары сложились такие строки:

Но мне увидеть было слаще
Лес на покате двух холмов
И скромный дом в садовой
чаще —
Приют младенческих годов.

Сегодня дома нет. Есть лесные дымчатые дали, есть небосвод, есть бескрайние степи. Это то, благодаря чему написаны стихи. Надо, чтобы снова дом был. Пусть новый, воссозданный, но тот именно дом, где все нам напомнит о Боратынском, Дельвиге, Пушкине, их дружбе, об их памяти, которая постоянно жила в сердцах славной марской семьи. Здесь существовало предание, что сам Александр Сергеевич посетил Мару. Был даже недалеко от усадьбы, за кустами сирени, развесистый старый дуб. Его называли пушкинским дубом. Но если это и легенда, то в ней есть внутренняя правда. Всему, что связано с именем Боратынского и его родиной, положено было начало в пушкинскую эпоху, и эти места вплоть до наших дней остались под знаком великого поэта, ибо таланты Боратынского, Дельвига и Пушкина слились в одно несравненное созвездие русской культуры.

[1] «Аврора» идет к заре» (франц.).

ВОЗВРАЩЕНИЕ



О войне написано немало. И будет написано, пожалуй, еще больше, потому что «большое видится на расстоянье». Это «большое» для Ольги Кожуховой — испытание огнем и железом нежной лирической натуры. Недаром к роману «Ранний снег», которым открывается двухтомник, стоит эпиграф из Гейне:

Вокруг меня лежат
Моих товарищей трупы,
Но — победили мы.

Мы победили,
Но лежат вокруг
Моих товарищей трупы.

Муза Гейне, карающая и любящая, бурная, как горная река, и тихая, словно степная речка, сродни творческому характеру писательницы.

В романе рассказывается о судьбе девушек, чуть ли не со школьной скамьи попавших на фронт. Никто из них, веселых и задорных, не знал тогда, чем обернется война потом, через «тридцать лет и три года»,— что их подруга, жизнерадостная и мужественная Женька Мамонова, не совершившая никаких особых подвигов на войне, в мирное время пожертвует собой ради научного эксперимента, и «весь город» будет смотреть «сквозь Женькины набежавшие слезы». По своему спокойному, даже чуть-чуть усталому настроению, по тщательности изображения многих незначительных на первый взгляд деталей роман приближается к дневнику, в котором все дорогое, все главное. Война в романе «Ранний снег» — это терпкий запах йода и спирта, километры окровавленных бинтов, хруст резиновых жгутов, искалеченные тела на операционных столах. Это — убитые морозом цветы на могиле Женьки.

Ярко очерченная предметность, описание фронтовой повседневности характерны и для повести «Двум смертям не бывать». В круговерти беспрерывных боев, в радости побед герои повести ищут нравственные позиции; их неуспокоенность, постоянные размышления над своей судьбой и путями человеческими — залог того, «чтобы истинное, прекрасное, вечное в нашей жизни, изменчивой и текучей, не сгорало бесследно, опять уходя в неизвестность и вечность».

Особое место в двухтомнике занимает повесть «Не бросай слов на ветер» — о Литературном институте имени Горького, о нем, «единственном в мире». О поколении, пришедшем в студенческие аудитории с полей Великой Отечественной войны. В повести читатель встретит широко известные ныне имена поэтов и писателей, таких, как Василий Федоров и Владимир Солоухин, Маргарита Агашина и Владимир Тендряков, Расул Гамзатов и Игорь Кобзев. Фронтовой опыт принес в литературу новый, жгучий ветер, которому чуждо наносное, декоративное. В главе «Воздух поэзии» автор описывает столкновение двух мировоззрений, двух резко противоположных характеров: одного — «с нашивкой тяжелого ранения» и другого—«без нашивок». Ольга Кожухова четко проводит линию фронта в искусстве, для нее битва не кончена и в мирные дни.

«Тридцать лет и три года» О. Кожуховой — возвращение в прошлое, упорное желание вырвать из рук забвения память о пережитом, ибо, как пишет автор в повести «Донник», «уже начинают уходить из жизни мои близкие, дорогие мне люди, и каждый такой уход, как черта, как итог, заставляет задуматься: а может быть, еще можно что-то сделать по-новому, осветить тобой пройденный путь каким-то другим, живым, ясным огнем, чтобы «вдруг стало видимо далеко во все концы света»? И тогда поднимется смятый цветок, растоптанный невзначай тобой на дороге, тогда вдруг захочется приласкать побитую тобой в детстве собаку и сказать человеку, суровому, молчаливому, что ты наконец-то его поняла, все простила ему и, больше того, удивилась его чистоте, красоте, его внутренней нравственной силе».

Николай НИКИШИН

Ольга Кожухова. Тридцать лет и три года. Избранные произведения в 2 томах. М., «Молодая гвардия».



НА БЕРЕГАХ СИБИРСКОЙ РЕКИ

Разве могли жители Сибири — нет, не во времена легендарного Ермака, а хотя бы в конце прошлого века — даже думать о том, что в середине XX столетия их край станет огромной строительной площадкой? Что здесь, на огромных просторах, будут со сказочной быстротой вырастать города, мощные заводы, появляться моря!..

Вот только одна область Сибири — Иркутская. На ее земле бурно растет, формируется, развивается Братско-Усть-Илимский территориально - производственный комплекс. И четверти века не прошло с тех пор, как в тайге Приангарья возник на месте старинного села город Братск. Теперь уже 250 тысяч человек живут здесь. Он-то и стал центром комплекса, который среди других был упомянут Леонидом Ильичом Брежневым в его выступлении на ноябрьском (1978 г.) Пленуме Центрального Комитета КПСС. Братск сегодня — это гидроэлектростанция, каждый год дающая стране 22—23 миллиарда киловатт-часов электроэнергии, это крупнейшие предприятия — лесопромышленный комплекс и алюминиевый завод.

Однако жители нового сибирского города не только гордятся его промышленной мощью, но и радуются тому, что на берегу Братского моря хорошо и удобно живется. Здешнее население уже обладает более чем двумя миллионами квадратных метров жилья. Ребятишки вольготно располагаются в детских садах и школах. Молодежь учится в техникуме, училищах и в филиале Иркутского политехнического института. К услугам горожан — Дворцы культуры, кинотеатры, библиотеки и красивый ресторан, который вы видите сегодня на обложке «Огонька».

А неподалеку от Братска раскинулись кварталы Усть-Илимска. Этот город гораздо моложе своего соседа, но во многом на него похож. Здесь тоже есть гидроэлектростанция, которая должна быть введена на полную мощность к концу десятой пятилетки; тогда же должно закончиться и строительство целлюлозного завода, сооружаемого при участии стран — членов СЭВ.

Когда Братско-Усть-Илимский комплекс полностью войдет в строй, в нашей стране увеличится производство картона, бумаги и других продуктов лесохимической промышленности.

Н. ВЛАСОВА

СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ НА ЭСТРАДЕ

Есть писатели, которых очень трудно читать с эстрады. Таков Экзюпери. Слишком емок и слишком конкретен образ этого художника в сознании каждого из нас, слишком хрупки и возвышенны его философско-поэтические построения, потому любой неточный жест, интонация могут воздвигнуть непреодолимый барьер между слушателями и исполнителем.

Николаю Вакурову, исполнителю



моноспектакля «Антуан де Сент-Экзюпери», необходима была смелость, чтобы решиться на это представление. Экзюпери однажды сказал: «Человек замечает в мире лишь то, что он несет уже в себе самом». Чтобы осознать место Экзюпери в литературе нашего века, проникнуться его привязанностями, охватить широту взглядов этого художника, нужно иметь определенный уровень самосознания, быть нравственно готовым к встрече с таким автором.

«Откуда я? Я из моего детства. Я пришел из детства, как из страны». Поистине детские ранимость, удивление всем сущим, ощущение мира не вообще, а очень конкретно — как Планеты людей, которую они могут неосторожно разрушить, — в этом весь герой Вакурова. Он честен, прям и открыт душой. Он чувствует себя ответственным за все происходящее на Земле. Некоторая отстраненность образа от исполнителя позволяет нам взглянуть на Экзюпери со стороны. Артист будто чуть отступает в глубь сцены: «Вот каким был знаменитый Сент-Экс — любимый друзьями, увлекающийся, остроумный». Но талант не признает легкости отношения к нему, писатель понимал это, и вот мы видим уже другого человека — не уверенного в себе, мятущегося, мучающегося над каждым своим словом.

Одним из самых интересных моментов в работе Николая Вакурова стало постижение образа Антуана де Сент-Экзюпери именно как французского писателя. Его герой одарен французской живостью, темпераментом, яркостью, щедростью души, истинно национальной утонченностью. Один из самых значительных эпизодов моноспектакля — поездка Экзюпери в Москву. Писатель ехал в Россию с предубеждением, но во время своего путешествия и позднее, при встречах с русскими в военной Испании, Экзюпери смог осознать главное, он почувствовал уважение к стране, о которой написал: «...можно понять, как глубоко ее почва взрыта революцией».

Л. ЛУКЬЯНОВА

Фото А. Бочинина

Бабушка

Владимир
СВИРИДОВ

Едва переступив порог квартиры и не успев еще снять шляпу, Малахов был с ходу атакован собственной женой.

— Ты кто — отец своему сыну или нет?

— Тебе виднее, дорогая, — засмеялся Аркадий Семенович.

— И он еще шутит! — всплеснула руками жена. — Ты бы лучше поинтересовался, какие номера твой сын выделывает.

— Дай хоть мне пальто снять.

Малахов разделся и прошел в комнату.

— Ну, что там у вас стряслось?

— Просто кошмар какой-то. Бабушку не слушается, до слез доводит. Совсем замучил старушку. Уезжать она от нас собирается.

— Как же так уезжать? — удивился Малахов.

— Очень просто.

— Отлупить, что ли, безобразника?

— У тебя дикарские замашки, Аркадий, — ужаснулась жена.— Каменный век. Убедить его надо, что так вести себя нельзя. Привести веские примеры. Ты ведь все же отец.

— М-да, — почесал затылок Малахов, — ладно, зови. Попробую.

В комнату вошел Алешка, шустрый пятилетний карапуз.

— Ну, говори, что ты там натворил? Чего молчишь?

Алешка насупился и неподвижно стоял у двери, вычерчивая ногой какие-то замысловатые фигуры, готовый при малейшей опасности зареветь.

— А чего она мороженое не купила!

— И ты из-за мороженого стал ей грубить? Стыд и позор!



Отец сердито нахмурил брови.

— Ты хотя бы представляешь, что ты натворил?

Алешка отрицательно покачал головой.

— Уйти от нас бабушка собирается. По твоей милости. А что мы без нее делать будем? А?

— Не знаю...

— Кто тебе обед готовит? Отвечай!

— Бабушка...

— Кто с тобой гулять ходит?

— Бабушка...

— Кто тебе штаны и рубашки стирает?

— Она и тебе тоже стирает, — внес поправку Алешка.

— Тем более,— смутился отец.— А кто квартиру убирает? Да что там говорить. Все на бабушкиных плечах. Ясно?!

— Ага,—сказал Алешка.

— То-то,— облегченно вздохнул Малахов,— наконец дошло.

— Я больше так не буду,— шмыгнул носом Алешка.

— Вот и умница. Беги скорее к бабушке и проси прощения.

Алешка кинулся на кухню, где готовила ужин бабушка.

— Бабулечка!— Алешка с разбегу уткнулся к ней в кофточку.— Прости меня, я всегда буду слушаться.

— Да что ты, голубчик, я уж и забыла про это. Возьми лучше пирожок съешь. С орехом — твои любимые.

— Бабушка, а ты правда все сама дома делаешь?

— Правда. А что?

— А зачем тогда папа с мамой нужны?

— У них, Алешенька, тоже когда-нибудь будут внуки.

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ



На улице как в цирке

Этот юный датчанин — настоящий жонглер: он умудряется нести сразу 36 пустых корзинок.

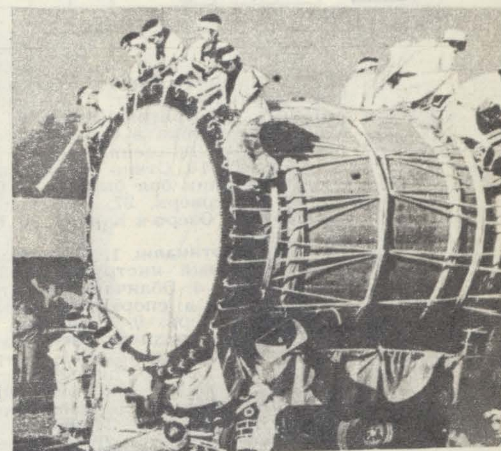
Солнечный самокат

Перед вами трехколесная машина, которая изготовлена в ФРГ. Электрический двигатель этого экипажа питается солнечными батареями, расположенными на крыше.



Верхом на барабане

Огромный барабан весом около двух тонн стал достопримечательностью на фестивале молодежи, который проводился в Японии.





Осторожно, не ушибись!

Скейтбординг завоевал широкую популярность в США и многих странах Европы. Однако увлекательный вид спорта требует не только большой отваги и ловкости, но и большой осторожности. Чтобы обезопасить спортсменов, в последнее время введены строгие правила: нельзя выходить на площадки без защитных шлемов, специальных налокотников и наколенников.

КРАТКО, НО ТОЧНО!

Валентин
БОРИСОВ

В последнее время растет интерес к афористике, выходят в свет сборники изречений всех времен и народов.

Московский клуб афористики при Добровольном обществе книголюбов РСФСР объединяет более 70 человек. Есть среди них студенты, есть и пенсионеры. Большинство членов клуба — собиратели афоризмов, в некоторых коллекциях десятки тысяч высказываний. В клубе ведется работа по систематизации изречений и подготовке их к изданию, члены клуба разыскивают материалы об авторах, чье творчество забыто, составляют словари-справочники.

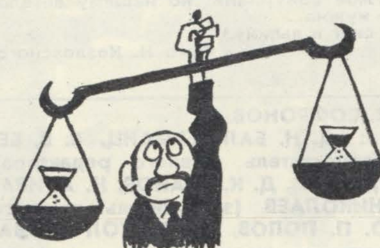
Сегодня мы публикуем несколько афоризмов председателя правления Московского клуба афористики, профессора, заведующего кафедрой восточных языков Всесоюзной академии внешней торговли В. М. Борисова.

Афоризм потому произведение искусства, что он замкнут в себе, хотя и рождает вихрь далеко летящих ассоциаций.

Есть люди, которые до старости взвешивают, пришло ли время начинать главное дело жизни.

Кто склонен, как от мухи, отмахиваться от прошлого, того, как муху, не помянет будущее.





Сколько в мире дураков, которые не сделали за всю жизнь ни одной глупости?

Общение с самим собой требует большого ума. Поэтому глупые от него воздерживаются.

Чем одареннее поэт, тем чаще он извлекает поэтические идеи из прописных истин.

Злой человек никогда не чувствует себя в безопасности.

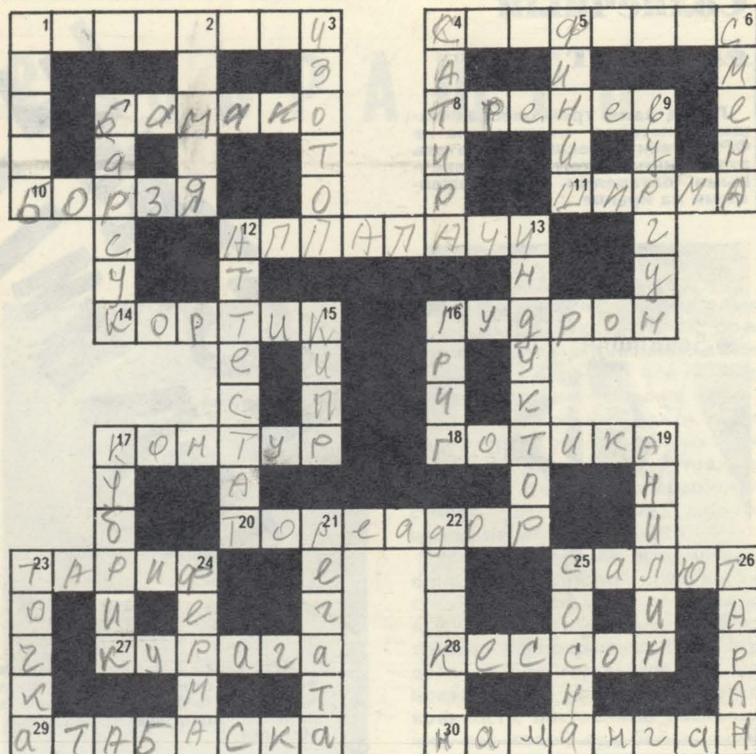
Кто готовился к своей победе двадцать лет, тот одержал двадцать крупных побед над самим собой.

Есть люди до того решительные, что у них исчезает способность рассуждать.

Плохому охотнику всегда кажется, что дичь сговорилась облетать его.



КРОССВОРД



По горизонтали: 1. Итальянский комедиограф. 4. Американский писатель-публицист. 7. Столица Мали. 8. Автор пьесы «На берегу Невы». 10. Приток Шилки. 11. Складная переносная перегородка. 12. Горная система в Северной Америке. 14. Холодное оружие. 16. Нефтепродукт, применяемый для дорожных покрытий. 17. Очертание предмета. 18. Стиль средневековой западноевропейской архитектуры. 20. Участник боя быков. 23. Система ставок, оплаты. 25. Праздничный фейерверк. 27. Сушеные абрикосы. 28. Камера для подводных работ. 29. Озеро в Канаде. 30. Город в Узбекистане.

По вертикали: 1. Французский живописец. 2. Русский народный музыкальный инструмент. 3. Разновидность атома химического элемента. 4. Обличение в литературе, искусстве. 5. Конечный пункт дистанции в спортивных состязаниях. 6. Молодежный журнал. 7. Пушной зверь. 9. Народный поэт Азербайджана. 12. Документ об окончании среднего учебного заведения. 13. Электрическая машина с ручным приводом. 15. Остров в Средиземном море. 16. Норвежский композитор, пианист и дирижер. 17. Помещение на судне. 19. Органическое соединение, употребляемое для получения красителей. 21. Соревнования на спортивных судах. 22. Северное созвездие. 23. Знак препинания. 24. Несущая конструкция моста, сооружения. 25. Хвойное дерево. 26. Древнее осадное орудие.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали: 3. Алгебра. 5. Саранск. 7. Проза. 8. Аллюр. 9. Баллистика. 11. Печора. 13. Жалюзи. 14. Платон. 15. Цвирка. 16. Клумба. 18. Кобура. 21. Афганистан. 22. Гарус. 24. Кокон. 25. Ариетта. 26. Клычков.

По вертикали: 1. Гагра. 2. Линза. 3. Абордаж. 4. Ателье. 5. Сектор. 6. Кулибин. 9. Балюстрада. 10. Амбарцумян. 11. Пиджак. 12. Аптека. 15. Цесарка. 17. Аксаков. 19. Одарка. 20. Росток. 23. Слива. 24. Какао.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Строится Усть-Илимский лесопромышленный комплекс. * В этом ресторане охотно отдыхают жители Братска.
(См. в номере материал «На берегах сибирской реки».)

Фото Э. Брюханенко, А. Кузярина (ТАСС)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Этот пес «работает» в горноспасательной службе Бакуриани; но нашему веселому лыжнику помощь, кажется, не нужна...
(См. в номере материал: «Солнце, снег и лыжи».)

Фото Н. Козловского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный—212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 15.01.79. А 00614. Подписано к печати 30.01.79.
Формат 70×108¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 305. Заказ № 55.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Б. СМИРНОВ,

фото Н. КОЗЛОВСКОГО



От Боржоми до Бакуриани всего тридцать семь километров. Расстояние небольшое. Но как это много, если дорога идет вверх!

Бывает — внизу, в Боржоми, совсем тепло, не наберешь и пригоршни снега, и нелепыми кажутся лыжи в руках туристов на уютной станции железнодорожной узкоколейки. Но вот начинается подъем, медленно разматываются крутые петли горной дороги-серпантина, и уже с половины пути, в районах курортов Цеми и Цовгери, видишь, как белые языки снега все шире и шире зализывают крутые склоны ущелья. Еще один километр — и снег уже повсюду, он шапками лежит на соснах, переметает дорогу, сугробами нависает над быстрой водой горной речки...

Бакуриани не зря называют царством снега. Впрочем, не только снега — царством солнца, голубого неба, неповторимого горного воздуха, напоенного хвойным запахом сосен. У нас в стране много прекрасных горных долин, но все же Бакуриани — место уникальное. Во-первых, сюда можно легко добраться по железной либо автомобильной дороге, а такого преимущества нет у большинства горных долин. Во-вторых, небольшая высота — всего 1700 метров над уровнем моря — не требует от приезжих особо хорошего здоровья, акклиматизации и прочих присущих горам ограничений. В-третьих, здесь, в защищенной от ветров горной чаше, образовался свой микроклимат с плавным перепадом температур, с высоким уровнем ультрафиолетовой радиации. Иначе говоря, здесь много солнца. Даже зимой (и особенно зимой!) достаточно двух-трех дней, чтобы лицо гостя покрылось заметным загаром... Четвертое преимущество — просторное плато Бакуриани позволяет широко вести стройки, пятое — пологие склоны не грозят снежными лавинами... Короче, все достоинства Бакуриани привели к тому, что уже давно, с двадцатых годов, это место превратилось в один из главных зимних спортивных центров страны. Все началось с базы спортивного общества «Динамо». Потом был построен трамплин, появились канатная дорога на гору Кохта, санная трасса, еще один подъемник...

Сейчас в Бакуриани едут за тысячи километров, чтобы провести свой отпуск на заснеженных склонах. Никакая статистика не сможет подсчитать, сколько здесь, на солнечных трассах, родилось поклонников столь популярного сегодня горнолыжного спорта. Вот малыши — они еще и говорить-то как следует не научились, а на лыжах чувствуют себя, словно в родной стихии. Вот студенты, приехавшие в Бакуриани на каникулы,— теперь у них только и разговоров — о ботинках, креплениях, технике поворотов. Даже пожилые люди, давно забывшие дорогу на стадион, с удивлением убеждаются в Бакуриани, что горные лыжи доступны и их возрасту...

Легкие снежинки опускаются на островерхие бакурианские крыши, покрывают белым настом исчерченные лыжами склоны гор. ...Кто это утверждает, что полноценный отдых возможен только летом! Наверное, тот, кто еще не бывал в Бакуриани!

СОЛНЦЕ

По мягкому снегу.



До Тбилиси отсюда несколько часов езды.



Солнце— для всех.

Бакуриани строится.



, СНЕГ И ЛЫЖИ

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

